

Министерство образования и науки РФ
ФГБОУВПО «Бурятский государственный университет»
Боханский филиал

**Прибайкалье в
микроисторическом срезе:
методология и проблемы
(Егуновские чтения – V)**

Материалы межрегиональной научно-практической
конференции, посвященной 110-летию со дня рождения
первого профессора БГПИ/БГУ доктора исторических наук
Никифора Петровича Егунова

4 июня 2012 г.
г. Улан-Удэ, БГУ

8 июня 2012 г.
п. Бохан, Боханский район Иркутская область
Боханский филиал БГУ

Иркутск
 отпечатано
2013

УДК 94 (571ю53)(082)
П 75

Научные редакторы
Т.Е. Санжиева, д-р ист. наук, проф.
В.М. Мантыков, канд-т пед. наук, доц.

Рецензенты:
Г.С. Митьпова, д-р ист. наук, проф.
Е.Е. Семенова, канд-т ист. наук, доц.

П 75 Прибайкалье в микроисторическом срезе: методология и проблемы (Егуновские чтения – V): Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 110-летию со дня рождения первого профессора БГПИ/БГУ доктора исторических наук Никифора Петровича Егунова. 4 июня 2012 г. г. Улан-Удэ, БГУ, 8 июня 2012 г. п. Бохан, Боханский район Иркутская область Боханский филиал БГУ/ отв. редакторы Т.Е. Санжиева, В.М. Мантыков. – Иркутск: Оттиск, 2013. – 282 с.

В сборник вошли статьи преподавателей БГУ, Боханского филиала БГУ, Боханского педколледжа им. Д. Банзарова, учителей Усть-Ордынского округа, г. Улан-Удэ, посвященные проблемам локального уровня. В статьях рассматриваются вопросы истории, литературы, биологии, педагогики, развития образования округа. Много статей посвящено персоналиям.

Большинство работ имеет краеведческий характер.

ISBN 978-5-905847-43-1

© Боханский филиал Бурятского
государственного университета, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
<i>Санжиева Т.Е.</i> Научное наследие профессора Н.П. Егунова	6

ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

<i>Байкалов Н.С.</i> Историография строительства БАМа в Бурятии: основные этапы, особенности	12
<i>Высотина Е.А.</i> Экономическое положение Забайкальского казачества в дореволюционной России	20
<i>Гордина И.В.</i> Роль женщины в войнах XX в.	29
<i>Дальжинова И.А.</i> Воздействие Ангарского каскада на сельское хозяйство Иркутской области	36
<i>Доржу З.Ю., Самарина Н.Г.</i> О состоянии сельского хозяйства Тувинской АССР в 1970-1980 гг.	44
<i>Золхоев Б.В.</i> Тюркоязычные племена в Байкальском регионе: расселение и культурно-исторические связи	54
<i>Мантыков В.М.</i> Феномен бурятского «неошаманизма»: истоки и пути развития.	62
<i>Олзоева Н.В.</i> Электрификация колхозов Бурят-Монгольской АССР в послевоенные годы (1945-1953)	75
<i>Цыренова З.Е.</i> Традиционная культура коренных народов Восточной Сибири в советский период: опыт сохранения и развития	86
<i>Доржиева О.В.</i> Решение продовольственной проблемы в Бурятии в начале XX в.	97
<i>Леонов А.Ю.</i> Проблемы формирования Верхнеудинских казачьих полков и их участия в Русско-Японской войне 1904-1905 гг.	105
<i>Малеев Н.Г.</i> Прибайкальские поселения в доколхозный период	113
<i>Шантанова Т.В.</i> Великая Мать в образе злой мачехи как воплощение деструктивной стороны материнского начала	119

КРАЕВЕДЕНИЕ

<i>Бадыева Л.В.</i> Знание родословной как основа нравственно-патриотического воспитания	130
<i>Баишланова И.А.</i> Природное наследие Приангарья	133

<i>Белая Л.И.</i> Забытое на родине имя	138
<i>Герасимова В.В.</i> Прибайкалье: история освоения	142
<i>Евтехов Р.А.</i> Религиозные воззрения древних обитателей Забайкалья	152
<i>Имегенов В.В.</i> Династия Щадовых-Малеевых	161
<i>Калмыкова И.Г.</i> Драматургия Степана Лобозёрова. Региональные особенности проблематики и конфликта	166
<i>Марактаева С.Н.</i> Некоторые аспекты исследований обрядов инициации у древних бурят	177
<i>Мисайлова Е.</i> Учительская династия	184
<i>Рыбаченко И.С.</i> Историография экономических и политических процессов в конце XIX – начале XX вв. в Западном Забайкалье .	189
<i>Самсонова Е.Н.</i> Распространение буддизма на территории Прибайкалья	204
<i>Ткач Н.К., Хасанова В.В.</i> Культурное развитие народов Боханского района (на примере свадебных традиций)	208
<i>Турусова А.И.</i> Н.К. Петрова: певица и педагог	213
<i>Убугунова С.М.</i> Из истории становления образования на территории Боханского района.	223
<i>Урбанова С.Е.</i> В.А. Сахьянов – общественный деятель Бурятии . .	229
<i>Фарков А., Убугунова С.М.</i> Бурятские народные музыкальные инструменты: история и современность	234
<i>Халбашкеев А.В.</i> Политические ценности современной студенческой молодежи	244

ПЕДАГОГИКА

<i>Аштуева С.А.</i> Использование этнокультурных традиций в воспитании обучающихся	253
<i>Замбулаева Н.Г.</i> Развитие связной речи младших школьников на уроках бурятского языка	259
<i>Мушкирова А.Н.</i> Современные образовательные технологии. . .	265
<i>Убугунова В.Н.</i> Методы исследования в проектной деятельности: из опыта работы	270
<i>Урбанова В.П.</i> Изучение народного бурятского эпоса «Гэсэр» на уроках изобразительного искусства	275

Предисловие

Межрегиональная научно-практическая конференция «Егуновские чтения» стала постоянным научным мероприятием. Особенностью конференции является активное участие учителей, студентов и учащихся.

Конференция «Прибайкалье в микроисторическом срезе: методология и проблемы» (Егуновские чтения – V) посвящена 110-летию со дня рождения первого профессора БГПИ/БГУ доктора исторических наук Никифора Петровича Егунова. Конференция прошла в два этапа: 1 – на базе исторического факультета БГУ, 2 – в Боханском филиале БГУ. В работе конференции приняли участие учителя Усть-Ордынского Бурятского округа. Кроме учителей истории и обществознания с докладами выступили учителя биологии, музыки, рисования. Таким образом, проблемы, поднятые в выступлениях, касаются истории Республики Бурятия и Усть-Ордынского Бурятского округа.

*В.М. Мантыков,
директор Боханского филиала
ФГБОУ ВПО «Бурятский
государственный университет»
к.п.н., доц.*

Научное наследие профессора Н.П. Егунова

Т.Е. Санжиева

д.и.н., проф.

профессор кафедры истории Бурятии

ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет»

ЕГУНОВ Никифор Петрович родился 15 июня 1902 г. в улусе Дундай бывшего Боханского ведомства Балаганского уезда Иркутской губернии. В 1913 г. он окончил начальную школу с похвальным листом. Далее учиться он не смог и занялся самообразованием, в котором ему помогал политический ссыльный М.П. Меньшиков, отбывавший ссылку в годы первой мировой войны. Он организовал молодежь для проведения культурно-воспитательной работы среди улусного населения. Под его руководством ставились пьесы Н. Островского и на бурятском языке пьеса Барлукова «Архин зэмэ». В 1918 г. Г.П. Егунову удалось продолжить образование в высшем начальном училище. Н.П. Егунов был участником гражданской войны. По окончании войны он принял активное участие в работе Шаралдаевского, затем Укыро-Шаралдаевского хошревкома.

В 1922-1923 гг. Н.П. Егунов учился на рабфаке им. Н.Н. Яковлева в Иркутске, где проявил большой интерес к истории. Свое образование Н.П. Егунов продолжил в МГУ на факультете общественных наук, но вследствие нехватки педагогических кадров по просьбе Бурят-Монгольского обкома партии он был переведен в Академию коммунистического воспитания им. Н.К.Крупской на школьное отделение факультета коммунистического воспитания детей, где среди других лекторов слушал лекции Л.Д.Троцкого. Обучаясь в Москве, Н.П. Егунов работал пионервожатым, руководителем комсомольского кружка в Бескудниковской ячейке РКСМ, затем стал штатным пропагандистом Московского уездного комитета партии. Н.П. Егунов руководил также кружком текущей политики актива меховой фабрики, являлся секретарем комсомольской ячейки факультета коммунистического воспитания и членом комитета ВЛКСМ Академии. Будучи студентом, он приезжал в Верхнеудинск, где

читал лекции на курсах повышения квалификации учителей и пионервожатых.

По окончании академии он был назначен заведующим учебной частью Бурятского педтехникума, а затем его директором. По заданию партии он руководил кружком политической экономии хозяйственного актива г. Верхнеудинска, был внештатным лектором обкома партии. В 1931 г. по решению бюро Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) Н.П.Егунов был назначен заместителем заведующего культпрома областного комитета партии, затем работал начальником школьного управления при Наркомпросе БМАССР. Работая в обкоме партии, Н.П. Егунов проводил большую работу по национально-культурному строительству. По его инициативе состоялось совещание, на котором он выступил с докладом о национально-культурном строительстве в западных аймаках республики. На основе доклада Н.П. Егунова были разработаны мероприятия по национально-государственному строительству и повышению языковой культуры западных бурят. В 1932 г. Н.П. Егунов в журнале «Культура Бурятии» № 3-4 опубликовал статью «Национально-культурное строительство в Бурятии к 15 годовщине Великой Октябрьской социалистической революции». С мая 1932 г. с открытием агропединститута по решению обкома партии Н.П. Егунов стал работать там по совместительству преподавателем педагогических дисциплин. В годы политических репрессий он был вынужден уехать из Улан-Удэ, в течение 2 лет скрывался в Тайшете, где работал учителем.

Особое место в жизни Никифора Петровича занимают годы Великой Отечественной войны. Он был призван на фронт в апреле 1943 г. Путь солдата он прошел пешком через всю Украину, участвовал в боях за Харьков, Валки, Полтаву и Кременчуг. В 1944 г. в составе 1-го Украинского фронта он участвовал в боях за освобождение Житомира, Бердичева, Винницы, прошел Польшу. За героизм в боях Н.П. Егунов был награжден медалью «За боевые заслуги», «За победу над Германией» и другими военными наградами.

После войны он стал преподавателем пединститута, где работал до ухода на заслуженный отдых. Он читал лекции по истории средних веков, истории СССР, русской историогра-

фии, истории древнего мира, методики преподавания истории. В 1950-е гг. он был деканом факультета иностранных языков, биолого-химического и исторического факультетов и возглавлял кафедру истории. Успешная работа Н.П. Егунова на организаторских должностях сыграла немалую роль в переходе пединститута из 3 разряда в 1 разряд.

Широчайшая эрудиция дала возможность реализоваться Никифору Петровичу не только как известному педагогу, но и как талантливому ученому.

В 1951 г. Н.П. Егунов защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Переход бурятского улуса к социалистическому колхозному строю», в которой на примере одного колхоза имени Ленина (Баянгол) Баргузинского района показал коренные изменения экономических и социокультурных условий жизни бурятского улуса в годы советской власти.

После защиты кандидатской диссертации центром исследовательских интересов Н.П. стала этническая история бурят, в частности национальное движение бурят. В 1963 г. он опубликовал монографию «Колониальная политика царизма и первый этап национального движения в Бурятии в эпоху империализма». Никифор Петрович внес вклад в исследование этой сложной проблемы. Национальное движение бурят имело существенные отличия от движений соседних и родственных народов, прежде всего в связи со специфичностью земельного вопроса в крае, и особенностями экономического развития, что наглядно показал Н.П. Егунов в своем исследовании.

Бурятия и в географическом и в этнокультурном отношении вследствие систематических контактов и взаимодействия русских, монголов, бурят, китайцев, тибетцев исторически являлась пунктом сосредоточения и взаимодействия культур Запада и Востока. Специфичность земельного вопроса в Бурятии заключалась прежде всего в искусственном насаждении «чересполосицы» царской администрацией с русификаторской целью.

В 1967 г. Н.П. Егунов стал первым доктором наук Бурятского государственного пединститута им. Д. Банзарова, успешно защитив докторскую диссертацию на тему «Национально-освободительное движение Бурятии в эпоху империализма» на

диссертационном совете в МГПИ им. В.И. Ленина под председательством академика И.И. Минца. Защита диссертации прошло в условиях острой дискуссии. В диссертации раскрыта колониальная политика царизма в Бурятии и тесная связь ее с внешней политикой России на Дальнем Востоке. На широкой источниковой базе Н.П. Егунов дал оценку аграрно-административных мероприятий царского правительства, затрагивающие жизненные интересы бурят и эвенков, показал истоки национального движения. В диссертации приведена периодизация национального движения, охарактеризованы его социально-экономические и политические предпосылки.

Никифор Петрович первым получил звание профессора. Он стал преподавать новые курсы «Методология истории», «История Бурятии» и «Историческое краеведение». В 1970 г. Н.П. Егунов опубликовал вторую монографию, посвященную национальному движению, – «Первая русская революция и 2 этап национального движения в Бурятии», в которой он характеризует и оценивает значение деятельности национальной интеллигенции и ее лидеров. Он объективно оценил национальное движение и ее лидеров, как борцов за права своего народа. Тогда как представители бурятской интеллигенции, осуществлявшие национально-государственное строительство, в советской историографии рассматривались как «буржуазные националисты», контрреволюционеры.

Надо отдать должное смелости ученого, который не побоялся заняться этой темой в те годы. В 1980-е г. новосибирский ученый А.А. Демидов назвал Никифора Петровича «буржуазным националистом».

В 1980-е гг. Н.П. Егунов включился в научную дискуссию по проблемам этногенеза бурят. В 1984 г. он издает монографию «Прибайкалье в древности и проблемы происхождения бурятского народа», Никифор Петрович сформулировал свою концепцию по этому вопросу. Предположил, что буряты являются автохтонным населением (Мальгинская и Буретская палеолитические стоянки представляют протобурятские поселения), а также он доказывал, что буряты издавна были скотоводами, а определение «зверолов», данное им в «Сокровенное сказание

монголов» и Рашид ад-Дином в «Сборнике летописей», носит не хозяйственное значение, а географическое (буряты жили в лесостепной зоне), звероловами их называли также из-за пушнины, которую они продавали, хотя сами не добывали, а меняли у тунгусов.

В 1990 г. Н.П. Егунов опубликовал монографию «Бурятия до присоединения к России». Этот период является наименее изученным в историографии Бурятии. Н.П. Егунов восполнил этот пробел.

Последнюю работу «Бурятия до присоединения к России (очерк о социально-экономическом и политическом развитии бурятских племен в XIII-XVIII вв.» Часть 2. Н.П. Егунов не успел опубликовать. Это сделали его внуки. В 2001 г. она была издана. В ней Никифор Петрович исследует расселение, миграции бурятских родов

Отдавая дань ценностям советской эпохи, Н.П. Егунов написал книги о выдающихся национальных деятелях: М.И. Амагаеве – первом председателе ЦИК БМАССР, В.И. Трубочееве – руководителе бурсекции при Иркутском губкоме РКП(б), первом секретаре Бурят-Монгольского обкома партии и командире партизанского отряда П. Балтахинове.

Большой интерес вызвала монография, посвященная истории ДВР. «Очерки истории Дальневосточной республики» (Улан-Удэ, 1972). В данной работе Н.П. Егунов осветил предпосылки образования буферного государства, основные этапы его истории, политические перипетии в ходе существования ДВР. Объясняя причины образования ДВР Н.П. Егунов, пишет, что создание ДВР шло в упорной борьбе. Политцентр, находившийся у власти в Иркутске, находясь на позициях областников, пытался создать на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока буржуазно-демократическое государство под протекторатом США и Японии. РКП(б) во главе с Лениным отстаивали свою позицию создания ДВР для передышки в боевых действиях Красной армии.

Никифор Петрович Егунов был участником многих научных конференций в Москве, Ленинграде, Алма-Ате, Новосибирск,

Иркутске, Якутске и т. д. Н.П. Егунов был делегатом XIII международного конгресса историков.

За многолетний труд Н.П. Егунов удостоен званий заслуженного учителя БурАССР и деятеля науки БурАССР, отличника народного образования СССР и отличника Министерства высшего и среднего специального образования СССР. Он награжден орденом Великой Отечественной войны II степени, медалями «100 лет со дня рождения В.И. Ленина» и др. Имя Н.П. Егунова было занесено в книгу Почета Минпроса БурАССР и президиума обкома профсоюза учителей и работников высшей школы и научных учреждений.

Как и у многих, путь Н.П. Егунов в жизни и науке был нелегким: поздно пришел в науку, в возрасте 50 лет защитил кандидатскую диссертацию, 60 лет – опубликовал первую монографию. Благодаря своей интеллигентности, скромности и чувству юмора Н.П. Егунов везде создавал атмосферу свободного творчества и доброжелательности. Но в научных спорах он твердо отстаивал свою точку зрения. Его публикации вызывали неизменный интерес исследователей, они получили высокую оценку у научной общественности.

Н.П. Егунов оставил богатое научное наследие, которое цитируется в трудах исследователей этнической истории бурят, национального движения бурят и государственного строительства. Его труды являются основой для обучения студентов по истории Бурятии.

ИСТОРИЯ. ИСТОРИОГРАФИЯ

Историография строительства БАМа в Бурятии: основные этапы, особенности

Н.С. Байкалов
к.и.н., доц. кафедры истории Бурятии
ФГБОУ ВПО «Бурятский госуниверситет»

Вопросы строительства последней крупной стройки социализма – Байкало-Амурской железнодорожной магистрали и социально-экономического развития прилегающих территорий становились предметом изучения различных дисциплин. Историческая наука за относительно небольшой отрезок времени накопила солидный объем исследований проблем БАМа, включая монографии, диссертации, статьи и другие материалы. Свой вклад в разработку истории БАМа внесли ученые Бурятии, на территории которой магистраль пересекла два северных района, составивших Бурятский участок БАМа – Северобайкальский и Муйский. Данная работа посвящена рассмотрению основных этапов и особенностей изучения истории БАМа в Бурятии.

В отечественной историографии строительства БАМа и социально-экономического освоения прилегающей территории исследователи выделяют три периода: позднесоциалистический (1974 – середина 1980-х гг.), «перестроечный» (середина 1980-х – начало 1990-х гг.) и постсоветский (1990-е – 2010-е гг.).

В позднесоциалистический период написание истории БАМа осуществлялось параллельно с процессом сооружения магистрали и сопутствующих объектов, что обеспечило такие особенности публикуемых работ, как агитационно-пропагандистская направленность, описательность, отсутствие критического анализа изучаемых явлений. Строительство БАМа рассматривалось как очередная закономерная победа развитого социализма, «стройка века». Главным приоритетом проекта провозглашалось вовле-

чение отдаленных северных регионов Сибири и Дальнего Востока в социально-экономическое развитие. Основной формой привлечения населения в качестве рабочей силы являлся комсомольский призыв, осуществлявшийся во всех республиках СССР. Стройка была объявлена всесоюзной, комсомольской и ударной. Последнее определение подразумевало как ускоренные темпы возведения основного объекта, так и специфическую «военизированную» (отрядную) систему организации строительства. Данная риторика переключалась из уличных плакатов и публицистики в научную литературу.

В период перестройки деидеологизация исторической науки и переосмысление всего исторического наследия советской эпохи привели к росту критических работ по истории БАМа: впервые открыто заговорили о просчетах и ошибках в возведении магистрали, диспропорциях в сооружении промышленных и гражданских объектов, отставании в развитии социальной инфраструктуры населенных пунктов на территории БАМа. Появились статьи о переходе к новым условиям хозяйствования, коренной перестройке управления экономикой. Наконец, в обществе развернулась дискуссия о необходимости строительства магистрали как таковой и экономической целесообразности освоения прилегающих территорий. Вместе с признанием неоправданности затрат и экономической нерентабельности строительства получила распространение оценка БАМа как преимущественно геополитического и геостратегического проекта.

С образованием нового государства начала формироваться современная российская историография. История БАМа стала рассматриваться в рамках концепции административно-командной системы как неудачная попытка пролонгировать существование последней. Призыв на стройку века молодой, наиболее активной части населения страны явился механизмом снижения социальной напряженности и сохранения структур развитого социализма, а также способом реанимации и реабилитации терпящей доверие советской идеологии. Благодаря ретроспективному анализу опыта сооружения магистрали была предложена методология реформирования хозяйственной политики и разработана программа долгосрочного развития региона на совре-

менном этапе. Однако с расформированием Байкало-Амурского отделения РЖД, окончанием строительства Северо-Муйского тоннеля к началу 2000-х гг. интерес к бамовской проблематике в отечественной историографии заметно снизился. Напротив, число зарубежных исследований БАМа возросло, что связано, в том числе, и с обсуждением возможных инвестиционных проектов в зоне БАМа.

История изучения БАМа в Бурятии в целом совпадает с развитием российской историографии проблемы, однако имеет свои отличительные черты. Прежде всего, на региональном уровне недостаточно четко прослеживается описанная периодизация историографии строительства магистрали. Хотя освещение проблем истории БАМа в Бурятии началось со строительством магистрали (1974 г.), работы первых лет носили ярко выраженный публицистический характер. Начиная со второй половины 1970-х гг. в Бурятском книжном издательстве выходила серия книг о «стройке века», авторами которых являлись журналисты центральных и местных газет [1]. Эти работы содержат яркие описания фактов трудового героизма, развернутые цитаты из интервью с участниками стройки, фрагменты газетных публикаций и писем комсомольцев, богатый биографический материал и т.д. Несмотря на отсутствие теоретических обобщений, они носят краеведческий поисково-исследовательский характер, что дает основание рассматривать их в историографическом аспекте.

Только с начала 1980-х гг. Бурятский участок БАМа становится предметом исторического осмысления. При Бурятском центре СО АН СССР была создана группа молодых историков под руководством Г.Л. Санжиева, занимавшаяся систематическими исследованиями БАМа. Силами ученых В.В. Беликова, Т.Е. Санжиевой, К.Б.-М. Митупова, М.М. Халбаевой, М.Н. Балдано, П.И. Еврасимова была подготовлена и издана серия сборников, разносторонне освещавших процессы строительства железнодорожного пути и социально-экономического развития прилегающих районов [2].

История Бурятского участка БАМа получила частичное освещение в ряде обобщающих коллективных трудов по истории Бурятии периода социализма. В них проанализирован круг

проблем, связанных с влиянием строительства магистрали на социально-экономическое положение республики, демографические процессы, социальную динамику. Наиболее подробную разработку получили вопросы качественных изменений социально-демографической структуры рабочего класса, роста благосостояния населения, совершенствования организации труда, а также выявления причин невыполнения планов строительными подразделениями по введению объектов соцкультбыта [3].

С укладкой «золотого звена» и открытием сквозного рабочего движения поездов вдоль всей трассы в 1984 г. были подведены некоторые итоги в изучении БАМа. 20-22 июня 1984 г. в Новосибирске прошла Всесоюзная научная конференция «История строительства Байкало-Амурской магистрали», в которой приняло участие более 60 ученых из разных частей страны, в том числе из Бурятии [4].

Работы данного периода создавались, главным образом, на основе текущей документации строительных организаций, а также данных социологических опросов и интервьюирования строителей БАМа. Сложный противоречивый процесс сооружения магистрали и развития региона анализировался в соответствии с принятыми научными принципами исторического познания, когда основной акцент делался на изучении руководящей роли партийных и советских органов. В центре внимания исследователей находились деятельность органов КПСС, ВЛКСМ, местных партийных и комсомольских организаций, формирование трудовых коллективов, коммунистическое воспитание, общественно-политическая и трудовая активность строителей, организация соцсоревнований и т. д.

В период перестройки, несмотря на то, что основная масса академических изданий Бурятии оставалась на прежних, советских позициях, изучение истории БАМа сопровождалось переосмыслением исторических оценок и выводов ученых предшествующего периода. Наиболее быстро отреагировала на текущие перемены публицистика. Появляются статьи о переходе к новым условиям хозяйствования, о коренной перестройке управления экономикой, а также первые критические очерки,

затрагивавшие вопросы социального развития районов БАМа. Так, В.В. Беликов обратил внимание на диспропорцию в сооружении железнодорожного пути и гражданских объектов, которая, по его мнению, была вызвана отсутствием надежной базы стройиндустрии [5]. К началу 1990-х гг. в прессе появились статьи с громкими заголовками, поставившими под сомнение необходимость сооружения магистрали [6]. Был сформулирован известный тезис «БАМ – дорога в никуда», ставший на некоторое время определяющим при изучении «стройки века».

В научной литературе 1990-х – 2000-х гг. история БАМа получила сравнительно более умеренную, но вместе с тем не лишённую критических замечаний оценку.

Ретроспективный анализ исторического опыта сооружения магистрали, проведенный иркутскими учеными Г.П. Власовым, Г.А. Цыкуновым, позволил выявить особенности, трудности и ошибки, допущенные при сооружении магистрали в условиях господства административно-командной системы, сформировать практические предложения по социально-экономическому развитию региона на современном этапе. Г.П. Власов, рассматривая историю строительства Западного участка БАМа, отметил негативное воздействие неразвитой социальной сферы бамовских поселений на демографическую ситуацию в регионе и народнохозяйственную эффективность формирующегося экономического пояса в целом [7].

Учеными-экономистами Е.В. Кибаловым, В.В. Кулешовым, А.Г. Гранбергом была предложена методология реформирования хозяйственной политики и разработана программа долгосрочного развития региона по заказу Министерства путей сообщения России [8]. В качестве одной из основных причин оттока населения из зоны БАМа после завершения строительства ученые называют низкую степень развития социальной инфраструктуры населенных пунктов. Авторы выделили следующие факторы, обусловившие такую диспропорциональность: неготовность республик-шефов вести строительные работы на большом удалении от постоянных мест дислокации; сокращение, дробление и растягивание инвестиций в непроизводительную сферу; ча-

стые корректировки проектов строительства; преобладание временных сооружений над постоянными.

Своеобразным итогом в изучении Бурятского участка БАМа стал выход сборника научных статей «БАМ на территории Бурятии...», приуроченный к 25-летию начала строительства [9]. На его страницах нашли отражение различные аспекты интересующей темы. Учеными проанализированы мотивационная структура прибывающего на стройку населения, особенности формирования производственных коллективов, национальный состав строителей и пр. Влияние строительства БАМа на индустриальное развитие Бурятии, формирование республиканского отряда рабочего класса рассматривалось в обобщающих трудах М.М. Халбаевой, М.Н. Балдано, Т.Е. Санжиевой [10]. Исследователи показали, что рост миграций на БАМ не оказал существенного влияния на состояние трудовых ресурсов в промышленности республики, но строительство повлияло на увеличение капиталовложений в индустриальные отрасли в целом по Бурятии.

Социально-демографические последствия строительства БАМа анализировались в трудах К.Б.-М. Митупова. Автор отмечает, что миграционный приток на север республики большой волны молодых переселенцев-строителей значительно оздоровил половозрастную структуру населения Бурятии. Благодаря сооружению магистрали в республике возросла доля городского населения, увеличился образовательный уровень рабочих [11].

Во второй половине 2000-х гг. разработка бамовской проблематики в Бурятии была дополнена исследованиями формирования городских поселений в зоне влияния БАМа в период строительства магистрали и на современном этапе [12].

Таким образом, изучение истории Бурятского участка БАМа на региональном уровне начинается позднее, чем в целом по России. Вместе с тем, хотя большая часть работ бурятских авторов была опубликована в середине – второй половине 1980-х гг., данные труды как хронологически (основные экспедиционные работы проводились до 1985 г.), так и содержательно примыкают к первому периоду историографии БАМа. Исключение составляет публицистика, согласно которой критическое отношение к истории БАМа прослеживается с середины 1980-х гг.

Если в советское время история БАМа в Бурятии (Бурятского участка БАМа) получила систематическую разработку, то начиная с конца 1980-х гг. публикации, как правило, группируются вокруг юбилейных сборников публицистической и научно-публицистической направленности. Характерной чертой современных исследований БАМа в Бурятии является идеологическая нейтральность и фактографичность работ. Отказавшись от советских восторженных оценок, ученые Бурятии не перешли к критическому пересмотру достижений советской эпохи, а перенесли акцент на систематическое изложение исторических фактов.

Примечания

1. Соколов А.Г. Обратный адрес: БАМ / А.Г. Соколов. – Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1976. – 104 с.; Испытание трассой. – Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1978. – 188 с.; Париков А.В. Сквозь тайгу и скалы: репортаж с бурятского участка БАМ / А.В. Париков. – Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1979. – 144 с.; Творцы магистрали / сост. М.А. Жарков. – Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1985. – 260 с.; Чуль В.Е. БАМ: дорога через сердце / В.Е. Чуль. – Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1984. – 94 с.; Самарин Е.А. Дорога. Страницы из дневника строителя БАМа / Е.А. Самарин. – Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1986. – 128 с. и др.

2. БАМ – стройка дружбы / сост. Г.Л. Санжиев. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1984. – 208 с.; Комсомол Бурятии: история и современность / отв. ред. Г.Л. Санжиев. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. – 112 с.; БАМ продолжается / сост. Г.Л. Санжиев. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1987. – 222 с.

3. Очерки истории Бурятской АССР периода социализма / И.А. Асалханов, С.А. Максанов, Е.Е. Тармаханов и др. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 140-157; Санжиев Г.Л. Победа Великого Октября и переход бурятского народа к социализму // Великий Октябрь и развитие бурятского народа / сост. Т.М. Михайлов, Г.Л. Санжиев. – Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1987. – С. 32-33; Рабочий класс Бурятской АССР. – Иркутск, 1985. – С. 42-44.

4. К истории строительства Байкало-Амурской магистрали: тез. докл. Всесоюзной научной конференции «История строительства Байкало-Амурской магистрали» / отв. ред. И.И. Комогорцев. – Новосибирск, 1984. – 188 с.

5. Беликов В.В. Развитие базы стройиндустрии в Бурятском участке БАМа // БАМ продолжается. – Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1987. – С. 147-154.

6. Грушевский В. Без фанфар: БАМ: памятник застою или дорога в будущее? // Правда. – 1988. – 28 декабря. – С. 4; Переведенцев В. Куда ведет дорога? // Советская культура. – 1988. – 11 октября. – С. 3; Капелюшный

Л. Разлом: О драме строительства уникального тоннеля в Северомуйске и будущем Сибири // Бурятия. – 1992. – 17 июня. – С. 2 и пр.

7. Власов Г.П. БАМ: опыт, уроки (1970-1990 гг.). Исторический аспект / Г.П. Власов. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1998. – 142 с.; Власов Г.П. Регион БАМ: стратегия и опыт освоения. Исторический аспект / Г.П. Власов. – Братск: Изд-во БратскГУ, 1999. – 80 с.; Власов Л.Г. Новый район освоения: опыт, уроки (по материалам Западного участка региона БАМа) 1970-1990 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – Иркутск, 2004.

8. Гранберг А.Г. Регион БАМ: концепция выхода на траекторию устойчивого развития / А.Г. Гранберг, Е.В. Кибалов // Экономист. – 1996. – №6. – С. 12-22; Кибалов Е.В. Регион БАМ: стратегические альтернативы развития / Е.В. Кибалов, А.А. Кин // Регион: экономика и социология. – 1996. – №3. – С. 59-79; Регион БАМ: концепция развития на современном этапе / под ред. А.Г. Гранберга, В.В. Кулешова. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1996. – 212 с.

9. БАМ на территории Бурятии: история строительства, ее роль в хозяйственном освоении региона / отв. ред. И.В. Гордиенко. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – 217 с.

10. Балдано М.Н. Индустриальное развитие Бурятии (1923-1991 гг.): достижения, издержки, уроки / М.Н. Балдано. – Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2001. – 431 с.; Балдано М.Н. Промышленное развитие республики Бурятия в 1960-85 гг.: итоги и проблемы / М.Н. Балдано. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2000. – 159 с.; Халбаева М.М. Промышленное развитие Бурятии: опыт и проблемы 70-х годов / М.М. Халбаева. – Улан-Удэ, 1993. – 148 с.; Халбаева М.М. Бурятия в 1960-1990 гг.: тенденции и противоречия социально-экономического развития / М.М. Халбаева. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1999. – 208 с.; Санжиева Т.Е. Завершение строительства Бурятского участка БАМа / Т.Е. Санжиева // Вестник Бурятского университета. Сер. 4: История. Вып. 5. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2002. – С. 110-120. Санжиева Т.Е. Социальный аспект индустриального развития Бурятии в 1965-85-х гг. // Бурятия: Проблемы региональной истории и исторического образования: сб. науч. тр. / сост. А.Д. Цыбиктаров. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2001. – Ч. 2. – С. 67-76.

11. Митупов К.Б.-М. Воспроизводство рабочего класса Бурятии (1960-1970-е годы) / К.Б.-М. Митупов, Е.Г. Харитоновна. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2001. – 160 с.; Митупов К.Б.-М. Рабочий класс в социальной структуре Бурятии (конец 1930-х – 1970-е гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. – Иркутск, 2002.

12. Афанасьева И.П. Особенности социально-демографических процессов в городском населении Бурятии в 60-80-е гг. XX в. (Исторический аспект): Дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2004.; Байкалов Н.С. Формирование социальной инфраструктуры поселений Бурятского участка БАМа / Н.С. Байкалов. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2007. – 198 с.

Экономическое положение Забайкальского казачества в дореволюционной России

Е.А. Высотина
к.и.н., доц. кафедры истории Отечества
ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный
университет»

Началом официальной государственной службы забайкальского казачества принято считать царскую грамоту от 20 августа 1655 г., в которой государь Алексей Михайлович приказал енисейскому стольнику Афанасию Пашкову отправиться с отрядом в даурскую землю для освоения новых территорий. На основании этой грамоты по Приказу по Военному Ведомству за № 449 в 1913 г. [1] было и определено старшинство, т.е. отправная точка в процессе формирования забайкальского казачества как военно-служилого сословия.

Постепенно освоив Забайкалье, казаки взяли на себя обязательства по несению пограничной и гражданской службы в регионе, а, оформившись организационно, встали на защиту восточных рубежей Российского государства. Следует отметить и то обстоятельство, что составной частью забайкальского казачества стали буряты и эвенки с присущими им оригинальными социально-экономическими связями, особыми бытовыми и религиозными традициями, своей ментальностью, что, безусловно, наложило определенный отпечаток на общие составляющие характеристики казаков Забайкалья в целом.

Забайкальские, как и все российские, казаки находились на государственном обеспечении. Они получали денежное, хлебное, фуражное и соляное довольствие, размеры которого были дифференцированы в зависимости от принадлежности к той или иной категории служилых людей. Однако это довольствие не могло обеспечить казакам и их семьям необходимого благосостояния и поэтому они вынуждены были искать другие источники существования.

Основой материального благосостояния забайкальских казаков являлась их сельскохозяйственная деятельность, которая позволяла вести достаточно зажиточную жизнь. Побудительными мотивами к занятию земледелием было неудовлетворительное снабжение хлебным жалованием, заинтересованность в производстве хлеба на продажу, а также то, что правительство, в целях экономии государственных средств и хозяйственного освоения новых территорий, стремилось заменить часть хлебного жалования наделением служилых людей участками земли.

Согласно «Уставу о сибирских городских казаках», утвержденному императором в июле 1822 г. Нерчинская и Верхнеудинская (Удинск был переименован в Верхнеудинск в 1783 г. и стал вместо Селенгинска административным центром Западного Забайкалья. – *Е.В.*) казачьи команды, все забайкальские городские казаки сводились в один Забайкальский городской пятисотенный полк; каждому служащему городскому казаку полагалось по 15 дес. земли «для хлебопашества и скотоводства», эти нормы были распространены на станичных казаков. У пограничных казаков, на которых не распространялись положения Устава 1822 г. оставался прежний надел – 6 дес. [2] В земельный надел входили все виды угодий: пахотные, сенокосные, лесные, выпасные; они не подлежали налогообложению и пользование ими не влекло за собой уменьшение жалования. Нормы наделов не были дифференцированы в зависимости от чина.

Проведенные мероприятия улучшили в целом состояние землепользования, однако «до пропорции», т.е. до установленных норм земли не хватало. По данным на 1848 г. 1, 2, 3 сотни Забайкальского казачьего полка, дислоцированные в Верхнеудинске имели 4570,5 дес. земли вместо положенных «по пропорции» 5160; на одного служащего казака приходилось по 14 дес. [3].

Что же касается состояния землепользования у казаков-«инородцев», то следует отметить, что русская политика в земельном вопросе по отношению к бурятам и эвенкам имела своей целью удержать их в пределах Российского государства и предотвратить захваты их земель со стороны русского земледельческого населения. «Инородцам» было разрешено занимать свободные земли под кочевья захватным путем. Однако так как

земля являлась собственностью государя, то это право давалось при условии выполнения ясачной и воинской повинностей.

«Устав об инородцах» 1822 г. подтвердил землепользование бурят на правах собственности, но не иначе как «цельми племенами». Этим документом была установлена соразмерность земель с суммой уплачиваемых податей и в целом результатом введения в действие Устава было сокращение «инородческого» землепользования, что приводило к ухудшению материального положения и казаков.

К середине XIX в. назрела необходимость создания Забайкальского казачьего войска. Российские поселенцы уже давно осваивали Камчатку и побережье Охотского моря, а Амур все еще не принадлежал России. Нужна была сила, способная одновременно явиться щитом от дальнейших притязаний южных соседей и форпостом российского утверждения в Амурском крае, пресекающим попытки других капиталистических держав укрепиться на Дальнем Востоке.

Инициатором образования Забайкальского казачьего войска являлся Н.Н. Муравьев, бывший в период с 1847 по 1861 гг. генерал-губернатором Восточной Сибири. Его предложения совпали с проводимыми в стране мероприятиями, цель которых заключалась в завершении процесса организации казачьих войск, в стремлении окончательного оформления замкнутого казачьего сословия. Это обстоятельство, наряду с внешнеполитическими причинами во многом объясняют тот факт, что предложенные Н.Н. Муравьевым меры довольно быстро получили поддержку в столице. Проект был одобрен Николаем I. После внесенных им и военным министром поправок в 1851 г. проект был утвержден императором. Произошло это в два этапа: 17 марта утверждено положение о конной части войска, а 21 июня – о пешей.

Согласно положению 17 марта 1851 г., конное войско состояло из 6 полков, имевших шестисотенный состав. Забайкальский городской казачий полк и Верхнеудинские станичные казаки образовывали 1-й полк; пограничные русские казаки вошли во 2-й и 3-й полки. 4-й полк был сформирован из прежнего тунгусского полка; 5-й и 6-ой полки комплектовались из бурятских казаков. Шесть полков образовывали три бригады, по два полка в каж-

дой. Кроме шести полных конных полков Положением от 21 июня 1851 г. было создано пешее войско в составе 12 батальонов, объединенных в 3 бригады, по 4 батальона в каждой [4].

Всего в Забайкальское казачье войско было зачислено 48 169 чел. мужского пола; по штатам строевых частей на службе должны были находиться 17 716 чел.[5]. Среди них имелись как «коренные» казаки (пограничные, городовые, станичные), так и вновь зачисленные в казачье сословие государственные приписанные крестьяне. Формирование «коренного» казачества Забайкалья продолжалось более двух веков, горнозаводские же крестьяне свою историю в новом качестве только начинали.

Таким образом, вновь созданное войско в большей своей части не обладало твердыми, установившимися сословными традициями и пережитками. Этим отличалось формирование всех казачьих войск Дальнего Востока от аналогичных процессов в «старых» казачьих областях.

Положение о Забайкальском казачьем войске определяло все стороны его жизни. Управление состояло из войскового наказного атамана, обязанности которого возлагались на губернатора Забайкальской области (учрежденной 11 июля 1851 г.), войскового дежурства и войскового правления. Первым наказным атаманом Забайкальского казачьего войска стал генерал-майор П.И. Запольский. Его резиденция размещалась в Чите.

В целом образованное войско представляло собой значительную силу, оно подчинялось военному министру через генерал-губернатора Восточной Сибири. Для руководства казачьими частями при Управлении генерал-губернатора Восточной Сибири было создано специальное казачье отделение.

С образованием Забайкальского казачьего войска окончательно оформился корпоративный характер казачьего земледержания, который сводился к следующему:

1. Земля считалась во владении всего казачьего войска. Часть ее поступала в так называемый «экономический» фонд, часть непосредственно распределялась между казаками. Казачьи земельные участки периодически подвергались переделам по жребию.

2. Казачьи земельные участки включали все виды угодий: пахотные, сенокосные, выпасные, лесные и т. д.

3. Землей наделялись все казаки, не только находящиеся на действительной службе, но и отставные и неслужащие.

4. Казачьи наделы не должны были менять свой статус «служебных». Переход войсковой земли во владение лицам неказачьего звания запрещался.

5. Владение и пользование землей не сопровождалось вычетами из казачьего жалования.

Вся земля, принадлежавшая Забайкальскому казачьему войску, делилась на 6 полковых округов в соответствии с количеством полков. Выделялось: штаб-офицеру – 400 десятин, оберофицеру – 200, церковному притчу – 99, казаку – 30 десятин земли [6].

Земля являлась главным источником дохода казаков. Учет земель проводился ежегодно. При этом определялись так называемые «удобные» и «неудобные» для сельскохозяйственной обработки земли. Сложные природно-климатические условия требовали значительных материальных и физических усилий при обработке земли. Основными производимыми зерновыми культурами были: рожь, пшеница, овес, ячмень и гречиха. В определенной степени было развито и огородничество. Подспорьем в обеспечении войскового населения продуктами питания было птицеводство и пчеловодство.

В 1855 г., к началу царствования Александра II, численность Забайкальского казачьего войска достигла 110 тыс. чел. обоего пола, в том числе 54 тыс. чел. мужского пола войскового сословия [7].

Согласно правительственных положений о Забайкальском казачьем войске было проведено размежевание земель между бурятскими казаками и ясачными. В ноябре 1867 г. начальник отдела межевания казенных земель уведомлял 4-е отделение Главного Управления Восточной Сибири о том, что раздел земель между казаками и их ясачными сородичами произошел «согласно составленных ими полюбовных сказок...»[8]. В результате проведенных мероприятий землепользование казачьей категории значительно улучшилось.

Показателем богатства забайкальских казаков являлось наличие лошадей, крупного рогатого скота, овец, коз, свиней. Особенно было развито скотоводство у казаков-бурят. Буряты разводили лошадей, крупный рогатый скот, овец, коз и верблюдов. Важное место в их хозяйственной деятельности занимала переработка продуктов скотоводческого хозяйства. Буряты обрабатывали шерсть, изготавливали из нее войлок и другие необходимые в быту изделия; волос гривы и хвоста лошадей использовался для изготовления различных веревок, вожжей, сетей для ловли рыбы и пр. Очень ценились сухожилия. После многочисленных предварительных операций из них изготавливались нити для шитья одежды и обуви. Важным видом домашнего производства была обработка кожи для изготовления одежды, обуви, предметов домашнего обихода. Многие буряты занимались охотой и звероловством, которые играли подсобную роль в их хозяйственной жизни. Таковую же роль играло и ремесло.

В 1895 г. общее число земель в Забайкальском казачьем войске составляло 3 385 265 десятин земли, лошадей – 222 825 голов, крупного рогатого скота – 274 333 голов, овец и коз – 511 550, свиней – 29 935 и верблюдов – 3 405 голов [9].

На одно русское казачье хозяйство приходилось в целом по 6,8 десятин пашни, 10,1 голов скота и 8,1 лошадей; на бурятское казачье хозяйство – пашни 3,5 десятин, 11,6 голов скота и 4 лошадей; на эвенкийское казачье хозяйство – 0,14 десятин. пашни и покоса, скота около 9 голов, лошадей – 4 [10].

Кроме земледелия и скотоводства забайкальские казаки занимались торговлей, ремеслом и промыслами. В промыслах преобладали дровосечный, рыболовный пушной, извозный; в ремесле – кузнечное, оружейное, кожевенное, кирпичное, солеваренное производства. Популярным лесным промыслом была заготовка кедрового ореха и брусники. Также казаки изготавливали деготь, изделия из бересты, заготавливали лес и т.д. Занимались казаки и мукомольным производством. Наиболее распространенным были «мутовчатые» мельницы, работавшие только на внешних водах. Это были маломощные полукустарные предприятия, за сезон они размалывали всего несколько пудов зерна. Развитие у казаков кузнечного производства во многом обуславливалось

необходимостью изготовления и ремонта казачьего вооружения и амуниции.

Следует отметить, что за владение мельницами, торговыми лавками, кожевнями, кузницами казаки платили значительные оброки, порой до 2 руб., и при постоянно проводившихся «переоброчках», как правило, с увеличением оброка, могли свои ремесленные заведения потерять, что и происходило в последующем.

Дополнительный доход приносил и «дровяной» промысел. Казаки заключали подряды на поставку дров для казенных нужд. Часть отставных казаков вынуждена была наниматься на сезонные сельскохозяйственные работы, звериный и рыбный промысел, в пастухи, на горные работы и т.д.

Значительную роль в хозяйственном укладе приграничного населения играла торговля. Продукция скотоводства – кожа, мех, шерсть, мерлушка, непосредственно сами домашние животные, а также пушнина, изделия из серебра и других металлов пользовались спросом в Монголии и Китае. Буряты были поставщиками почти всей пушнины, ввозимой на китайский рынок, породистых лошадей; славились искусством своих кузнецов – дарханов. В обмен на свою продукцию кочевники получали ткани, фарфор, серебро, чай и т.д.

Правительство, понимая важность развития торговли в крае, в 1836 г. приняло постановление, согласно которому сбыт хлеба, масла, и иной продукции разрешался «всем жителям Забайкальского края без всяких ограничений», при этом отмечалось, что «всякое ограничение в торговле хлебом препятствует успехам земледелия и промышленности» [11].

В последующем времени, особенно с образованием в 1851 г. Забайкальского казачьего войска торгово-промысловые занятия казаков сокращаются. Это было обусловлено многими факторами – конкуренцией со стороны растущего городского и крестьянского населения, слабостью материальной базы, спецификой казачьей службы и, самое главное, правительственной сословной политикой, направленной на жесткое закрепление за каждой социальной группой определенных сфер деятельности.

Одним из главных показателей благосостояния войска являлся войсковой капитал. Войсковые доходы формировались из:

«1. Доход от отдачи в оброчное содержание войсковых запасных земель и других угодий.

2. Прибыли от войсковых мукомольных мельниц и других хозяйственных заведений.

3. Сбор с ярмарок и базаров, на войсковых землях учреждаемых.

4. Сбор от продажи скота, в ялу поступающего. Яла есть штраф, который получается и отдается по трактату, заключенному с Китаем, за покражу скота с той ли другой стороны.

5. Штрафы с русских подданных за переход их скота в Китайские пределы.

6. Сбор с торгующих казаков.

7. Сбор с иногородних за право торговли, в черте Забайкальского Казачьего войска, исключая города Троицко-Савска.

8. Сбор с войсковых весов.

9. Сбор с казаков, увольняемых на звериные промыслы.

10. Таковой же сбор с посторонних промышленников за дозволение проводить звериные промыслы на войсковых землях»[12].

Предусматривалось формирование т. н. «вспомогательно-го капитала», составлявшегося из фуражных «экономических» сумм и части войсковых доходов. Капитал этот предназначался для пособия офицерам и нижним чинам войска, а также вдовам и сиротам.

Что касается войсковых расходов, то Восковое Правление ежегодно обязано было составлять их смету и представлять в Военное Министерство, которое, в случае необходимости и недостатка средств в войске выделяло недостающие средства из государственной казны.

На состоянии социально-экономического положения казаков сказывалось то, что на счет войсковых сумм было отнесено пособие на содержание Главного управления ирегулярных войск и учебных заведений в войсках; содержание войсковых учебных строевых частей и казаков во время сборов перед выходом на службу; оспопрививателей, войсковых повивальных бабок; без-

возвратное пособие казакам-бурятам, принявшим православие; содержание вольнонаемного оружейного мастера и т.д.

Так как войсковых доходов на все это не хватало, то недостающую сумму пополняли за счет денежного сбора по раскладке со всех конных и пеших казаков, имевших право на поземельное довольствие.

Обмундирование, снаряжение, коня (на это требовалось примерно 150-200 руб. – *Е.В.*) казак должен был приобрести за свой счет из того дохода, который давало ему его хозяйство. Для некоторых казаков это было достаточно тяжело, особенно в неурожайные годы, и в семьях, где рабочих рук не хватало. Кроме того, богатые казаки имели возможность нанимать работников для обработки своих полей и ведения хозяйства, основная масса такой возможности не имела и могла рассчитывать только на свои силы.

В целом следует признать, что материальное положение казачества было лучшим, нежели, например, у крестьян. Казаки имели большие земельные наделы, были освобождены от целого ряда налогов, в том числе и подушной подати; за ними было закреплено право пользования земельными угодьями, исключительное право ловли рыбы в озерах, находившихся на территории войска и т.д. Однако весомость этих привилегий казачества не сопоставима с главной из них – быть опорой государственного порядка, оплотом стабильности, на протяжении всей своей жизни быть готовым защищать границы Отечества.

Примечания

1. Забайкальское казачье войско. Сб. документов. – Чита, 1991. – С. 3.
2. Зуев А.С. Русское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII – первой половине XIX в. – Новосибирск, 1994. – С. 132.
3. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 7. Ооп. 1. Д. 18. Л.
4. Высотина Е.А. Казачество Бурятии в прошлом и настоящем. – Улан-Удэ, 2007. – С. 87.
5. Сергеев О.И. Казачество на русском Дальнем Востоке в XVII-XIX вв. – М., 1983. – С. 47.
6. Забайкальское казачье войско. Сб. документов ... С. – 54.

7. Агафонов О.В. Казачьи войска Российской империи. – М., 1995.- С. – 262.
8. ГАРБ. Ф. 2, оп.1, д. 3876, л.12.
9. Смирнов Н.Н. Слово о забайкальских казаках. Исторический очерк-хроника. – Волгоград, 1994. – С. 54.
10. Цыбиков Г.Ц. Забайкальское казачье войско // Г.Ц. Цыбиков. Избранные труды. – Т. 2. – Новосибирск, 1981. – С. 65.
11. Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII-XVIII вв. – М., 1978. – С. 101
12. Забайкальское казачье войско. Сб. документов. – Чита, 1991. – С. 3.

Роль женщины в войнах XX в.

И.В. Гордина

к.и.н., учитель истории «СОШ» № 49, г. Улан-Удэ

Роль женщины в войне, как и в мирной жизни, безусловно, значительна. При анализе исторических данных необходимо выделить три наиболее важные функции, выполняемые женщиной во время войны: рабочая сила в тылу, участие в боевых действиях на фронте, рождение и воспитание детей. Рассмотрим каждую функцию подробнее.

Действительно, работа женщин в тылу имела очень большое значение для завоевания победы в мировых войнах. В России к 1917 г. процент женщин среди рабочих составлял 40 % [1]. А во II мировой войне число женщин на производстве в СССР возросло. Так, например, в Бурятии удельный вес женщин на производстве накануне войны составлял 29 %, а в апреле 1945 г. – 59,7 %, в целом за годы войны в производство республики было вовлечено более 100 тыс. женщин [2]. При этом ими были освоены профессии ранее считавшиеся «мужскими», то есть такие, как водолаз, тракторист, лесоруб, молотобоец и др.

Такой аспект эмансипации, как вовлечение женщин в промышленный труд, становился общемировой тенденцией. Но степень экономической активности женщин в различных странах была различна. Для сравнения, в США в 1940 г. удельный вес женщин-рабочих составлял 30 %, а в 1944 г. уже 35 % [3].

Так же на женщин ложились ещё и обязанности по строительству оборонительных сооружений и транспортировке раненых. Кроме производства военной техники и продовольствия для отправки на фронт, женщины собирали для фронтовиков теплые вещи. А так же становились донорами (всего в донорстве участвовало 5,5 млн. человек из них 90% – женщины [4]). Такая самоотверженность была продиктована патриотическими чувствами. Воспитанные в атмосфере преданности родине и советской власти, эти женщины готовы были отдать всё ради победы. Нужно отметить, что возраст женщин работавших в тылу, колебался от 12 до 65 лет. То есть фактически использовался не только женский, но и детский труд, сочетавшийся в одной категории населения – девочках, которые признаны категорией населения, нуждающейся в особой защите. Вспоминает Мелентьева Валерия Николаевна, ветеран труда (в 1944 г. ей было 12 лет): «Нас, детей 12-14 лет брали в аграрную лабораторию, на самую трудоёмкую и однообразную работу. Платили нам лепёшками из непригодного для высадки зерна, точнее такого зерна, которое давало мало всходов. За это предназначенное для высадки зерно мне и ещё нескольким ребятам нужно было ворошить лопатой каждые 15 минут, а иначе оно нагревалось и сгорало. За что взрослого человека могли даже расстрелять. А ребёнку наказание было бы меньше» [5]. Плюс ко всему рабочий день растягивался до 20 часов, а производственный, и без того, повышенный план увеличивался в 1,5 раза [6]. Следовательно, в условиях военной мобилизации нарушались права гражданского населения.

Возможно война дала женщинам право доказать, что они способны на подвиг. То есть то, что не смогла сделать с общественными устоями политика «освобождения женщины от домашнего рабства», сделала Великая Отечественная война, хотя уже первая мировая война помогла женщине почувствовать свою значимость в обществе.

Следующую функцию, выполняемую женщиной в условиях войны – участие в вооруженной борьбе, тоже можно разделить на следующие направления:

- 1) Участие женщин непосредственно в боевых действиях.

2) Помощь женщин на фронте.

Первое – это те военные специальности, где необходимо владеть оружием – стрелок-снайпер, пулемётчик, разведчик, то есть профессии, где необходимо убивать. Но всё дело в том, что убийство это противоречие женскому естеству. Природой заложено, что женщина дарит жизнь, а не забирает и если нарушается природный механизм это испытание для общества в целом и для женской психики, в частности. Война вообще тяжёлое испытание для любого человека. Для женщины в особенности, так как ввиду психологии женщины воспринимают только самые яркие фрагменты, и убийство является таким фрагментом. Во время боя, конечно, нет мысли об убийстве, ты уничтожаешь врагов, не выстрелишь ты – выстрелят в тебя, но на уровне подсознания откладывается эта картинка, которая позже может преобразоваться в депрессию.

И всё-таки женщин-бойцов было достаточно много. Хотелось бы еще раз назвать нескольких женщин, получивших звание Героя Советского Союза, именно, за непосредственное участие в боях Великой Отечественной войны. Это стрелок-снайпер Людмила Павличенко, пулемётчица Нина Онилова, рядовая Алия Молдагулова, летчицы 46-го авиаполка ночных бомбардировщиков М. П. Чечнева, Л. Н. Литвинова, Р. Е. Аронова, М. В. Смирнова, А. В. Попова, Е. А. Жикуненко, боец танковых войск Анна Масловская [7], и многие, многие другие. И это ещё раз доказывает, что все трудности не мешают женщине сражаться наравне с мужчинами и побеждать.

Следующее направление представлено такими профессиями, которые не считаются боевыми, то есть медики, телефонисты, радисты. Это профессии, без которых не возможна человеческая жизнь нигде и на фронте в том числе. Профессии, на которых наше общество привыкло видеть женщину. И их действительно было много, так женщины-медики во время Великой Отечественной войны составляли 41% фронтовых врачей, 43% военных хирургов и фельдшеров, 100% медицинских сестёр, 40% санинструкторов и санитарок [8].

И, наконец, особая функция женщины во время войны – рождение и воспитание детей. Учёные доказали, что при наличии

в обществе какой-либо напряжённой ситуации рождаемость резко падает. Война – это высшая мера напряжения в обществе. Действительно рождение детей во время войны это героический подвиг для женщины. И всё же под бомбёжками и под артиллерийской канонадой, во время эвакуации, в голоде и холоде они продолжают выполнять свою главную социальную функцию. Но трудность не только в рождении детей, во время войны на женские плечи ложится забота о воспитании детей, так как мужья уходят на фронт и зачастую не возвращаются, а женщины должны сохранить детей от гибели в страданиях войны, что удаётся не всегда. Здесь же нужно отметить, что если ребёнка воспитывала незамужняя женщина, клеймо мать-одиночка, ставшее в Советском Союзе чем-то язвительным, неприятным, приклеивалось к женщине. А ведь зачастую дети рождались от отправленных в тыл солдат или оккупантов. Поэтому после выхода указа «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям и об усилении охраны материнства и детства» (июнь 1944 г.), по которому разрешалось отдавать детей в детские дома, возросло количество детей-сирот. Так, в республике Бурятия, где до войны не было ни одного детского дома, в 1941 г. насчитывалось 783 сироты, в середине 1944 г. – 1050, а в июле 1945 г. (то есть после выхода указа) уже 1600 детей-сирот [9]. Но между тем были и «Матери-героини». В Бурятии с августа 1944 г. по май 1945 г. было учтено 1262 многодетных матери из них – 71 «Матери-героини» [10].

Итак, роль женщины в войнах действительно имеет весомую силу. Среди всех ужасов войны женщина пронесит все трудности на своих плечах, не требуя, чтобы это называли подвигом, потому что считают, что во время войны необходимо трудиться ради победы, что нужно братья за оружие и уничтожать врага, что, несмотря на войну нужно воспитывать детей. И всё это, несомненно, является величайшим вкладом в борьбу с врагом.

Проблем у общества во время войны множество. А, как было выяснено, женщина не просто не остаётся в стороне, а выполняет весьма значительные функции в условиях вооружённого конфликта. И проблем у женщины никак не меньше, чем у мужчин.

Так же тяжелейшим испытанием для женщины становится армейская дисциплина. Хотелось бы вспомнить эпизод из фильма «А зори здесь тихие», когда старшина приказывает разуться, девушки снимают сапоги, и мы видим, что портянки на ногах намотаны хуже некуда. Этот эпизод словно говорит нам о том, что женщине тяжело пережить все эти бытовые трудности службы. Женщина не создана для строевой подготовки и физкультурных нормативов, то есть для той бытовой стороны войны, о которой гражданский человек, идя на войну, даже не подозревает. Как пишет доктор исторических наук Сенявская Е.С: «Они были готовы к подвигу, но не были готовы к армии...» [11].

В тылу трудностей, никак не меньше. Это и тяжёлый труд, и недостаток сна, и голод, прибавьте сюда постоянное беспокойство за тех, кто на фронте. И получается неплохой фон для приобретения заболеваний нервной системы, всплеск которых отмечается в послевоенное время. Но все, же главной общественной проблемой в положении женщин на войне, на наш взгляд, выступает проблема противоречивого отношения к женщине мужчин.

Отношение мужчин к женщине на войне всегда было двойственное. Это было вызвано в первую очередь несоответствием главной социальной роли женщины и роли выполняемой ей во время боевых действий. В обществе устоялась главная функция женщина, функция материнства, а женщина с оружием – противоречие этой функции. Всё это вызывает у мужчин восхищение и отчуждение.

Другой аспект проблемы – так называемая «тема любви» на войне. Для солдат, которым «завтра идти умирать», женщина становилась лучом света, олицетворением надежды. И зачастую такая вот «фронтальная подруга» становилась необходимостью, соломинкой, за которую цеплялись, пытаюсь искренне поверить, что жизнь возможна. Но не всё в любви на фронте так безоблачно. Во время Великой Отечественной войны большинство женщин действительно шли на фронт из патриотических соображений, но было мнение, что шли на фронт, чтобы устроить свою личную жизнь. Всё это породило презрительное отношение к женщине на войне. Никто не скрывает, были такие, живущие

под циничным девизом «Война всё спишет». Но не у всех женщин на войне были такие принципы. А с другой стороны, куда деваться? Женщина среди мужчин на фронте это постоянные домогательства. Нужен защитник, при этом защитник сильный. Здесь, возможно, нужно рассказать о термине, появившемся во время Великой Отечественной войны, и надолго закрепившемся в военной лексике. Это термин, введенный известным поэтом К. Симоновым звучит, как ППЖ, в расшифровке походно-полевая жена, и указывает на насмешливое или даже презрительное отношение к женщинам-бойцам.

Хотя нужно сказать, что к женщине всегда относились строже. Так, например, женщина, изменившая мужу с кем-то в тылу, осуждается обществом, а для мужчины измена с «фронтной подружкой» не является проступком. Здесь же можно отметить, что женщина является «слабым звеном» в обществе во время войны. Уязвимостью женщины пользовались во все времена.

Необходимо отметить и тот факт, что были случаи издевательств и в тылу, со стороны земляков. Вспоминает Борисова (Фомина) Александра Александровна труженица тыла, ветеран труда Авиазавода (завод №99): «Были частыми случаи, когда ребята, пользуясь слабостью девушек, отбирали у них продовольственные карточки на хлеб или талоны в столовую. Дорога с авиазавода в общежитие лежала через лес. Поэтому девушки очень боялись возвращаться в одиночестве. Приходилось ждать друг друга, чтобы вместе идти, ведь домой отпускали не всех сразу, а по-очереди» [12].

И еще, женщина, оказавшись на оккупированной территории, зачастую, становилась объектом издевательств (их насиловали, мучили, на их глазах убивали их детей). После Великой Отечественной войны среди 18,4 млн. погибших мирных жителей женщины составляли 62% [13]. И после войны в 1949 г. Женевской конвенцией была признана необходимость принятия мер для защиты мирного населения и в первую очередь женщин и девочек [14].

Проблемы женщины в условиях вооруженного конфликта обусловлены напряжённой обстановкой, неоднозначным взгля-

дом общественности на участие женщины в войне и уязвимостью женщины.

Участие женщины в войне имело большое значение для завоевания победы. А война помогла женщине доказать свою необходимость в социальном, трудовом и политическом плане. Но с другой стороны, для женщины война стала тяжёлым психологическим испытанием, так как война для женщины это совокупность кошмарных деталей. Так же для женщин, идущих на фронт, психологическая трудность обусловлена тяжестью военного быта. Здесь же нужно отметить постоянное психологическое напряжения из-за страха за родных и близких, находящихся на фронте.

И всё-таки война явилась неким катализатором общественно-политической активности женщин. Во время войны положение женщины в обществе меняется. В первую очередь, из-за всеобщей мобилизации женщина вынуждена становиться на место мужчин. Но между тем в обществе все, же наблюдается тенденция к отрицанию правильности появления женщины на войне. И именно во время войны проявилось антигуманное отношение к женщине. Это и нарушение прав, проявление дискриминации, все возможные издевательства. А в этом случае женщину необходимо стало признать категорией населения нуждающейся по международному гуманитарному праву в особой защите.

Примечания

1. Парамонов В.Н. Российские женщины и война 1941-1945 гг.: Проблемы занятости//Социальная феминология. №1. – Самара, 1997. – С. 79.
2. Гордина И.В. Женщины Бурятии в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Автореф. дис. канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2005. – С. 19.
3. Мурманцева В.С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. – М., 1974. – С. 14
4. Кондакова Н.И. Женщины в войне//Жизнь национальностей №3-4, 2000. – С. 45.
5. Данные из беседы с Мелентьевой В.Н. – Улан-Удэ. 2001.
6. Козлов М. М. Энциклопедия: Великая Отечественная война – М., 1985. – С. 332.
7. Огненные годы. Документы и материалы по Великой Отечественной войне. – М., 1971.

8. Иванова Ю.И. Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах. – М. 2002. – С. 166.
9. Гордина И.В. Женщины Бурятии в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Автореф. дис. канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2005. – С. 23.
10. Гордина И.В. Женщины Бурятии в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Автореф. дис. канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2005. – С. 23.
11. Сенявская Е.С. Человек на войне: Историко-психологическое исследование. – М. 1999. – С. 91.
12. Данные из беседы с Борисовой А.А. – Улан-Удэ. 2006.
13. Кондакова Н.И. Женщины в войне//Жизнь национальностей №3-4, 2000. – С. 48.
14. Шарлота Линдсней. Женщина и война. – М. 2003. – С. 14.

Воздействие Ангарского каскада на сельское хозяйство Иркутской области

И.А. Дальжинова
Асс.

Боханский филиал
ФГБОУ ВПО «Бурятский госуниверситет»

Началом значительных изменений в сельском хозяйстве Иркутской области послужило создание в 1950-1970-х гг. водохранилищ Ангарского каскада ГЭС, что повлекло за собой коренную ломку всего хозяйственного облика и жизненного уклада населения. Процесс формирования сельскохозяйственных баз в районах нового освоения имел ряд особенностей и специфических черт, без учета которых невозможно было обеспечить комплексное развитие территории, создать надлежащие условия для проживания населения. Главным из них является недостаточное количество земель пригодных для сельского хозяйства, характерное для таежных районов размещение сельскохозяйственного производства отдельными изолированными очагами в долинах сибирских рек. Это положение обострялось изъятием из оборота ранее освоенных сельскохозяйственных земель в связи с созданием искусственного водохранилища и с открытой разработкой полезных ископаемых.

Потери значительного земельного фонда требовали компенсации за счет освоения и ввода новых таежных земель, рекультивации обработанных земель на карьерах горнодобывающих отраслей. Однако на практике многие намеченные компенсационные мероприятия выполнялись неудовлетворительно, что сказалось на темпах развития сельского хозяйства в районах нового освоения.

Становление нового сельскохозяйственного производства шло под сильным воздействием природно-климатических факторов, которые определили естественный уровень его развития. С учетом этой особенности осуществляется выбор сельскохозяйственных культур и пород скота для разведения, прорабатываются вопросы производства отдельных продуктов питания на промышленной основе. Все это предопределяет наиболее рациональное использование природных ресурсов специализации сельского хозяйства. Конечно, суровые природно-климатические условия заметно сказываются на себестоимости производственной сельскохозяйственной продукции, которая остается довольно высокой.

Отмечая особенности сельскохозяйственного развития Иркутской области, следует сказать, что ускоренными темпами росла численность населения, опережая рост сельскохозяйственных угодий. За 1955-1985 гг. население области выросло на 30 %, Восточной Сибири на 24 %, а РСФСР только на 10,5 % [1]. Общая численность населения по состоянию на 15 января 1970 г. составила 2313,4 тыс. чел, в том числе городское 1673,4 тыс. чел. [2] Снижение земельной обеспеченности в области связано и с затоплением водохранилищами ГЭС 168 тыс. га сельхозугодий, что составило 6,6 % от общего количества сельхозугодий области и 4,4 % пашни. В целом по СССР в связи с созданием водохранилищ было затоплено около 6 млн. га, в том числе 2,5 млн га сельхозугодий [3]. Разработка прогноза земельного использования во многом зависит от возможности дополнительного вовлечения земель в сельскохозяйственный оборот, который в Иркутской области был резко ограниченный. Если в 1950-е гг. освоение новых земель под пашню проводилась за счет распашки сенокосов, пастбищ и залежей, а в 1960-е гг. за

счет кустарников и редколесья, то в 1970-х гг. таких участков практически не осталось. Учитывать надо и то, что на развитие сельского хозяйства до сих пор сказываются последствия отвода значительных площадей под водохранилища. Потеряна знаменитая «илимская пашня», кормившая хлебом северные районы многие десятилетия. Так, водами Братского моря затоплено 49,1 % пашни, 83,4 % сенокосов, т.е. 58,1 % всех сельхозугодий Братского района [4].

Современный опыт показывает, что любое освоение новых территорий или размещение крупного промышленного потенциала уже в обжитых районах должен рассматриваться не как отраслевой процесс, а как комплексный. К большому сожалению, при планировании хозяйственного развития прорабатывались лишь проблемы промышленного производства. Сельскому хозяйству отводили роль второстепенной отрасли, органически не связанной с генеральной линией развития народного хозяйства региона. Нетрудно представить к каким последствиям приводил подобный подход к решению важных хозяйственных задач. Отставание сельского хозяйства порождало ряд проблем социального, миграционного характера, которые в свою очередь оказывали влияние на развитие производительных сил региона.

Начиная с момента наполнения водохранилища, береговые склоны начали подвергаться воздействию ветровых волн. Усть-Ордынский Бурятский автономный округ впервые столкнулся с таким стихийным бедствием как размыв берегов, когда было подвержено 90% береговой линии. Размыв берегов уже давно перешел границы, намеченные при строительстве ГЭС, и по данным ученых института земной коры СО РАН затухание этого процесса не наблюдается [5]. Создаётся ряд таких проблем, как большой ущерб лесному хозяйству и земельному фонду; из зоны размыва необходимо вынести жилые дома, производственные здания, школы, из 10 населенных пунктов; волноприбойной деятельностью и ветровой эрозией активно уничтожаются археологические памятники.

В связи с этим принимается Постановление Правительства РФ от 7.10.1996 г. № 1169 « О мерах по защите населенных пунктов и сельскохозяйственных угодий Усть-Ордынского нацио-

нального округа, находящегося в зоне воздействия Братского водохранилища» [6]. Программа была принята с целью реализации Постановления Правительства РФ от 5 июля 1994 года №782 «О неотложных мерах по государственной поддержке социально – экономического развития Усть-Ордынского Бурятского автономного округа в 1994 -1998 гг.»[7]

Финансирование мероприятий по данной программе началось в 1999 г.: из федерального бюджета было выделено 2,5 млн. руб. на перенос и строительство жилых домов. В 2000 г. эта сумма составила 1,3 млн. руб. В 2001 г. в п. Бильчир проведено строительство берегоукрепительного сооружения на сумму 2,5 млн. руб. В результате реализации водоохранных и водохозяйственных мероприятий было предотвращено разрушение берегов Братского водохранилища на 660 м., сохранено 38 домов с числом жителей 226 чел., сохранено 80 га размываемых земель, предотвращен ущерб в размере 65 млн руб. До 2003 г. общий объем финансирования составил 8,1 млн руб.

Свыше четверти всех затопленных земель использовались в качестве сельскохозяйственных угодий. Это были наиболее плодородные земли речных долин – около 10% современного сельскохозяйственного фонда Приангарья. Была полностью уничтожена сложившаяся веками в таежной зоне система долинно-пойменного земледелия и сельского расселения. Урожай на новых землях оказался в полтора раза ниже, чем на затопленных. Впоследствии это стало одной из причин обострения продовольственной проблемы Иркутской области.

В период реконструкции сельского хозяйства в зоне влияния Братского и Усть-Илимского водохранилищ вместо 140 мелких колхозов шло образование 14 укрупненных совхозов. Потери значительного земельного фонда требовали компенсации за счет освоения и ввод новых таежных земель. Однако на практике компенсационные мероприятия выполнялись неудовлетворительно, что отрицательно сказалось на развитии сельского хозяйства в районах нового освоения.

С 1955-1985 гг. население северной зоны ТПК увеличилось в 16 раз, тогда как посевная площадь картофеля только в 3,5 раза, а площадь зерновых культур даже уменьшилась в 1,5 раза,

естественных сенокосов – более чем в 9 раз. За этот же период, несмотря на широкое использование минеральных удобрений, повышение общего агротехнического уровня земледелия, урожайность зерновых выросла в среднем на 3 ц., а картофеля уменьшилась на 36 ц. В 1985 г. заготавливалось примерно 8% от общего объема сена имевшегося три десятилетия назад. Если до начала формирования ТПК здесь проживало только сельское население, то в 1986 г. удельный вес городского населения составлял 83,3 %, в сельском хозяйстве было занято всего лишь 8,6 тыс. человек. Не случайно снабжение населения мясомолочной продукцией оставалось серьезнейшей проблемой. В 1978 г. за счет собственного производства потребности жителей северной зоны комплекса удовлетворялись по молоку на 12 %, мясу – на 5%. В 80-е гг. в общем объеме потребления государственная дотация по мясу в форме централизованных поставок составляла по Братскому промышленному узлу более 70 %, а по молочной продукции – около 74% [8].

При проектировании Ангарского каскада ГЭС не в полной мере учитывались вопросы охраны природных комплексов и местные социально-экономические условия Приангарья с его специфическим земельным фондом и особенностями хозяйственного развития.

При наполнении Братского водохранилища было затоплено 166,3 тыс. га сельскохозяйственных угодий. В зону затопления попали 45,9 тыс. га наиболее плодородных пахотных земель, 6,1 тыс. га приусадебных участков, 53,3 тыс. га сенокосов, 61,0 тыс. га выгонов для скота. В Братском районе ушло под воду 77,6 % всех сельскохозяйственных земель. Большие потери земель были также в Усть-Илимском (53,9%), в Балаганском (30 %) и Боханском (21,3%) районах.

Потери больших площадей ценных сельскохозяйственных земель в зоне Братского водохранилища были неизбежны при выбранных энергетических параметрах ГЭС. Однако при сохранении бесподпорного участка Ангары ниже Иркутской ГЭС, протяженностью около 70 км, жесткий выбор отметки подпорного уровня на ГЭС не представляется бесспорным и целесообразным. Отметка подпорного уровня диктовалась необходимо-

стью сопряжения бьефов Братской и Иркутской ГЭС при строительстве еще двух ГЭС – Тельминской и Суховской. Из-за неэффективности этих гидроузлов их сооружение откладывалось на неопределенную перспективу.

В схеме энергетического использования Ангары в результате рассмотрения ряда вариантов разбивки средней и нижней Ангары на ступени, в качестве оптимального был выбран двухступенчатый вариант с расположением Усть-Илимской ГЭС в 40 км ниже устья реки Илим в районе Толстого мыса и Богучанской ГЭС Мурского порога. При сооружении Усть-Илимской ГЭС в выбранном створе в зону затопления попадала долина реки Илим, где при заселении русскими Сибири в конце XVII в. возник основной очаг земледелия. Здесь сформировалась сыгравшая исключительно важную роль в освоении Восточной Сибири знаменитая илимская пашня.

Вопрос сохранения созданного здесь в течение 3 веков фонда сельскохозяйственных земель стоял особенно остро.

Еще в 1959 г. за три года до начала подготовительных работ по сооружению ГЭС, профессор В.Н. Шерстобоев настаивал на сохранении долины реки Илим. Он писал: «...необходимо критически взвесить экономическую целесообразность потери почти всего земледелия в названных местах, последнего очага сельскохозяйственного производства в Иркутской области севернее Братска». Земля представляла «чернозем с глиной в смешении, то есть суглинка». Пахали под озимые 2 раза, под яровые 3 раза, в июне и июле [9]. Для сохранения знаменитой илимской пашни, обеспечивавшей пшеницей в XVII-XVIII вв., следовало провести изыскания по выбору места для створа Усть-Илимской ГЭС не ниже, а выше устья реки Илима.

Эти и другие заставили Гидропроект в 1963 г. дополнительно рассмотреть створы Шаманский бык Ершовский, расположенные выше устья р. Илим. На основании общих проработок установлено, что по энергетическим показателям и капитальным вложениям гидростанции в этих створах эффективны, чем ГЭС в створе Толстого Мыса.

Для сохранения илимской пашни требовалось пойти на некоторое удорожание строительства ГЭС выше устья реки Илим, где геологические условия створов были менее благоприятны.

При выборе окончательного створа Усть-Илимской ГЭС приоритет отдан энергетике. Рекомендованный ранее специальной комиссией бывшего министерства строительства электростанций одобренный решением № 9 Иркутского облисполкома 5 января 1961 г. створ был утверждён у Толстого Мыса.

Выбор створа у Толстого Мыса решил судьбу знаменитой илимской пашни. С наполнением Усть-Илимского водохранилища, начатого в 1974 г. пашня прекратила своё существование. Было потеряно 31,8 тыс. га сельскохозяйственных земель, в том числе 14,5 тыс. га пашни, 7,7 тыс. га сенокосов, 1,7 тыс. га пастбищ и 7,9 тыс. га выпасов.

В зону затопления Усть-Илимского водохранилища попали земли деревень не только по Илим, но и по Ангаре – Пашино, Нижняя Шаманка, Подъеланка, Аникино и других, тоже ранее составлявшие илимскую пашню. В долине реки Илим с её обильными кормовыми угодьями имелось многочисленное стадо крупнорогатого скота как в колхозах и совхозах, так и в личных хозяйствах жители деревень при переселении в новые совхозные поселки, возле которых еще не было кормовых угодий, обычно ликвидировали свой скот, пополняли число потребителей сельскохозяйственной продукции. При подготовке ложа водохранилища к затоплению многие деревянные еще добротные старинные дома не вывозились из илимских деревень, а сжигались на месте. Огонь и дым охватил берега древнего Илима, а с пепелищ оставляемых деревень уходили на новое поселение пашенные крестьяне, которые, по выражению В.В. Шерстобоева, были «истинными завоевателями Сибири».

Индустриализация Сибири вообще имеет особую историю. Многие хозяйственные ситуации здесь складывались часто под диктовку жестких экономических обязательств развития страны, а не требованиями рационального ведения хозяйства в отдельных сибирских регионах.

Компенсационный фонд затопляемых земель создавался в местах, ранее не использовавшихся в сельском хозяйстве, да и

мало пригодных к его ведению. Все это в известной мере ограничивало возможности местного сельского хозяйства по снабжению сельскохозяйственной продукцией быстро растущего населения промышленных центров и городов в среднем Приангарье.

Примечания

1. Курьян Г.И. Социально-экономическая оценка эффективности агропромышленного комплекса региона.- Новосибирск, 1990. – С.73
2. Статистический сборник. – С.23
3. Курьян Г.И. Социально-экономическая оценка эффективности агропромышленного комплекса региона.- Новосибирск, 1990. – С.73.
4. Там же. – С.73.
5. Отдел водных ресурсов по УОБАО. Мероприятия по защите населенных пунктов, хозяйственных объектов и ценных с-х угодий, подвергающихся разрушительному воздействию вод Братского водохранилища. – Усть-Орда, 2000.
6. О мерах по защите населенных пунктов, хозяйственных объектов сельскохозяйственных угодий Усть-Ордынского Бурятского автономного округа, находящихся в зоне воздействия Братского водохранилища: Постановление правительства РФ от 7 окт.1996. – № 1169.
7. Отдел водных ресурсов по УОБАО. Мероприятия по защите населенных пунктов, хозяйственных объектов и ценных с/х угодий, подвергающихся разрушительному воздействию вод Братского водохранилища.- Усть-Орда, 2000.
8. Ершов В.К. Сельское хозяйство Иркутской области в 1946-1985 гг.: учеб. пособие.- Иркутск,1997.- С.18. Шерстобоев. В.Н. Илимская пашня. – Иркутск, 2001.- Т.II - С.180.
9. Шерстобоев. В.Н. Илимская пашня.- Иркутск, 2001. – Т. II . – С. 180.

О состоянии сельского хозяйства Тувинской АССР в 1970–1980 гг.

З.Ю. Доржу

д.и.н., проф.

ФГБОУ ВПО «Тувинский Государственный Университет»

Н.Г. Самарина

Кызылский Педагогический Колледж.

Система функционирования сельского хозяйства Тувинской АССР в период 1970-1980 гг. была представлена колхозами и совхозами, а также личными подсобными хозяйствами, подсобными хозяйствами предприятий и организаций, опытными станциями. Однако колхозы имели слабую инфраструктуру сельскохозяйственного производства, и по мнению властей считалось, что они не способны были эффективно использовать технику, складские помещения, создавать сильную техническую и ремонтную базу, самостоятельно строить жилье. Рост валовой продукции сельского хозяйства республики был нестабильным. В сопоставимых ценах 1973 г. в расчете на 1 га пашни в 1971–1975 гг. он составлял 224 руб., в 1976-1980 гг. наблюдался резкий спад – 204 руб. Начиная с 1977 г. в Туве несколько лет было очень засушливое лето. Это привело к потере урожая не только пшеницы, но и кормовых культур, пострадала и основная отрасль сельского хозяйства республики – животноводство, произошел спад сельскохозяйственного производства. В этих условиях в 1978 г. прошла реорганизация последних колхозов республики в совхозы [1] и это было отличительной особенностью Тувы от соседних регионов, где колхозы оставались на протяжении 1980-х гг. Переход к совхозной форме хозяйствования позволил поднять уровень жизни сельского населения, обеспечить рабочих совхозов пенсиями и гарантированными льготами.

Капитальные вложения в сельское хозяйство Тувы в эти годы росли. Только в 1976 г. на развитие сельского хозяйства республики было предусмотрено 226 млн руб., включая строительство и введение в эксплуатацию таких объектов, как завод мясокостной муки, тепличный комбинат на 3 га, свиноплекс

на 12 тыс. голов, станция по племенному делу и искусственному осеменению. Всего в X пятилетке планировалось выделить на развитие сельского хозяйства 172 млрд. рублей капитальных вложений или на 42,4%, больше, чем в предыдущую пятилетку. Основные фонды совхозов возросли на 25,8% и составили на 1980 г. 327,5 млн рублей [2]. Только по линии Министерства сельского хозяйства республики было выделено 226 млн руб. капитальных вложений. Вложения направлялись на интенсификацию сельскохозяйственного производства, создание базы строительных и дорожных организаций, на развитие транспорта и электрификации, на строительство школ, детских садов, клубов и больниц на селе [3]. Однако капвложения не всегда осваивались, сказывались нехватка на стройках кирпича, бруса и других строительных материалов, особенно не хватало квалифицированных рабочих.

Особенностью Тувы было и то, что здесь объемы производства продукции сельского хозяйства были ниже, чем в других регионах Восточной Сибири, о чем свидетельствует ниже приведенная таблица.

Производство продукции сельского хозяйства в регионах Восточной Сибири [4]

Валовый сбор зерна в хозяйствах всех категорий (в среднем в год, тыс. тонн)			
	1976 – 1980	1981 – 1985	1986 – 1990
Тувинская АССР	106	106	136
Республика Хакассия	258	348	377
Республика Бурятия	278	427	501
Красноярский край	2194	2513	2432
Валовый сбор картофеля (в среднем в год, тыс. тонн)			
Тувинская АССР	14	24	29
Республика Хакассия	124	138	118
Республика Бурятия	153	223	216
Красноярский край	880	896	862
Производство мяса в убойном весе (в среднем в год, тыс. тонн)			
Тувинская АССР	18	18	23
Республика Хакассия	31	34	43

Республика Бурятия	56	59	68
Красноярский край	161	173	202
Производство молока (в среднем в год, тыс. тонн)			
Тувинская АССР	55	60	74
Республика Хакассия	161	163	194
Республика Бурятия	227	220	262
Красноярский край	985	994	1143
Надой молока на одну корову (килограммов)			
Тувинская АССР	1568	1374	1654
Республика Хакассия	2126	2188	2612
Республика Бурятия	1471	1648	2201
Красноярский край	2285	2180	2870
Производство шерсти (тонн)			
Тувинская АССР	1,8	2,0	2,0
Республика Хакассия	4,6	4,1	3,9
Республика Бурятия	2,7	2,8	3,4
Красноярский край	4,2	4,3	4,6

Как видно из таблицы, Тува по многим показателям отставала от соседних регионов Восточной Сибири. Это можно объяснить следующими причинами. Во-первых, соотношение численности населения Тувы и соседних регионов было таковым, что территория Тувы по своим размерам значительно уступала территории соседей, и она отличалась малой заселенностью. Во-вторых, на развитии сельского хозяйства республики особенно сказывались ее природно-климатические условия с жарким засушливым летом и суровой, малоснежной зимой. Отсюда и низкие урожаи пшеницы, слабость и недостаточность кормовой базы, что предопределяло завоз в республику многих продуктов из соседних регионов. В-третьих, республика отличалась тем, что в ней слабо была развита перерабатывающая промышленность, и себестоимость производства многих продуктов в Туве была выше среднего государственного показателя.

К тому же имели место нецелевое использование государственных средств, выделяемых на сельскохозяйственное производство и на товары промышленного производства для села. Нередки были случаи изъятия средств из аграрного сектора на

непроизводственные нужды, совершенно не связанные с развитием сельского хозяйства. Такая порочная практика была характерна и для других регионов страны и приобрела достаточно широкий размах, особенно в конце 1970-х гг. На это обращалось внимание в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О предотвращении фактов отвлечения средств, предназначенных для развития сельского хозяйства». В нём отмечалось, что за 1975-1977 гг. из сельскохозяйственного производства было отвлечено около 250 млн. рублей, практиковалось строительство колхозами и совхозами различных зданий и сооружений, их передача безвозмездно другим организациям [5]. Подобные действия были строго осуждены и подлежали искоренению и в Туве. Так, в совхозе «Бай-Тал» Бай-Тайгинского района в 1980 г. завышение объемов затрат на строительство составляло 22849 руб., в том числе по строительству 4-х и 2-х квартирных домов завышение составляло 15208 руб., причем эта сумма не предусматривала выполнение работ по благоустройству. По строительству интерната в том же совхозе завышение затрат составляло 7641 руб., при больших недоделках и отклонении от проектной документации. Такое же положение было и в совхозе «Тээли», где завышение затрат составляло 16180 руб. [6].

Контрольным обмером, проведенным в декабре 1979 г. в совхозах Тес-Хемского района были установлены нарушения в строительстве объектов, строящихся хозяйственным способом: котельной МТМ совхоза «Тес-Хем», нефтебазы совхоза «О-Шина», где завышение объемов затрат составило 29000 руб. и 17500 руб. соответственно. В совхозе «Пограничный» строительство коровника на 250 голов КРС велось без проектно-стоимостной документации [7]. Специалистами была проведена проверка по совхозам района, по результатам которой были разработаны мероприятия по устранению выявленных нарушений. Среди нарушений отмечались неудовлетворительное использование земли, отсутствие систематической работы по повышению культуры земледелия, крайне медленное освоение севооборотов, затягивание сроков полевых работ, нарушение агротехники возделывания сельскохозяйственных культур. Все это приводило к снижению урожайности, как зерновых, так и кормовых культур.

В большинстве совхозов не полностью использовались возможности увеличения производства молока, мяса, шерсти, не были изжиты серьезные недостатки в кормлении и содержании скота, организации племенного дела. Большие потери хозяйства несли от падежа, недостач и хищений. Только по совхозу «Тес-Хем» убытки от недостач скота составляли более 400 тыс. руб., значительны были потери из-за неудовлетворительного использования техники, увеличения расходов на эксплуатацию машинно-тракторного парка, в то время как дневная выработка тракторов и комбайнов снижалась. Нередки были факты преждевременного списания техники, при этом в бухгалтерских документах не приходовались детали и узлы, годные для ремонта другой техники. Сельскохозяйственная продукция производилась с большими затратами труда, материальных средств, что сказывалось на повышении ее себестоимости и снижении рентабельности производства [8]. В 1980 г. в Туве работала комиссия Главного производственного управления Министерства сельского хозяйства РСФСР, которая подвела итоги финансово-хозяйственной деятельности совхозов Тувы. Отмечалось, что в 1979 г. возросли объемы капитальных вложений в растениеводство и животноводство. Однако валовые сборы овощей, картофеля уменьшались, не выполнялся план комплексной механизации животноводческих ферм. Комиссией был отмечен слабый контроль со стороны республиканского Министерства сельского хозяйства вопросов экономической работы, не были вскрыты причины удорожания продукции, не принимались меры по повышению рентабельности производства. Удорожание сельскохозяйственной продукции в 1979 г. в совхозах республики составило 20 млн руб., что возросло по сравнению с предыдущим годом на 30,4 %. Недостаток собственных оборотных средств в совхозах к концу 1979 г. составил 88,8 млн. руб. при высокой дебиторской задолженности. Недостачи и хищения не снижались и составили 1,7 млн руб. на конец 1981 г. [9]. Это требовало более качественного рассмотрения финансово-хозяйственных планов, конкретного и оперативного осуществления мер по сохранению в совхозах собственности.

Одним из путей экономии средств власти республики видели в сокращении расходов на содержание управленческого аппарата. На это был направлен приказ Министерства сельского хозяйства Тувы «О совершенствовании и удешевлении аппарата управления» от 30 января 1980 г. В соответствии с ним необходимо было сократить расходы на содержание аппарата управления, расходы на командировки, на приобретение мебели, инвентаря, оборудования для аппарата и на содержание легковых автомобилей [10].

Перерасход средств был так же из-за содержания хозяйствами внештатных единиц специалистов и рабочих. В 35 из 65 проверенных в 1978 г. хозяйств, за счёт незаконного изъятия средств из фонда зарплаты производственного персонала содержалось 45 аппаратных работников, которым также были выплачены и непредусмотренные надбавки на значительную сумму.

Эти и другие отвлечения оборотных средств на неплановые цели привели к финансовой неустойчивости хозяйств, к их неплатежеспособности. Мерами по борьбе с данными явлениями были постоянные проверки выездных комиссий министерства, по результатам которых нарушителям назначались штрафы, объявлялись выговоры, они лишались премий и т.д. Однако, несмотря на подобные взыскания, руководители хозяйств продолжали самостоятельно управлять финансами, пытаясь таким образом решить проблемы слабого социально-культурного развития села, не дожидаясь помощи сверху.

На эти и другие цели в начале 1980-х гг. совхозы стали активно брать кредиты Госбанка, хотя не всегда им удавалось их вовремя погасить и неплатежи по ссудам росли [11]. Государство рассчитывало, что переход совхозов на хозяйственный расчет поможет им рассчитаться с кредитами. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О переходе совхозов и других сельскохозяйственных предприятий на полный хозяйственный расчет» (1967 г.) [12] предусматривало введение большей самостоятельности предприятий, однако, самостоятельность оказалась не согласованной с нуждами общества и производителей. По прошествии двух лет, когда все это обнаружилось, были приняты одна за другой инструкции, ограничивающие «нездоровую» деятель-

ность предприятий, а вместе с ней и почти всю полученную ими свободу. При этом власть все время сетовала, что никак хозрасчет не приживается среди совхозов. Но если смотреть глубже, то можно увидеть попытки хозяйств самостоятельно решать свои проблемы без помощи государства. Пока то или иное хозяйство делало заказ через Министерства сельского хозяйства, торговли или промышленности проходило много времени, проще было договориться с хозяйствами, предприятиями о приобретении необходимого ресурса. Причем тех или иных ресурсов реально требовалось гораздо больше, чем имелись возможности их произвести. Заявки подавались в Госплан СССР, где составлялись ежегодные планы на пятилетку в целом. Планы были реально завышены, поэтому они постоянно корректировались даже после их утверждения на Пленуме ЦК КПСС.

В 1981 г. по приказу Министерства сельского хозяйства РСФСР «Об упорядочивании внедрения научной организации труда и управления на хозяйственно-договорной основе в сельском хозяйстве» [13] был организован Всероссийский центр внедрения научной организации труда (НОТ) по внедрению передовых технологий управления и бухгалтерского учета. В Туве научной организацией труда занимались лишь в совхозах «С. Тока», «Пламя революции», сельскохозяйственной опытной станции Тандинского района [14]. Почти все совхозы республики были планово убыточными, себестоимость продукции и затраты труда ежегодно возрастали, поэтому руководителей совхозов обязали пройти обучение на курсах НОТ. Однако, теория не привела к смене технологии руководства на практике, которая оставалась неизменной, то есть форма была новой, а содержание оставалось старым [15].

По решению июльского Пленума ЦК КПСС (1978 г.), были освобождены от уплаты подоходного налога колхозы с рентабельностью ниже 25%. Политика повышения закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, берущая свое начало с мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, первоначально значительно улучшившая финансовое состояние колхозов и совхозов, в рассматриваемый период стала давать сбои. Если в годы VIII пятилетки (1966-1970 гг.) рентабельность колхозов и совхо-

зов составила соответственно 34% и 11%, в годы IX пятилетки (1971-1975 гг.) – 23% и 7%, то в 1976 г. уже 16%, а совхозное производство было убыточным (- 5%). Произошло это по следующим причинам. За десятилетие, прошедшее с мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию выросли в среднем в полтора раза. В то же время, себестоимость 1 центнера зерна выросла к 1975 г. по сравнению с 1965 г. на 58,5%, а цена реализации увеличилась только на 13,7%. Такая же ситуация наблюдалась по картофелю, мясу и молоку [16], экономическая значимость закупочных цен постоянно снижалась. Следующее повышение закупочных цен было в 1983 г. после принятия Продовольственной Программы СССР [17]. Однако, и эти меры давали лишь временный эффект, а доплаты за проданную государству сельскохозяйственную продукцию сверх плана вообще оказались «палкой о двух концах». Хозяйства стремились как можно больше снизить плановые задания, чтобы получить больше доплат, а районные органы, зная об этом, постоянно завышали планы. Складывалась парадоксальная ситуация: хозяйство, производя большее количество продукции, снижало свои доходы. Причиной был постоянный рост издержек производства, который не обеспечивался в необходимых пропорциях последующим восполнением через закупочные цены. Зачастую увеличение объемов сельскохозяйственной продукции шло за счет интенсификации труда в промышленности, и поэтому часть средств возвращалась назад, в промышленное производство. В 1969 г. на 55% подорожали строительно-монтажные работы, а производственное строительство было жизненно важно для хозяйств, ввиду их невысокой обеспеченности хранилищами, гаражами, складами и мастерскими [18]. Непросто складывались отношения с обслуживающими организациями. Темпы роста оплаты труда были выше, чем темпы роста производительности труда. Денежные доходы к концу X пятилетки возросли на 19%, заработная плата рабочих и служащих совхозов увеличилась на 8,6% [19]. Слабо использовались резервы снижения себестоимости продукции, сокращения производственных издержек на единицу продукции.

Да и списки убыточных хозяйств были явно завышены, чтобы получить поддержку государства и списание долгов по ссудам.

Сами хозяйства, испытывая сильное финансовое затруднение, значительную часть средств использовали на увеличение фондов оплаты труда и материального поощрения. В совхозах республики был существенным перерасход фонда оплаты труда за счет содержания сверхштатных должностей и аппарата управления, сторожей, шоферов. При этом слабо внедрялись стимулирующие доплаты за качество работы [20]. Поддерживать стабильность ценовых пропорций можно было за счет вливаний в сферу производства субсидий, которые, начиная с 1960-х годов, увеличивались из года в год. Особенно субсидиальный фонд вырос к концу 1980-х гг., когда только продовольственные ценовые субсидии, выделявшиеся из государственного бюджета для покрытия части цены, как на стороне производства, так и на стороне потребления, достигли 9% всего ВВП страны. Дошло до того, что субсидии стали формировать основную часть цены продовольственных продуктов, особенно продукции животноводства. Уже в 1989 г. субсидии составляли 74% розничной говядины, 60% – свинины, 79% – баранины, 61% – молока [21]. Таким образом возмещение затрат по производству и реализации продукции животноводства практически целиком было возложено на плечи государства.

Зачастую еще оказывалось так, что государственные закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию постоянно оказывались ниже, чем себестоимость ее производства. Закупочные цены росли, но и неуклонно возрастала себестоимость продукции.

Причина высокой себестоимости была в слабой энерговооруженности труда, низкой компетенции руководителей хозяйств, нехватке техники, собственного семенного фонда, кормовой базы. Такая ситуация была не только в Туве, но и в стране в целом. Согласно постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР №493 от 5 мая 1978 года «О мерах по улучшению экономического и финансового состояния колхозов и совхозов», по СССР было списано 7,3 млрд руб. и отсрочено 4 млрд руб. с

освобождением от уплаты процентов. Подобная практика списаний долгов продолжалась и в последующие годы.

Таким образом, односторонняя ориентация только на крупные формы собственности (укрупнение хозяйств, создание межхозяйственных предприятий) не способствовали улучшению ситуации. Попытки решения партийными, советскими и хозяйственными органами экономических и хозяйственных проблем сельскохозяйственного производства Тувинской АССР не оказались реализованными до конца. Попытка внедрения хозяйственного расчета в совхозное производство в рамках сохранения командно-административной системы управления не удалась. Отрицательно сказывалась практика планирования, которая была значительно завышенной и нереальной для выполнения при сложившейся ситуации в сельском хозяйстве. Увеличивался дисбаланс в паритетности цен на продукцию сельского хозяйства и потребляемую им продукцию промышленности. Меры по повышению закупочных цен не покрывали издержки производства, так как они преимущественно основывались на традиционной технологии производства, для внедрения в сельскохозяйственное производство передовых технологий не хватало средств. На хозяйственный расчет перешли лишь некоторые совхозы республики, да и то не в полном объеме. Необходим был реальный пересмотр существующих хозяйственных отношений.

Примечания

1. ЦГА РТ. Ф. 54. Оп.1. Ед.хр. 44. С. 15.
2. ЦГА РТ. Ф. 54. Оп.1. Ед.хр. 48. С. 14.
3. ЦГА РТ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 40. Первичная организация КПСС Министерства сельского хозяйства. С. 97.
4. Народное хозяйство Российской Федерации. – М., 1992 г. – С. 426, 442, 456, 495, 477, 481, 485, 489, 496, 500.
5. О предотвращении фактов отвлечения средств, предназначенных для развития сельского хозяйства. Постановление ЦК КПСС и Совет Министров СССР от 10 июня 1978. № 626.
6. ЦГА РТ. Ф.278. Оп.1. Ед.хр.1907. Приказ № 11 от 15 января 1980 г. С. 1-2.
7. ЦГА РТ. Ф.278. Оп.1. Ед.хр.1907. С.16-17.
8. ЦГА РТ. Ф.278. Оп.1. Ед.хр.1907. Г. Кызыл приказ № 25 от 29. 01. 1980 г. С. 34-36.
9. ЦГА РТ. Ф.278. Оп.1. Ед.хр.1907. стр. 84.
10. ЦГА РТ. Ф.278. Оп.1. Ед.хр.1907.Стр. 37-39

11. ЦГА РТ. Ф. 54. Оп. 1. Ед.хр. 50. С. 26.
12. ЦГА РТ. Ф. 278. Оп. 1. Ед.хр. 2644. С. 226.
13. ЦГА РТ. Ф. 54. оп. 1. Ед.хр. 53. С. 63.
14. ЦГА РТ. Ф. 54. оп. 1. Ед.хр. 53. С. 65.
15. ЦГА РТ. Ф. 54. оп. 1. Ед.хр. 48. С. стр. 1.
16. Тюрина А. П. Социально-экономическое развитие советской деревни в 1965-1980 годах. – М., 1982. – С. 14 -22
17. Там же. – С. 31 -33.
18. Тюрина А. П. Социально-экономическое развитие советской деревни в 1965-1980 годах. – М., 1982. – С. 19.
19. ЦГА РТ. Ф. 54. Оп. 1. Ед.хр. 48. С.16.
20. ЦГА РТ. Ф. 54. Оп. 1. Ед.хр. 53. С. 10.
21. Раснянников В.Г., Дерюгина И.В. Экономический рост в аграрном секторе России. Проблемы XX века. / Рос.акад.наук, Ин-т востоковедения. – М., 2005. – С. 41.

Тюркоязычные племена в Байкальском регионе: расселение и культурно- исторические связи

Б.В. Золхоев
к.и.н., доцент кафедры истории Бурятии
ФГБОУ ВПО «Бурятский госуниверситет»

В данной статье мы предлагаем еще раз обратиться к истории появления, расселения и взаимоотношений тюркоязычных государственно-племенных образований в Байкальском регионе на протяжении I тысячелетия нашей эры.

Как мы знаем, когда произошло первое великое разделение труда из массы первобытных собирателей, охотников и рыбаков постепенно выделились различные в этническом и языковом отношении скотоводческие племена, освоившие со временем обширный пояс Евразийских степей.

С середины III тысячелетия до н.э. по III в. до н. э. на просторах центрально-азиатской степи господствуют ираноязычные племена

(индоиранские и скифские), по китайской традиции их называют динлинами.

В конце III в. до н. э. в степях Центральной Азии сложилось первое крупное объединение хуннских племен, которые господствовали в этом регионе до 93 г. н. э., когда они были разбиты сяньбийским государственно-племенным объединением.

Таким образом, с 93 г. н. э. в Центральной Азии получают преобладание монголоязычные племена (сяньбийцы, тоба, муяны, жужани, шивеи.) вплоть до 552 г. н. э.

В 552 г. предводитель тюркского племени Тугуш нанес поражение жужанам и объявил себя каганом (Бумын-каган). С этого времени в Центрально-азиатских степях начинается эпоха тюркских каганатов, которая продолжается до 924 г., когда монголоязычные кидане овладели всей Халхой и положили конец господству тюркских племен в Монголии. (9, с. 135). Вторичную монголизацию Центрально-азиатских степей завершили в XII в. монголы Чингис-хана.

Предками тюркских народов считаются динлины и гунны (3, с. 266-269). По-видимому, в результате смешения монголоидных гуннов с европеоидными динлинами произошли тюрки: у восточных тюрков (якуты, тувинцы, хакасы) преобладают монголоидные черты, но чем дальше на запад – европеоидные черты (татары, азербайджанцы, турки). Но в отношении языка – повсеместно побеждает язык гуннов, а не иранцев. Так, тюркские языки относятся к семье алтайских языков, куда входят монгольские и тунгусо-маньчжурские языки, т.е. языки исторических соседей гуннов по Дальнему Востоку.

Кроме того, тюркские языки делятся на восточно-хуннские и западно-хуннские. К восточной ветви относятся древнеуйгурский, тувинский, якутский, хакасский, шорский, киргизский, алтайский и другие языки. К западной ветви относятся болгарский, хазарский, чувашский, огузский, туркменский, гагаузский, азербайджанский, турецкий, караимский, кумыкский, карачаево-балкарский, татарский, башкирский, ногайский, казахский, кара-колпакский, новоуйгурский, узбекский и др.

На территории Прибайкалья в различные эпохи, по-видимому, жили представители пяти тюркских племен: уйгуры, киргизы, саха-урянхай (якуты), сойоты, тофалары.

Предки уйгуров были одним из древнейших тюркоязычных народов Центральной Азии.

В период восточно-тюркских каганатов особенно сильными были уйгуры, проживавшие в бассейне р. Селенги. Начиная с 606 г. союз уйгурских племен, во главе которых стоял род Яглакар, неоднократно пытался освободиться от зависимости тюркок-тюгю и создать свое государство, но эти попытки не увенчались успехом. Только в начале VIII в., когда II-ой восточно-тюркский каганат, раздираемый внутренними противоречиями, переживал глубокий кризис, уйгуры усилились. Они возглавили объединение племен Центральной Азии, враждебных тюркам-тюгю. Наиболее сильными их союзниками были тюркоязычные карлуки, жившие в это время между Алтаем и озером Балхаш. После падения II-го тюркского каганата они стали полными хозяевами Центральной Азии.

Главу государства, также как это было ранее у жуань-жуаней и тюркок-тюкю, уйгуры называли каганом. Первым каганом, руководившим борьбой за создание государства уйгуров, был Пэйло, происходивший из руководящего уйгурского рода Яглакар. Уже при нем территория Уйгурского каганата расширилась от Алтайских гор до Маньчжурии. После смерти Пэйло в 746 г. каганом стал его сын Моюн-чур (годы его царствования 746-759), который был смелым и искусным полководцем.

Уйгуры преимущественно были скотоводами, жили в войлочных юртах, имевших т. н. колоколовидную форму (с трубообразным верхом).

«В летописи Танской династии сказано, что гулигане входили в число древнетюркских племен гаогюй или хой-хэ, т.е. уйгуров» (6, с. 113).

В бурятском языке есть слово «уйгарлаха» (уйгурить), что означает: ругаться, браниться (непристойными словами), (2, с. 476), говорить на непонятном языке. Окинские буряты тувинцев, сойотов, тофаларов называют «уйгар хэлтэн», т.е. уйгуроязычные, а сойоты в шаманских призываниях характеризуют себя так: «Уйгар хэлэ-тэн» (7, с. 20).

В 924 г. монголоязычные кидани «овладели всей Халхой, вытеснив оттуда уйгуров...» (9, с. 135). Уйгуры ушли из Забайкалья, оставив после себя могильники «хэрэксурь» (хиргис-уры, т.е. кир-

гизское место). Предполагается, что они принадлежали не хыргызам, а уйгурам.

Следующим тюркским племенем, проникшим в Прибайкалье, были кыргызы. Ими было создано первое объединение кочевых племен Сибири – Кыргызский каганат. В 840 г. они заняли и разгромили расположенную на р. Орхоне столицу уйгуров (ныне развалины Харабалгас) и убили уйгурского кагана. На протяжении многих десятилетий они господствовали над этой территорией. Это было время наивысшего могущества кыргызского каганата. Но в дальнейшем уйгуры с помощью киданей вытеснили кыргызов на Енисей.

«В VII в. государство кыргызов простиралось от области народа гулигань (курукан), от Байкала на востоке, до Алтая на западе» (3, с. 302).

«По данным китайской летописи, излагающей историю Юаньской, т. е. монгольской династии указывается, что «курукане жили в округе Ангола, носившем имя от одной реки. У жителей этого региона язык существенно отличается от кыргызского. Это земли кули...» Название Ангола – это, конечно, Ангара (3, с. 291). Далее в этой летописи указывается, что: «страна и народ кули оказались под властью енисейских кыргызов. Округ Ангола, говорится в летописи, имеет имя, происходящее от названия реки. Он в результате аннексии присоединен к Кыргызской земле и удален от Та-Ти на 25000 ли. Язык туземцев существенно отличен. Это земля кули» (4, с. 317-318). Следовательно, территория Прибайкалья входила в состав кыргызского каганата. Вероятно, после разгрома кыргызского каганата часть кыргызов осталась в Прибайкалье, – среди западных бурят есть род «хыргыз». Однако, после исхода кыргызов на Енисей, связи их с Прибайкальем не прерывались. Так, в работе Гардизи «Украшение известий», написанной в царствование газневидского султана Абд-ар-Рашида (1050-1052 гг.), отмечается: «что из лагеря хыргызского хакана с Енисея можно попасть в страну фури (кури-куруканов) двумя дорогами, степью и лесами. В лесах вдоль этого мрачного и тяжелого пути обитали, по словам Гардизи, настоящие дикари, обрисованные весьма подробно и обстоятельно. По его словам, они живут в болотах, ни с кем не имеют сношений, не умеют говорить на языках соседей, их языка тоже никто не по-

нимают. Как «самые дикие из людей», обитатели этих болот не имеют домашних транспортных животных, чтобы возить имущество. Все они кладут себе на спину» (3, с. 291).

К западу от Байкала, в бассейне Ангары и верхнего течения р. Лены обитали племена гулигань. В китайских летописях о них сообщается следующее: «Гулигань кочевало на северную сторону Байкала. Оно имело 5000 строевого войска. Из растений много сараны. Страна производила превосходных лошадей, которых головы походили на верблюда, в день могли пробегать по несколько сот ли. Земли гулигановы на север простирались до моря, и от столицы чрезвычайно удалены» (1, с. 348). «Гулигань» китайских летописей соответствует «уч курькан» тюркских орхонских надписей. У среднеазиатского писателя XII в. Тахира Марвази эта же народность упоминается под именем *qurī* («кури») или *furī* («фури»).

Вещественные памятники свидетельствуют, что курьканы умели плавить железо и знали кузнечное ремесло, в котором они достигли высокого совершенства (курумчинские кузнецы). Главным занятием курькан было скотоводство. Они разводили преимущественно лошадей и коров. Наряду со скотоводством они занимались охотой. Курьканы были знакомы и с земледелием. Около их городищ и поселений нередко находят следы древних пашен в виде длинных параллельных грядок. Курьканские пашни представляли собой по существу небольшие огороды, обрабатывавшиеся, вероятно, вручную мотыгами. Применялось искусственное орошение пашен и сенокосных угодий. Рядом с курьканскими городищами иногда встречаются сети оросительных канав.

Курьканам была знакома письменность. По своему внешнему виду (дуктусу) рунические письма курькан имеют большее сходство с более архаическим енисейским письмом, чем с орхонским (4, с. 325).

Судя по известиям китайских летописей, курьканы представляли собой небольшой самостоятельный племенной союз. Они поддерживали сношения с Китаем и орхонским каганатом, куда посылали время от времени посольства и сами принимали от этих стран послов. В середине VII в. курьканы оказались в даннической зависимости от Китая. В 662 г. они были подчинены Байкальскому

(Хань-хайскому) наместническому правлению и составляли округ Юйву (1, с. 380).

Из надписей на надгробных памятниках тюркских владетелей, правивших в долине Орхона, известно, что послы курыканов, в числе представителей других народов явились на погребальное торжество в честь родоначальника орхонских ханов Бумын кагана, чтобы выразить своего народа по поводу его смерти в 552 или 553 гг. н.э.

В 840 г. киргизы разгромили уйгуров и, видимо, в это время они аннексировали долину реки Ангарты, как сообщается об этом в летописи Юаньской династии (4, с. 317-318). В X в. киргизы были вытеснены киданями на Енисей.

В вопросе об этнической принадлежности курыкан нет единства мнений. В настоящее время существуют две точки зрения: одна группа ученых считает их тюркоязычными (А.П. Окладников, С.Е. Малов, С.А. Токарев, Б.О. Долгих); другая – монголоязычными (В.В. Бартольд, П. Пельо, Л. Амби, Ю.Д. Талько-Грынцевич, А.Н. Бернштам, В.Л. Котвич). А.П. Окладников, Г.Н. Румянцев склонны рассматривать курыкан, как общих предков бурят и якутов.

Монголизацию населения Прибайкалья А.П. Окладников относит к XI в. Г.Н. Румянцев считает, что «в истории не наблюдалось таких фактов, что язык значительной группы населения мог бы бесследно исчезнуть в такой короткий срок, т.е. как за одно-два столетия мог совершенно исчезнуть тюркский язык среди местных жителей и замениться монгольским» (9, с. 130).

Можно предположить, что курыканский племенной союз не был однороден, значительную часть союза составляли монголоязычные племена. Как известно, со II по VI вв. южная часть территории нынешней Иркутской области входила в состав владений монголоязычных сяньбийцев, жужаней, шивеев. По-видимому, в период тюркских каганатов остатки этих племен продолжали проживать на данной территории, наряду с тюрками, представляя собой монголо-язычную диаспору, оторванную от своей метрополии (племен дунху).

Тюркскую часть данного сообщества могли составлять: сахауриянхайцы (предки якутов), уйгуры, хиргизы, отуреченные самодийские племена сойотов и карагасов (тофаларов).

По нашему мнению, на территории Прибайкалья, в миниатюре, происходил процесс образования тюркских племен в результате смешения гуннов и динлинов, как в Центральной Азии. Как известно, в III-II вв. до н. э. гунны пришли в Забайкалье, оттеснив динлинов в Предбайкалье и постепенно смешивались с ними. «В Дэрэстуйском култуке встречаются гуннские погребения, свидетельствующие о смешении гуннской культуры с культурой местных племен» (9, с. 103).

Процесс смешения этих племен продолжался, видимо, до VI в. н. э., как в степях Центральной Азии и привел к образованию тюрко-язычного племени в Предбайкалье, которое вошло в состав племенного союза курыкан.

«Этноним «курыкан» из тюркских языков не объясняется. Мнение ученых о происхождении этого этнонима, об этнической и лингвистической принадлежности курыкан весьма различны» – считает Г.Н. Румянцев (9, с. 121). В.В. Бартольд высказал предположение, что хори или хури, название древне-бурятского племени то же, что курыкан (*кит.* гулигань) орхонских надгробных надписей VIII в. Против отождествления этнонима курыкан с именем бурятского племени хори не возражает и сам А.П. Окладников, убежденный сторонник тюркизма курыкан. Такого же мнения придерживается В. Минорский, который отождествляет племена кури, описываемые мусульманским автором XII в. Худуд аль-Аламом, с хори, упоминаемыми Рашид-ад-Дином, жившими в том же районе Прибайкалья, что и курыкане (9, с. 122).

Г.Н. Румянцев пишет: «китайское наименование предков сяньбийцев – дун-ху – «северные варвары», может быть истолковано и как «северные хоры». Минджул хутухта пишет, что этноним хор – «испорчено» китайцами в ху... Таким образом, можно полагать, что хор, вероятно, было общим наименованием большой группы древних прото-монгольских племен. Этноним курыкан, вероятно, происходит от этого древнего имени хор...» (9, с. 127-128).

Если монголо-язычная часть курыканского племенного союза называлась хорами, то как могла называться его тюрко-язычная часть?

Как известно, самоназвание якутов, которые считаются потомками курыкан, является «саха-урянхай». Данный этноним исследо-

ватели обычно связывали в прошлом с исконно тюркским словом «йаха (якутское сага) – воротник, край, окраина. А между тем, по свидетельству Г.М. Василевич, в эвенкийском языке имеется слово саха со значением «серый», в якутском соответствует «борон».

Олохосуты (сказители) называют якутский народ наряду с саха ураанхай и эпитетом борон ураанхай «смуглый урянхаец-якут». А.К. Сивцов, якутский языковед считает: «Итак, можно предположить, что прежнее название якутов было ураанхай, а потом к этому слову прибавилось эвенкийское саха, впоследствии вытеснившее его и закрепившееся как основное самоназвание якутов (10, с. 181).

Монголы словом «урянхай» называют тувинцев, а окинские буряты этим словом обозначают не только тувинцев, но еще и сойотов и тофаларов (7, с. 13).

«Вплоть до XX в. существовали самодийские по языку племена на юге Восточной Сибири, в Саянах и Присяянье – тофалары (карагасы), сойоты (хойот), которые смешались с тюркскими народами и усвоили тюркский язык» (5, с. 34).

Рашид-ад-Дин сообщает, что в Баргуджин-Токум, на самом краю земли, которую населяли монголы «сидело множество племен: ойрат, булагачин, кэремучины...хойон-урянка; каждое в отдельности имело начальника и предводителя» (8, с. 121). Под «хойот-урянха» видимо имеются в виду ойн-урянха (лесные урянхаи), т.е. отуреченные лесные племена сойотов и тофаларов.

Таким образом, можно предположить, что в состав курыканского племенного объединения входили три этнические общности: монголоязычные хоры, тюркоязычные урянхаи и отуреченные самодийцы (ойн урянха). Может поэтому, их называли в орхонских надписях «уч-куруканы» (три курыкана).

В 924 г. монголоязычные кидани «овладели всей Халхой, вытеснив оттуда уйгуров, и положили, т.о., конец господству тюркских племен в Монголии» (9, с. 135). Монголизация степи привела, в конечном счете, к монголизации Предбайкалья. Из Восьмиречья, через Тункинские степи, очевидно, вторглись сюда ойраты и туматы, что привело к вытеснению предков якутов-урянхаев на Среднюю Лену.

Примечания

1. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.-Л., АН СССР, 1950. – Т. 1.
2. Бурят-монгольско-русский словарь. Черемисов К. М., М., 1951.
3. История Сибири. – Л., Наука, 1968. – Т. 1.
4. История Якутской АССР. – М.-Л., 1955. – Т. 1.
5. Мельхеев М.Н. Топонимика Бурятии. – Улан-Удэ, 1969.
6. Рассадин В.И. Влияние тюркских и тунгусо-маньчжурских языков на формирование лексического состава бурятского языка // Актуальные проблемы современного монголоведения. – Госиздат. – Улан-Батор, 1987, с. 169-187.
7. Рассадин В.И. Присаянская группа бурятских говоров. – Улан-Удэ, 1996.
8. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. – М.-Л., 1952. – Т. 1.
9. Румянцев Г.Н. Происхождение хоринских бурят. – Улан-Удэ, 1962.
10. Сивцов А.К. Об этнонимах саха, якут и нуучка // О.П. Бётлингк и его труд «О языке якутов». – Якутск, 1973.

Феномен бурятского «неошаманизма»: истоки и пути развития

В.М. Мантыков

к.п.н., доц.

Боханский филиал

ФГБОУ ВПО «Бурятский госуниверситет»

Динамика развития современной цивилизации, приоритетный рост технических и технологических составляющих культуры все более видоизменяют духовную жизнь общества. При этом, видоизменения затрагивают и самые архаичные и незыблемые формы бурятской духовной жизни – шаманизм.

Нарастающий культурный полиморфизм в этнической Бурятии, открывает многообразие культурного выбора и поливариантного культурного действия. Наряду с этим происходит своеобразный «ренессанс» шаманизма. Безусловно, причиной тому служит и мировая тенденции к возобновлению интереса к архаическим формам религиозных верований и усилению роста нетрадиционной индивидуальной религиозности мистического характера. Повсеместно происходят активные поиски синтетических религий.

На наш взгляд, феномен бурятского неошаманизма, в первую очередь связан с тем, что в городской, прежде всего, культуре и жизни, произошел и происходит постоянно перенос с архаической формы шаманизма, его смысловых и обрядовых структур в контекст современной культуры и конструированием на этой основе новой смысловой формы, соотносящейся с общим архетипическим основанием.

Собственно говоря, весь бурятский неошаманизм, есть нечто иное, как некая модернизированная культурная форма, находящая реализацию в практиках (целительство, экстатические состояния и т.д.) радикально преобразованная в смысловом и телеологическом аспектах.

Кризис духовности, отрыв от природного мира, являющиеся последствиями модернизации, побудили человека к религиозным поискам, которые в ряде случаев осуществляются за пределами базовых для культуры конфессий. Конструирование архаизированных религиозных форм, восстанавливающих целостность человека и его природного окружения, является одним из способов его культурной адаптации. В отечественной научной литературе XX в. преобладала классическая эволюционная парадигма, отразившаяся на освещении шаманизма и фигуры шамана. В связи с этим представляется важной проблема соотношения двух самостоятельных и вместе с тем взаимосвязанных феноменов шаманизма и неошаманизма, взаимосвязи традиционного и модернизированного шаманизма.

В российской, а позже и советской научной литературе шаманизм рассматривался как неразвитая в этическом плане религия, а шаманистские экстатические состояния трактовались как психические заболевания (С.А.Токарев, В.Василевич). [razym.ru>naukaobraz/istoriya...tokarev-s-a-religiya](http://razym.ru/naukaobraz/istoriya...tokarev-s-a-religiya).

С другой стороны, массовая культура эксплуатирует образ шаманизма как средоточия сакрального опыта, значимость которого превосходит современные «искаженные» прогрессом представления.

Классическими по проблемам шаманизма в современной литературе следует признать труды М. Элиаде. Он предложил целостную и многомерную реконструкцию шаманизма, которая не

потеряла своей актуальности и ее можно использовать в качестве базовой исследовательской схемы.

В отечественных этнологических исследованиях было показано воздействие традиционного мировоззрения на современные пласты ментальности, исследовалась проблема разрушительного влияния модернизации на традиционные культуры, упразднение ее базовых ценностей, подчеркивалась необходимость сохранения, преемственности и интеграции ее фундаментальных современных представлений

С конца 80-х гг. XX в. в отечественной науке происходит смена научных парадигм, что привело в частности к новым взглядам на проблему шаманизма. Определённый научный интерес в этом отношении, представляет концепция, предложенная в 1980-е гг. В.Н. Басиловым, который считал, что для рассмотрения развития шаманизма нужно располагать данными, характеризующими этот культ, у одного и того же народа, но в разные времена. При этом предполагалось, что шаманизм представляет собой историко-культурное явление, обладающее у разных народов специфическими чертами, связанными с особенностями их традиционного образа жизни.

Для объяснения феномена бурятского «неошаманизма» необходимо заметить, что в современном поликультурном пространстве ни одна традиционная религия и даже ее элементы не могут существовать изолировано от иных модернистских культурных форм. В результате возникает специфическое синкретическое культурное явление, основой которой являются элементы шаманской культуры, которая включает в себя как традиционные, так и модернистские элементы культуры.

Важным для формирования многостороннего подхода к анализу неошаманизма является психоанализ, поскольку современный культурологический анализ не обходится без рассмотрения структуры бессознательного. Классический психоанализ З. Фрейда трактовал шаманизм в духе эволюционной парадигмы, отождествляя психические структуры ребенка, невротика и «первобытного» человека.

Весьма существенными для анализа современных форм шаманизма представляется аналитическая психология (Юнг и т.д.).

Особую важность для нас, имеют идеи коллективного бессознательного и его архетипические основы, без которых современное понимание культурных феноменов не возможно

Основываясь на вышеперечисленных исследованиях, мы предлагаем:

- Понимать неошаманизм, как модернизацию традиционной формы в контексте современной культуры.
- Неошаманизм рассматривать в качестве сконструированной формы, основанной на переозначивании смыслов традиционной культуры.
- Рассматривать реконструкцию неошаманистского мировоззрения, как базирующуюся на контаминации традиционных и модернизированных культурных стереотипов.

Отметим, что бурятский шаманизм как целостное мировоззрение представляет собой окультурную систему гармонии мира природы, человека и духов. В подобной бурятской системе человек является не субъектом, но целью деятельности, реализуемой посредством сети шаманистских практик, среди которых, как наиболее существенные, мы выделяем терапевтическую и экстатическую. Бурятский шаманизм представляет собой не религиозный культ, но систему практик, по своим смыслам и функциям, аналогичную религиозным.

В условиях модернизации бурятского культурного ландшафта, возникает потребность компенсации давления, вызванного прогрессом культуры. Таким образом, как ответ на давление формируется механизм культурного конструирования переозначивания традиционных бурятских архаических схем и начинается процесс наделения ее новыми смыслами, субъективно воспринимаемыми как открытие сакральных «духовных» смыслов.

Представляется, что в возникновение феномена «бурятского неошаманизма» было объективно обусловлено и соответственно имеет и свою субъективную составляющую.

На наш взгляд, к субъективным факторам следует отнести:

- Развитие коллективных потребностей, особенно создание бурятских социумов, основанных на родовом и районном принципах, к возрождающимся традиционным культурам;

- Тенденцию актуализации носителями традиционных культур шаманистского мировоззрения и практики .

- Появление сконструированных культурных форм, которые характерны для представителей современной культуры, не являющихся носителями стереотипов традиционных культур.

Бурятский неошаманизм базируется на эзотеризме, мистике, экстрасенсорных возможностях отдельных личностей, использовании различных психотехник, позволяющих искусственно создавать измененные состояния сознания. В Республике Бурятия и на так называемых международных шаманских симпозиумах, неоднократно публично демонстрировались отдельными неошаманами методы «изгнания злых духов» и т.д. Во время подобных церемоний неопиты лизали раскаленное железо и демонстрировали другие очень внешнеэффектные методы.

Бурятский неошаманизм, в таком случае – это синкретическая форма, объединяющая стереотипы традиционных бурятских родовых культур с элементами современной психологии и психоанализа, с одной стороны, и с мистикой и эзотерическими знаниями с другой.

Современные бурятские носители неошаманских представлений трактуют свою деятельность как восстановление утраченной гармонии в формах жизни; заботу о социоприродном единстве; поиск практических методов для восстановления ущерба нанесённого природе. Очень активно ими используется имидж «читильщиков и хранителей» озера Байкал.

В современной российской массовой культуре, в средствах массовой информации все больше и больше нарастает интерес к модернистским формам религиозности. Создается много телевизионных программ, основной темой которых, является интерес к нетрадиционным религиозным течениям и причинам их возникновения, создаются фильмы, в которых можно увидеть мировоззренческие концепты неошаманизма, элементы обрядовой стороны этого феномена («След шамана», «Сшитые стрелы», «Медвежий поцелуй», «Ягуар» и др.).

Весьма массировано рекламируются книги по эзотерической тематике К. Кастанеды, по неошаманизму; М. Харнера, который предлагает практический путь становления человека на путь ша-

мана; К. Кинга, который дает в своей книге «Городской шаман» ряд практических и психологических инструкций, как следовать шаманскому пути в городской среде; Р. Уолша, который предлагает ряд мистических практик основанных на шаманской традиции и многих других.

Безусловно, ключевой и основополагающей в шаманизме является сам шаман. В традиционном бурятском шаманизме все и вся зависит от личности шамана. А в бурятском неошаманизме от личности зависит все, более того, собственно сам неошаманизм в этнической Бурятии зародился и интенсивно развивается исключительно благодаря личности неошаманов.

Для характеристики неошаманизма очень важно выяснить сущность термина «шаман» и «шаманизм». Традиционно в бурятской жизни, шаманы для своего рода являются людьми, обладающими устрашающей силой, в их руках здоровье и болезнь, жизнь и смерть, поэтому шаманы занимают главенствующее положение в длинном ряду тех, кто поднялся над остальными, боролся, побеждал так, что вызывал к себе либо благоговейный трепет либо зависть, а нередко и то и другое вместе. Их жизни увековечены в мифах, легендах и жизнеописаниях. Простые буряты восхищаются ими и часто верят, что они больше чем, просто люди, даже если сами герои не утверждают этого.

По поводу вопроса «Кто такой шаман?» нет сколько-нибудь заметного единства мнений среди учёных любого профиля, будь то антрополог, культуролог, историк. Как справедливо отмечал известный немецкий антрополог шаманизма А. Хульткранц: «... практически каждый учёный имеет свою собственную точку зрения на то, что составляет суть шаманизма». Среди исследователей нет единства даже относительно того, откуда возник сам термин. С точки зрения А. Хульткранца термин «шаманизм» происходит от тунгусского слова «саман», означающего «тот, кто возбуждён, движется, поднимается». Он может быть образован от древнего индейского слова, означающего «бить себя или практиковать аскетизм» или же от тунгусского глагола «знать». [www.dalaruh.kz>articles/view/110](http://www.dalaruh.kz/articles/view/110)

По мнению одного из самых ранних исследователей эвенков С. Широкогорова, термин «шаман» («саман») относился к чело-

веку (мужчине или женщине), «который, овладел духами, по своему желанию мог впускать их в себя и использовать их власть над другими духами в своих интересах, в частности, помогая людям, страдающим от духов». Выдающиеся историки и антропологи М. Элиаде и И. Кулиано также посчитали, что термин «шаман», который означает «колдун» тунгусского происхождения.

Общетюркское слово для обозначения шаман – кам. Но якуты, киргизы, узбеки, казахи, монголы употребляли иные названия. В эпоху монгольских завоеваний шаман назывался беки, и, по мнению М. Элиаде и И. Кулиано, возможно, от него пошло тюркское бек «господин». Североамериканские шаманы предпочитают называть себя «medicine men», то есть «медицинским человеком». Английское слово medicine по происхождению латинское, первоначально означающее «медицину» и «лекарство». Для коренных североамериканцев «лекарство» означает нечто гораздо большее, чем просто вещество, которое восстанавливает здоровье и возвращает жизненную силу истощённому физическому телу или больному. Под лекарством они понимали в первую очередь «силу», жизненную энергию, которую можно вызывать и направлять. Использовалась она в первую очередь для целительства, в смысле активного воздействия человека на собственное сознание и на окружающий мир, что возвращало действия шамана к классическому определению «магии». В этом контексте шаманы являются противоречивыми фигурами для своих соплеменников. Их почитают за целительские силы и умение помочь, но в то же время боятся за их чёрные колдовские чары.

Обратим внимание и на такую весьма важную проблему, которую нужно проанализировать в ретроспективном контексте, как происхождение слов «шаманизм» и «шаманы». В литературе по шаманизму большинством авторов определено, что слово «шаман» происходит от санскритского «Sraman», то есть «нищий монах», однако М. Мюллер и Б. Банзаров отрицают происхождение слова «шаман» от «sraman», аналогичная точка зрения и в исследованиях У. Харвы. Таким образом, мы видим, что существуют различные мнения о происхождении слова «шаман».

В Сибири слово «шаман» употребляется только у эвенков. В то время как якуты, буряты и монголы называют своих шаманов

«боо» (шквал, порыв ветра), шаманок. У якутов шаманов называют «ojun». Алтайцы называют своих шаманов «кам». Хоффман отделяет понятия «шаман» и «кам». При камланиях появляется иногда ассистент шамана, в особенно важных случаях необходим также «кам». У чувашей встречается выражение «jomai», у ненцев «tadyl», у остяков «ulhot», что означает певец.

А. Ольмаркс под шаманизмом понимал «относительно нервное или психопатическое предрасположение человеческой психики», а также «религиозную сферу обычая». Этот обычай заключается в том, что личности, наделённые особыми душевными силами и способностями, могли оградить окружающий мир от социальных несчастий, также как болезнь, посредством гипноза и самовнушения, в зависимости от степени трудности. При этом шаман получает в таком состоянии знания о видах несчастий и ключ к их устранению. [www/shaman.aha.ru/homepage/shaman/shaman3/shaman03](http://www.shaman.aha.ru/homepage/shaman/shaman3/shaman03). Аналогичной точки зрения придерживается Ф. Гребнер. www.wiki.iteach.ru/index.php/Диффузионизм. И.С. Вдовин различал понятия «шаманизм» и «шаманство». Под шаманизмом он понимал форму религиозного сознания в прошлом распространённую среди народов Севера, находившихся на разных ступенях разложения первобытнообщинного строя и переходу к классовому обществу, а под шаманством только часть этой системы.

Рассматривая личность шамана и неошамана, обратим внимание, что в традиционном бурятском шаманизме, как правило, шамана выбирали духи и посвящали в шамана духи. В бурятских традициях право и возможность быть шаманом передавалось по наследству, т.е. духи как бы выбирали род, в котором и рождались избранные быть шаманами. Но в то же время следует отметить, что передача линии по наследству не являлась обязательной в некоторых других традициях. Например, у народов Крайнего Севера стать шаманом мог каждый – для этого достаточно было просто объявить себя шаманом, и потом уже окружающие сами разбирались, кто есть шаман, и титул этот закреплялся только самими людьми в сообществе.

Необходимо подчеркнуть, что в бурятском шаманизме, шаманство передавалось исключительно в роду. Данное неоднократно

ное замечание крайне важно, так как в современном бурятском неошаманизме, шаманом может стать практически любой, прошедший определенную «школу» и в последующем повышающий свой ранг и титул. В то время, как в традиционном бурятском шаманизме посвящение в шаманы и продвижение по уровням развития также осуществляется исключительно духами. Как правило, в качестве такого посвящения, человек сильно заболевает, и болезнь отступает только после того, как он примет путь шамана и «отдаст» себя духам. В начале становления шамана с ним взаимодействуют его непосредственные духи-покровители или духи-помощники. Обычно это еще и духи предков, если шаман рожден в традиции и именно дух предков обучает шамана всяким премудростям. Конечно, за такое обучение отвечает и живой предок-шаман, который учит изготавливать шаманский инструмент, использовать травы, знакомит приемника с ритуалами и местами силы. Но это лишь внешнее направление. Основная работа осуществляется духами, не людьми. По мере приобретения силы и опыта шаман устанавливает контакт с духами различных мест и стихий, сторон света, болезней, животных и растений.

Современный бурятский неошаман, как правило, образован, публикует книги, выступает с лекциями, публично демонстрирует шаманские обряды и святыни. Характерной чертой современного неошаманизма этнической Бурятии является его открытость для всех желающих. Ярчайший пример бурятского неошаманизма деятельность ольхонского шамана В. Хагдаева. Валентин Владимирович Хагдаев – наследственный, практикующий ольхонский шаман в девятом колене бурятского рода Буян, подрода Хагдай (родовой улус Тонта), в 2000 г. прошел пятое посвящение «хэсэгэ боо» («получивший бубен»). Во время посвящения неожиданно пошел «слепой» дождь, что расценено стариками как хорошее предзнаменование. Валентин, как истинный шаман, имеет лишнюю кость: тэнгерийн тэмдэг (божественная отметина) – от рождения раздвоенный большой палец на правой руке. По словам Верховного шамана Монголии боо Цэрэнзайрана: «с такой отметиной шаманы рождаются один раз в век и сейчас больше нет ни одного шамана с двойной костью, как у

Валентина». Занимаясь шаманизмом, Валентин Хагдаев закончил аспирантуру Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Им опубликована монография «Шаманизм и мировые религии», которая в настоящее время им дорабатывается до диссертации на кандидатскую степень. Он знает наизусть многие, ещё неопубликованные легенды, мифы своего народа и родовые предания, подробно может рассказать о своей родной земле, практически о каждом памятном месте в Тажеранской степи.

Характерной особенностью неошаманизма Бурятии конца XX – начала XXI вв. стала публичная демонстрация шаманских «театрализованных» обрядов без «впускания в себя духа-онго» и проведение новых по своему содержанию обрядов, выполняемых шаманом за денежное вознаграждение. Кроме традиционных обрядов по улучшению здоровья и возврата души в тело, все чаще люди просят неошамана провести обряд для улучшения своего благосостояния, чтобы шла хорошо торговля или бизнес; для карьерного роста, изменения внешности в лучшую сторону, приворота любимого и т.д. Причем с такими просьбами стали обращаться не только местные жители, но и люди из европейских городов России и из-за рубежа. Складывается впечатление, что чем дальше находятся от шамана люди, тем более могущественными возможностями наделяют его. Это еще одно подтверждение марксистской теории о рынке, когда «если есть спрос, тотчас появляется предложение». Вышесказанное для рыночных отношений очень злободневно, так как «неошаманы» в абсолютном большинстве проводят так называемые «коммерческие» обряды. Для проведения таких церемоний люди платят десятки тысяч рублей. И чем выше сан и ранг, соответственно выше и рыночная стоимость их услуг. В Бурятии уже появились неошаманы, присвоившие себе высшие 9-е степени посвящения «зарин», т. е. шаман, который может левитировать выше крон деревьев, свободно перемещаться между мирами. Большинство наследственных шаманов западного берега Байкала практически не имеют таких рангов, возможно, им это не нужно и чуждо.

Как своеобразное проявление тенденции развития шаманизма, возникла тенденция объединения шаманов. В частности, созда-

ются шаманские клиники, проходят симпозиумы шаманов со всего мира, особенно на острове Ольхон.

В настоящее время шаманы Прибайкалья и Забайкалья объединяются в ассоциации и шаманские конфессии. В Республике Бурятия в 1997 г. зарегистрирована шаманская конфессия «Боо мургэл», объединяющая в настоящее время в своих рядах 45 шаманов, сейчас их число перевалило за сто человек. Организованы и прошли государственную юридическую регистрацию неошаманистские общественные организации «Тенгери», «Боо Дархан», которые имеют узаконенное государством право заниматься культурной деятельностью в Байкальском регионе. Заметим, что объединяются и традиционные шаманы Усть-Ордынского национального округа Иркутской области в «Сахилган» и «Бургэд».

Организаторы утверждают, что такие шаги продиктованы политической и экономической необходимостью. Однако, испокон веков шаман по своей природе являлся одиночкой, он никогда не нуждался в каких бы то ни было объединениях. Возникновение различных шаманских объединений – категорически выходит за рамки традиций. Очевидно, что здесь есть внутреннее противоречие, так как шаманы в отношениях между собой всегда жуткие индивидуалисты.

Перед нами явление, одетое в традиционные одежды, но новое. Шаман республиканского проявления сознания – это феномен, которого не было никогда. Бурятский традиционный шаманизм одного региона, имея схожие корни с шаманизмом другого региона, иногда коренным образом отличается.

У каждого бурятского рода есть свой собственный взгляд на то, как этот обряд должен выглядеть. Каждый бурятский род делает это по-разному. Неудивительно, что внутри современных шаманских сообществ часто происходит разлад, а отдельные члены друг с другом не ладят.

На наш взгляд, создание шаманских обществ преследует две цели. Первая, и главная, – это попытка создать государственный идеологический институт, особенно это заметно в Республике Бурятия, где создается на основе ламаизма некая государственная религия. В этой религии шаманизму уготовлена роль наполнения

содержательной части обрядовой жизни. Другая цель – это унификация шаманизма.

В качестве выводов обратимся к Майклу Харнеру, американскому антропологу, автору неошаманизма и соответственно ставшим первым популизатором шаманских практик. Он утверждал, что любой человек может научиться классической шаманской технике: путешествию в мир духов. Это утверждение давно стало реальностью. М. Харнер также ввел термин «базовый шаманизм», который означает базовые шаманские техники, вынутые из культурно-социального контекста. Этим техникам и обучают людей, не рожденных в шаманской культуре или племени. Безусловно, есть отличия между переживаниями и опытом традиционного шамана, прошедшего весь путь посвящения и опытом, который можем получить мы с вами. Тем не менее, есть и потрясающие сходства в опыте традиционных шаманов самых разных культур и континентов и опыте современных людей западной культуры, практикующих базовые шаманские техники.

Сначала об основных различиях между традиционным и базовым шаманизмом:

– Традиционный шаманизм доступен только тем, кого явно и очевидно выбирают духи в рамках определенной культурно-географической традиции. Человек не выбирает путь шамана, человека выбирают духи, отказ приводит к болезни. Шаман не может перестать быть шаманом, иначе возвращается болезнь. Это дар, от которого нельзя отказаться.

– Радикальное изменение личности после шаманской инициации, которая почти всегда сопровождается серьезной болезнью или даже клинической смертью, психотическими эпизодами.

– Огромное количество правил и табу, нарушение которых может привести к серьезным последствиям для шамана.

– Есть строго определенный культурный и символический контекст, в котором живет шаман.

Базовый шаманизм доступен любому, кто искренен и принимает базовые положения шаманизма. Культурные и религиозные традиции не имеют значения. Путь выбирается абсолютно добровольно. Хотя человек может ощущать «зов» или переживать спонтанные контакты с миром духов, выбор шаманизма не явля-

ется обязательным, нет шаманских болезней при прекращении практики.

– Постепенное изменение личности и жизни, которое, как правило, несвязано ни с какими событиями, реально угрожающими жизни.

- Шаманство занимает центральное место в жизни человека, все остальное уходит на второй и третий план.

– Практики могут занимать большое или малое место в жизни человека, это решает сам человек. Как правило, практики совмещаются с другими аспектами жизни или вписываются в уже существующий набор техник развития и духовного роста.

– Табу обычно не существуют, хотя могут появиться в результате особых договоренностей с духами. Нарушение приводит к потере силы. Травматические переживания последствий возможны, но крайне редки.
- Может работать только внутри собственного племени или культурной группы

– Может практиковать в одиночку и не требуется привязки к определенному географическому месту или группе.

– Базовый шаманизм не привязан к одному определенному культурно-символическому контексту.

Традиционный архаический шаманизм и современные его модернизации – это два разных подхода к этому миру. Какой из них более правильный – покажет время.

Примечания

1. Элиаде М. История веры и религиозных идей. – М. 2001.
2. Басилов В.Н. Избранники духов. – М. 1984 г.
3. Кастанеда К. Учение дон Хуана. – М. 208 г.
4. Харнер М. Путь шамана. – СПб, 2011.
5. Вдовин И.С. Очерки истории и этнографии чукчей. – М.1965.
6. Широкогоров С. Опыт изучения основ шаманства у тунгусов. – Владивосток, 1919.
7. Медоуз К. Магия индейцев. – Киев, 1997.

Электрификация колхозов Бурят-Монгольской АССР в послевоенные годы (1945–1953)

Н.В. Олзоева

ст. преп. кафедры истории Отечества
ФГБОУ ВПО «Бурятский госуниверситет»

В период перехода сельского хозяйства на индустриальную основу большое внимание партия и правительство уделяли развитию сельской электрификации. За годы войны в Бурятии в неё было вложено 3490 тыс. рублей. Ежегодная сумма вложений увеличилась с 433 тыс. рублей в 1941 г. до 1280 тыс. рублей в 1945 г. Всего за военный период было построено 25 электростанций, из них 4 гидроэлектростанции (Баргузинская, Зырянская, Убукунская ГЭС, ГЭС колхоза им. КИМ) и 21 тепловая. К 1945 г. в Бурятии действовали 32 сельские электростанции, в то время как в 1937 г. их насчитывалось всего 7.

В послевоенные годы перед народным хозяйством страны и его составной частью – экономикой Бурятии – встали задачи всемерного развития, повышения производительности труда на основе технического прогресса. Одним из важнейших условий быстрого подъёма экономики являлось удовлетворение постоянно растущей потребности в электроэнергии [1, с.58]. 8 февраля 1945 г. Совет Народных Комиссаров СССР принял постановление «О развитии сельской электрификации». В нем указывалось, что строительство сельских электростанций должно проводиться как самими колхозами, так и заинтересованными коммунальными предприятиями. Предусматривалось осуществление проектно-изыскательских работ, строительство мелких тепловых и малых гидроэлектростанций, производство турбин и оборудования для сельских силовых установок. Постановление обязало промышленные предприятия оказать всемерную помощь селу в развитии электрификации.

Большие задачи в области сельской электрификации были поставлены четвертым пятилетним планом восстановления и развития народного хозяйства (1946-1950 гг.) План предусматривал

массовое строительство в сельских местностях небольших гидроэлектростанций, ветростанций и тепловых электростанций с локомобильными и газогенераторными двигателями [2, с. 22].

Укрепление энергетической базы шло по линии расширения старых электростанций и строительства мелких для нужд отдельных предприятий и городов. Большинство из них работало изолированно и снабжало 2-3 объекта. 78,7% мощности электростанций приходилось на долю промышленных электростанций, 11% – на долю коммунальных, остальные 10,3% составляли транспортные, сельские и прочие станции. 63,4% электростанций базировалось на дефицитном жидком топливе. Твердое топливо, преимущественно уголь, использовали 32,5% электростанций, гидроэнергетические ресурсы – 4,1% станций. Всё это свидетельствовало о том, что энергетика республики пока ещё основывалась на недостаточно эффективной базе.

Электрификация сельского хозяйства прошла несколько этапов. Первый – 1945-1953 гг. – характеризовался активизацией сельского энергостроительства, но слабым использованием электроэнергии непосредственно в сельскохозяйственном производстве. Второй этап, начавшийся в пятой пятилетке, характеризовался подключением сельских потребителей к государственным сетям и активным применением электроэнергии на производственные нужды.

Реализация этих задач была возложена на созданную 1 ноября 1940 г., Бурят-Монгольскую строительно-монтажную контору «Сельэлектро» при Министерстве сельского хозяйства Б-МАССР, которая вела строительство электростанций на договорных началах.

В годы четвертой пятилетки в Бурятии для выполнения плановых заданий намечалось увеличение капитальных вложений в сельскую электрификацию. Их сумма составила 32 млн. руб., в т.ч. по райцентрам – 14 млн. руб., по колхозам – 17 млн. руб., по МТС – 600 тыс. руб. За этот период планировалось построить 19 электростанций районного назначения, 175 – колхозных.. В 1946 г. началось строительство Каленовской, Байкало-Кударинской, Карбаиновской, Аргадинской, Убукунской ГЭС и др. Колхозы проявили горячий интерес к электрификации, поэтому вместо 12

ТЭЦ по плану велось строительство 18 объектов, из которых 15 были сданы в эксплуатацию в 1946 г.[1,с.58-59].

Но реализация планов по электрификации сельского хозяйства проводилась без генеральной схемы. Планирование, производимое Бурят-Монгольской конторой «Сельэлектро» заключалось, в лучшем случае, в сборе заявок на электрификацию колхозов, МТС и аймачных организаций. Из числа поступивших заявок (иногда после обследования объекта в натуре, а иногда и совсем без обследования) в соответствии с контрольными цифрами, предписываемыми конторе Главком на каждый планируемый год, набиралось число и общая мощность электростанций. Это вынуждало контору без достаточной изученности подбирать и планировать объекты строительства. Такое планирование усугублялось еще и тем, что были слабо изучены режимы малых рек Б-МАССР. По территории республики протекало около 9 тыс. рек, но лишь по 54 рекам были проведены исследования для определения их гидроэнергетического использования. В проектно-изыскательских бюро не хватало специалистов. Инженеров и гидротехников из 15 по штату имелось 7 человек, инженеров и техников-строителей из 7 было 2, инженеров и техников-электриков из 6 – только 3. Вопросы по укомплектованию кадрами специалистов решались медленно. В проектном отделе отсутствовали необходимая техническая литература, справочники, каталоги, стандартные бланки, светокопия. Уже готовые проекты по различным причинам задерживались в научно-техническом совете при МСХ Б-МАССР на утверждении, что также вызывало задержки в ходе строительства и монтажа. Поэтому проектирование строительства отставало и часто строительство начиналось без проектов, а сами проекты подгонялись под начатое строительство, что вызывало брак в работе, переделки, консервацию, затруднение финансирования и т.д. На качество составления проектов влияло также отсутствие элементарных инструментов и материалов (особенно буровых). Это вынуждало проектировщиков базировать свои гидрологические расчеты на заложенных вручную шурфах, в пределах выше уровня грунтовых вод, из-за чего первичные документы оказывались неточными, допускались грубые ошибки в гидрологических прогнозах в сторону завышения фактической мощности водото-

ка, что снижало качество проектных работ, приводило к браку в составлении проектов и к дальнейшему браку в строительстве. На качество составления проектов влияло и то, что на практике изыскательские работы начинались в неблагоприятное время.

Все это приводило к тому, что уже построенные ГЭС, например Каленовская в Иволгинском аймаке работала только в летнее время, а зимой не работала из-за недостатка воды. Зырянская и Баргузинская ГЭС, имеющие проектную мощность по 120 квт, работали, используя мощность только на 50 %. Аргадинская ГЭС колхоза им. Калинина Курумканского аймака, построенная в 1947 г., из-за плохой изученности грунта, уже в 1948 г. потерпела аварию. Новосретенская, Карбаиновская, на строительство которых были затрачены большие средства, не работали. Подобные факты имели место и при постройке ТЭС. Например, при строительстве Заганской ТЭС в Мухоршибирском аймаке, которая была предназначена обеспечивать электроэнергией 7 колхозов, МТС и аймачный центр, место строительства было спроектировано неудачно: зыбучий грунт и близость подземных вод затрудняли строительство, а заготовку топлива для ТЭС в объеме 7000 м³ дров в год предполагалось вести в 25-30 км от станции силами обслуживаемых колхозов. Это отвлекало большое количество транспорта и людских сил. Станция работала с перебоями из-за недостатка топлива и содержание ее было экономически невыгодно. Такое «планирование» приводило к постройке недолговечных, бесперспективных электростанций, к бесхозяйственному расходованию средств, оборудования, материалов и рабочей силы. Необходимо было составить перспективную схему развития сельской электрификации, которая должна была решить задачу выявления имеющихся в республике энергетических ресурсов, обосновать направление и масштабы электрификации сельского хозяйства.

Вопрос о необходимости составления схемы сельской электрификации, о прекращении бесплановости в этом деле, контрой поднимался перед Советом Министров Б-МАССР еще в 1945 г. и в последующие годы, но своевременной поддержки в этом вопросе контора не получала. И уже позже, директивными указаниями Управления МСХ СССР от 15.01.1948 г., отдельными постановлениями и Указаниями Совета министров Б-М АССР,

Бурят-Монгольская контора «Сельэлектро» приступила к подготовке нужных материалов и схем. Однако работы шли медленно и, не смотря на то, что на ее составление было израсходовано более 100 тыс. руб., вплоть до 1950 г. генеральная схема не была завершена [3, лл. 48-53]. Такое проектирование отрицательно влияло на темпы сельской электрификации.

Проблема подготовки кадров для сельской электрификации решалась через организацию краткосрочных курсов. Электромехаников и электромонтеров было подготовлено в 1947 г. – 11 чел., 1948 г. – 60 чел., 1949 – 25, 1950 – 25 чел. Колхозы плохо направляли необходимое количество колхозников. Так, из обученных в первом полугодии 1948 г. 26 электромехаников, от колхозов было только 8 человек. В набор на курсы во втором полугодии 1948 г. из 60 человек по плану из аймаков прибыло только 28 человек. Не хватало мотористов, теплотехников, кочегаров, машинистов, слесарей. Производственно–технический персонал не соответствовал профилю специальности или же был низкой квалификации, а зачастую, и то и другое вместе. Так, на строительстве 11 ГЭС в 1947 г. работало только 5 прорабов-строителей. Обеспеченность плана по труду на 1948 г. составляла всего 46,4 % [1, с.59]. Это приводило к низкому качеству выполняемых работ, браку. Контроль за работой осуществлялся слабо и редко. Поэтому ранее пущенные станции преждевременно выходили из строя и простаивали (Убукунская, Кокоринская, Горячинская, Карбаиновская, Заганская).

Масштабы и темпы электрификации сдерживала также недостаточная механизация трудоемких работ. При строительстве ГЭС отлив воды из котлованов и земляные работы, достигающие объема 60 тыс. м³ производились вручную тачками и носилками. Поэтому закладка подземной части водонапорных плотин и зданий электростанций не всегда была должного качества. Такое проведение работ вручную требовало большого количества рабочей силы, вело к низкой производительности труда и удлиняло сроки строительства ГЭС до двух и более лет, а строительство ГЭС большей мощности (Тахойской, Курбинской, Кудунской, Зун-Муринской), где объем земляных работ достигал от 50 до 150 тыс. м³ без механизации было трудновыполнимо. Руководство

Б-М конторы пытались поднимать перед «Главсельэлектро» вопросы об обеспечении строек гидроэлектростанций сложными землеройными машинами и механизмами для водоотлива (экскаваторами с емкостью ковша 0,35 м – 2 шт., тракторными лопатами с емкостью ковша 5 м – 4 шт., насосами – 4 шт., автомашинами ЗИС – 5 шт., автомашинами с повышенной грузоподъемностью – 3 шт., передвижными электростанциями с комплексом деревообрабатывающих станков и инструментов – 2 шт., компрессорами самоходными – 2 шт.), но безрезультатно [3, с. 56-61]. До 1950 г. эти вопросы не были решены. Запасы инструментов конторы «Сельэлектро» составляли 30% от норматива, а поступление их в централизованном порядке было ограниченным.

В связи с развитием электрификации необходимо было решить вопросы обеспечения нормальной работы построенных и действующих сельских электростанций. Из построенных электростанций к 1950 г. уже не работало 36%. Это происходило из-за того, что вопросы эксплуатации электросетей и оборудования электростанций не контролировались и не решались ни колхозами, ни Б-М конторой «Сельэлектро», ни министерством СХ Б-МАССР. Для исправления положения было решено организовать отдел эксплуатации при конторе «Сельэлектро» и укомплектовать его кадрами [3, л.63].

Также необходимо было решить вопросы организации ремонтной базы и оказания помощи в приобретении запчастей и материалов. Здесь поддержку сельской электрификации оказали промышленные предприятия республики. Рабочие и инженеры брали на себя обязательства изготовить силовое оборудование. Первым в Бурятии этот замечательный почин подхватил коллектив трудящихся судоремзавода Байкало-Селенгинского пароходства, который взял шефство над строительством Каленовской гидроэлектростанции, завод «Авангард» обслуживал и промартель «Таёжник» Иволгинского района. Авиа завод обязался изготовить паротурбины для колхозных гидроэлектростанций, выделить электроматериалы и провести монтаж линии электропередач для колхоза им. Орджоникидзе, а для колхозов им. Чкалова, «Красная заря» Прибайкальского района провести монтаж трансформаторных подстанций. Коллектив мехстеклозавода изготовил электро-

патроны и другие заменители электрофарфора [1, с.56-57]. На базе Улан-Удэнского МРЗ был организован капитальный ремонт первичных двигателей колхозных электростанций – дизелей и нефтяных двигателей. На базе судоремонтного завода организован ремонт локомотивов колхозных и межколхозных электростанций. Решались вопросы централизованного изготовления необходимых запчастей [3, л.73].

Одним из существенных недостатков проведения электрификации было то, что «сама система управления, исходящая из министерства СХ СССР не была отработана в принципиальных вопросах. Контора «Сельэлектро» существовала на правах подрядной организации, у которой по существу отсутствовала своя рабочая сила и денежные средства. Все это должно было обеспечиваться заказчиком (колхозами) на основе договоров и т.п. Так как колхозы по своему состоянию из-за большой трудонапряженности по основным работам (в земледелии и животноводстве) не в состоянии были выделять на длительное время для строительства электростанций рабочих и транспорт, то строительные работы, как правило, проводились рывком в более свободное от основных сельскохозяйственных работ время и затягивались. Контора «Сельэлектро» в этих случаях не имела права свободного набора рабочей силы и ее оплаты за счет средств колхоза. При этом вопросы своевременного финансирования колхозами часто нарушались, и это задерживало проведение других подготовительных работ, проводимых конторой (заготовка материалов, оборудования, проектирование и др.) Именно по этим причинам на практике большинство заключенных договоров между «Сельэлектро» и колхозами нарушались и не выполнялись в установленные сроки [3, л.67-68].

Учитывая сложность гидротехнических работ по сооружению колхозных ГЭС мощностью свыше 100 кВт и недостаток квалифицированных кадров специалистов в колхозах возникла необходимость организовать при конторе «Сельэлектро» постоянно действующие бригады плотников, каменщиков и монтажников по гидротепловому оборудованию [3, л.74].

В связи с неудовлетворительным состоянием сельской электрификации Совет Министров БМАССР в 1948 г. принял поста-

новление «О состоянии сельской электрификации в планах развития на 1948- 1950 гг.» Оно наметило ряд мер по улучшению состояния сельской электрификации и успешному выполнению пятилетнего плана, что дало свои результаты [1, с.59].

В январе 1949 г. Совет Министров Б-М АССР принял постановление «О выделения средств из местного республиканского бюджета на проведение изыскательских работ по строительству межколхозных электростанций мощностью свыше 100 кВт ». На эти цели выделялось 100 тыс. руб. [3, л.3]

За годы четвертой пятилетки в сельской местности количество электрифицированных колхозов увеличилось в 9,1 раза, МТС – в 2 раза. Мощность сельских установок возросла в 5,5 раза, а выработка электроэнергии – в 10 раз. За пятилетие (1946 – 1950 гг.) было электрифицировано 75% совхозов, что составляло 3 хозяйства из 4, имеющих в республике, 80% МТС – или 29 из 36 и 14,2% колхозов – в количестве 63 из 445 соответственно [1, с.66]. В послевоенные годы, как и в предвоенные, продолжалась преимущественная электрификация совхозов как государственных предприятий [1, с 60].

В 1950-е гг. происходит усиление темпов энергетического строительства и внедрения электрической энергии в производство. Более половины электростанций республики имели установленную мощность менее 25 кВт каждая. В сельском хозяйстве строительство мелких электростанций объяснялось финансовыми возможностями колхозов, а также их стремлением получить электроэнергию, которая стала прочно входить в жизнь тружеников деревни. За годы пятой пятилетки в строй действующих вошли: в 1951 г. Аргадинская в колхозе им. Тельмана; в 1953 г – Баргузинская, Байкало-Кударинская и Тункинская ГЭС. Получили свет от электростанций колхозы «Галын-Очи» Джидинского района, «Коммунизм» Кабанского района и им. Ворошилова Бичурского района. Расширился круг электропотребителей межколхозной Зырянской ГЭС Прибайкальского района.

В силу своего технического несовершенства сельские электростанции работали с неполной нагрузкой, особенно ГЭС. Многие гидроэлектростанции, не имея водохранилищ, в зимних условиях

выработку электроэнергии сводили до минимума или совсем прекращали.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. наметился переход к строительству крупных межколхозных станций. Определенную базу для такого перехода подготовило укрупнение колхозов. На реке Джилинда в июне 1951 г. началось строительство Тахойской ГЭС – самой крупной межколхозной гидроэлектростанции этого периода. Однако сооружение ГЭС осложнялось недостатком рабочей силы и транспорта [1, с.61].

В четвертом пятилетии дефицит электроэнергии ликвидировался за счет сооружения маломощных электроустановок. Колхозы строили электростанции за счет собственных материальных и финансовых средств, заключая договоры с республиканской конторой «Сельэлектро». Но строительство разобщенных электростанций привело к созданию некачественной энергетической базы сельского хозяйства. Решить проблему можно было подключением сельских потребителей к более надежным источникам электроснабжения: к государственным электросетям промышленных и коммунальных электростанций, располагающих свободной мощностью. В августе 1952 г. Министерство сельского хозяйства поставило перед правительством вопрос о расширении присоединения сельских потребителей к государственным энергосистемам. Тогда же была создана правительственная комиссия, которой было поручено обсудить этот вопрос и представить соответствующие предложения. Через год 25 августа 1953 г. Совет Министров СССР принял постановление «О проведении работ по электрификации колхозов путем присоединения к государственным энергосистемам, промышленным и коммунальным электростанциям». Был отменен один из пунктов постановления правительства от 2 июня 1950 г. запрещавший расходование материальных и денежных средств на электрификацию колхозов за счет присоединения к электросетям несельских государственных электростанций. Постановление от 25 августа 1953 г. способствовало развитию электрификации села, увеличению расхода электроэнергии на производственные нужды [4, с.108].

В 1950-е гг. началось строительство крупных электростанций при промышленных предприятиях. XVII областная партийная

конференция (сентябрь 1952 г.) поставила задачу: расширить энергетическую базу промышленных предприятий. Однако полный перевод на централизованное электроснабжение сельских потребителей был затруднен ввиду недостаточного развития или же полного отсутствия хороших электросетей, несовершенства схем электроснабжения, большой утечки энергии и т.д., а также неустойчивого уровня финансирования. Поэтому в районах республики, не имеющих возможности использовать подключение, электрификация продолжала осуществляться за счет строительства государственных ГЭС, колхозных и межколхозных ТЭС, а также за счет строительства укрупненных тепловых электростанций при МТС [1, с. 60-63].

Высокая трудоемкость аграрного труда, настоятельно требовала форсирования работ по расширению сельской электрификации. Опыт показал, что применение электроэнергии в сельскохозяйственном производстве давало большой экономический эффект. Применение электричества помогало колхозам выполнять посевные и уборочные работы значительно быстрее и лучше, сокращало потери при уборке урожая и снижало себестоимость сельскохозяйственных продуктов. Электрификация позволяла механизировать многие производственные процессы, которые не поддавались механизации на базе других видов энергии [1, с. 75].

В колхозах Кабанского района электроэнергия широко использовалась для механизации, сушки, очистки и погрузки зерна на колхозных токах, для дойки коров, стрижки овец, приготовления кормов и автопоения на колхозных фермах, для распиловки леса на строительстве, для развития подсобных отраслей хозяйства. В колхозе им. Калинина Курумканского района электроэнергия привела в движение колхозную мельницу.

Механизация трудоемких процессов оказала непосредственное влияние на повышение производительности труда и продуктивности животноводства. Если при ручной стрижке овец настриг шерсти с овцы составлял в среднем 1,29 кг, то в 1952 г. при помощи электростригальных агрегатов – 1,87 кг шерсти с одной овцы.

Показатель электрифицированных колхозов составлял 25%, тогда как средний показатель по РСФСР – всего лишь 20%. Од-

нако это не означало полной электрификации. Электричество на селе применялось главным образом для освещения жилых и производственных помещений. На производственные цели электроэнергия использовалась только в 11% хозяйств [1, с.64-65]. Одной из причин недоиспользования электроэнергии в производстве явилось отставание механизации сельскохозяйственного производства.

Несмотря на значительный рост мощностей сельских электростанций их роль в колхозном производстве была невелика. Большая часть энергии, как и прежде, продолжала идти на освещение. Только 9% электрифицированных колхозов применяли электроэнергию в производственных целях. Более широкое внедрение электроэнергии в производство было затруднено как из-за небольшой мощности сельских электростанций (25-40 кВт), так и из-за нехватки количества и малой мощности электромоторов, имевшихся в хозяйствах. Кроме того, большинство построенных в те годы электростанций имело полукустарное оборудование, изготовленное на неспециализированных заводах или сельских мастерских. Мешали также неравномерность размещения электростановок и дороговизна электроэнергии, получаемой от сельских электростанций (стоимость 1 кВт /часа в некоторых случаях достигала 2 руб.) [4, с. 108].

К 1955 г. мощность сельских электростанций Восточной Сибири увеличилась по сравнению с довоенным периодом в 54 раза, а выработка электроэнергии – в 45 раз, в Бурятии – соответственно в 158 и 29,1 раза. Относительный и абсолютный рост этих показателей говорит о коренном переломе, происшедшем в электрификации сельского хозяйства.

В республике были электрифицированы все совхозы и МТС, 60 % колхозов. Однако сельское хозяйство потребляло всего 7,6 % от общей выработки электроэнергии [1, с. 76].

Опыт электрификации колхозов первых послевоенных лет показал необходимость планирования сельской энергетики наряду с планированием государственной. Проведение строительства за счет сил и средств хозяйств вело к созданию маломощных и низкопроизводительных электростанций, подрывало материальные возможности колхозов. «Малая энергетика», как называли сель-

скую электрификацию, требовала своего места в системе развития государственной электроэнергетики. Нехватка, а зачастую отсутствие квалифицированных кадров-энергетиков в колхозах приводило к неэффективному использованию электроэнергии, частым простоям станций. Требовалось создать и расширить сеть высоковольтных и низковольтных электропередач, трансформаторных подстанций, увеличить количество электромоторов у сельских потребителей, чтобы обеспечить успех электрификации сельскохозяйственного производства.

Примечания

1. Санжиева Т.Е. Электрификация советской Бурятии (1923 -1983 гг.). – Улан-Удэ, 1986.- 144 с.
2. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. – М., 1957. – Т.2 – С. 856 – 860.
3. ГАРБ. Ф. Р-195 оп.13. д.618.
4. Некрасова И.М. Развитие электрификации сельского хозяйства в 1945-1965 гг. // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946-1970 гг.) – М., 1972. – С.101-109.

Традиционная культура коренных народов Восточной Сибири в советский период: опыт сохранения и развития

З.Е. Цыренова
д.и.н., проф. кафедры истории Бурятии
ФГБОУ ВПО «Бурятский госуниверситет»

В последние десятилетия мировое сообщество переживает бум этнического возрождения. Подобные процессы являются своеобразной реакцией этносов против унифицирования ценностей западной цивилизацией, независимо от их адаптационных способностей и возможностей. В частности, это нашло отражение в законодательном признании прав коренных народов на исконные территории, на их возобновляемые и невозобновляемые ресурсы в Декларации Международной организации труда (МОТ) 1989 г. «О коренных на-

родах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах».[1] Хотя Декларация ратифицирована не всеми государствами, ее положения отмечают качественные изменения норм международного права в отношении коренных народов. Если ранее в его нормах содержалась явная ориентация на ассимиляцию этих народов в доминирующее общество, то теперь признаются их права на контроль над собственными институтами и образом жизни.

Кроме того, в рамках Международного десятилетия коренных народов мира (1995-2004 гг.), объявленного ООН, для мирового сообщества более зримо выявляется проблема ориентации на традиционные этнокультурные институты и механизмы при оценке социальной действительности. Отсюда – необходимость исторического изучения традиционной культуры, ее развитие и сохранение в полиэтническом государстве. К которым относилась имперская Россия, затем – СССР и ныне – РФ, и где в одной из первых в мире попытались решить национальный вопрос.

Историческая ситуация конца XX в. характеризуется сложной этнокультурной обстановкой. Глобальные проблемы современной эпохи становятся противостоянием традиционной и модернизированной (современной) культур, которые оказывают все возрастающее влияние на ход культурно-исторического процесса. Корни такого противостояния лежат еще в колониальном времени, когда европейские чиновники, будучи твердо уверены в благотворности и полезности своей деятельности для «туземцев» и «аборигенов», искореняли их традиции и верования, которые, по их мнению, были вредны для прогрессивного развития этих народов. Тогда предполагалось, что модернизация подразумевает, прежде всего, внедрение новых, прогрессивных форм деятельности, технологий и идей, является средством ускорения, упрочения и облегчения пути, который все равно предстоит пройти этим народам.

Разрушение многих культур вследствие такой насильственной «модернизации» привело к осознанию порочности подобного подхода, необходимости создания научно обоснованных теорий модернизации, которые можно применить на практике. В середине XX в. многие антропологи делали попытки взвешенного анализа традиционных культур исходящего из отказа от универсалистской концепции культуры. В частности, группа американских ученых под

руководством М.Херсковица в ходе подготовки Всеобщей декларации прав человека, проходившей под эгидой ООН, предложила исходить из того, что в каждой культуре стандарт и ценности имеют особенный характер, поэтому каждый человек имеет право жить согласно тому пониманию свободы, которое принято в его обществе. Возобладала, к сожалению, универсалистская точка зрения, вытекавшая из эволюционистского подхода. И сегодня в Декларации записано, что права человека едины для представителей всех обществ независимо от специфики их традиции. Причем известно, что записанные в декларации права человека представляют собой постулаты, сформулированные именно европейской культурой, и эволюционистская парадигма легла в основу появившихся тогда теорий модернизации.

Все эти проблемы потребовали изучения социальной части комплекса «традиционная культура – коренные народы – общество», в том числе в исторической ретроспективе. Ответом на эти процессы стало появление культурной экологии, исторической этнологии, традициологии, культурологии – своеобразного междисциплинарного научного комплекса, рассматривающего историю, культуру общества, народов.

В данной работе под историческим процессом понимается *трансформация традиционной культуры* в процессе *модернизации*. Исторический характер данной работы определяется конкретной методологически обусловленной решаемыми задачами. Среди доступного комплекса методов современной науки выбраны и использованы только те, которые позволяют осуществить историческое исследование. Означенная дисциплинарность работы определяется кругом источников, среди которых преобладает именно исторические. Формирование государственной политики, особенности ее проведения, результаты и последствия особо рельефно обнаруживают себя в истинных источниках, которые составляют фактологический фундамент исследования.

Осуществленный анализ исследований позволяет в основном высоко оценить многие достижения историографии прошлых лет. одновременно с этим необходимо указать основные недостатки: доминирование идеологических стереотипов; стремление подчеркнуть, главным образом, позитивные стороны национального раз-

вития коренных народов бывшего союза, не раскрывая издержек и потерь в его процессе; отсутствие почти освещения несоответствия, пропасти во взглядах на духовную сферу, идеологию, переустройство внутреннего мира человека многонационального государства между разработчиками, плановиками культуры, властью и большинством населения.

В целом, оценивая степень изученности темы, можно сделать вывод о том, что в изучении различных аспектов национального развития, в том числе традиционной культуры, в масштабах страны и сибирского региона имеется серьезный задел. Однако в исследовании культурных процессов на основе новых подходов сделаны первые шаги, а значит, необходима дальнейшая научная разработка проблемы.

Исторические источники, использованные в работе можно разделить на следующие группы: законодательные акты, делопроизводственная документация, опубликованные статистические сборники и справочники, научные труды по теме, работы этнологов и других специалистов в области национальной культуры, политики, социальной сферы, материалы социологических исследований, описания быта сибирских аборигенов, фольклорное наследие коренного населения Сибири, периодическая печать. При проведении исследования были использованы ранее введенные в научный оборот, так и новые источники центральных и местных архивов.

Характер, содержание, репрезентативность этих источников во многих отношениях различные, но все они несут значительную информационную нагрузку и в совокупности своей образуют насыщенную основу для изучения процессов культурного развития этносов, сохранения их национальной составляющей духовности народов.

В ноябре 1917 г. большевистским правительством России была выработана государственная национальная политика по защите коренных народов. В соответствии с «Декларацией прав народов России» правительством РСФСР было принято «Временное положение об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР». На местах были впервые созданы родовые собрания, родовые Советы, туземные районные съезды и избираемые ими районные исполнительные комитеты. Те несколько послереволю-

ционных лет, в течение которых создавались подобные уникальные документы, проводились прогрессивные мероприятия, означали лишь короткий момент представлений о всесторонне развивающейся, свободной от предрассудков личности и автономной культуре на местах. В основном происходило это из-за наивной веры в революционную и культурно-созидательную силу масс, овеванной романтикой раннего периода.

Выявлялась центральная проблема начального периода культурной политики – создание нового человека советского государства, власть стремилась к переустройству всего внутреннего мира человека. Предполагались создание пролетарской культуры в условиях диктатуры пролетариата, борьба с пережитками буржуазной культуры, критическая переработка и освоение буржуазной науки.

Учитывая полиэтничность России, признавались необходимым разработка национальной политики и проблем языковой культуры (развитие орфографии, терминологии, литературы и т.д.), национализации школ, подготовка кадров национальной интеллигенции и других.[2] Проблемы, оказавшиеся при их реализации очень сложными, будут находиться в поле зрения партийных, государственных и других структур еще долгие годы, вплоть до конца 60-х годов прошлого века.

В обществе все больше приходили к пониманию того, что революция не ведет за собой автоматического уничтожения всех пороков предшествующего общества. Осознание живости старых традиций отразилось в понятиях, появившихся в середине 20-х годов: быт, жизненный уклад, образ жизни. Кроме того, существовала глубокая пропасть во взглядах на идеологию, социальную сферу и переустройство внутреннего мира человека нового многонационального общества между разработчиками, плановиками культуры, властью и большинством населения, а в документах тех лет все больше прослеживается мотив борьбы, руководство которой взяла на себя партия.

Таким образом, с конца 20-х и до начала 50-х годов культурная политика все больше воспринимается как «культурная революция», ключевыми положениями которой станут:

- отступление в сфере общего образования и переход к быстрому обучению в соответствии с потребностями на перспективу;

- изменение отношения к «буржуазным» специалистам, начало которого было положено Шахтинским «делом» летом 1928 г.;
- социальная подготовка выдвиженцев из пролетариата и коренных народов в российских провинциях, воспитание «красных специалистов»;
- радикализация искусства и науки, необходимость которой подкреплялась аргументами классового противостояния.

Культурная революция становилась одним из элементов классовой борьбы и поскольку «одними разъяснениями и воспитательными мерами невозможно было разрушить вековые устои патриархально-семейного уклада, в интересах скорейшей ликвидации тяжелых пережитков прошлого советское государство, наряду с широкими и разносторонними мерами воспитания, применяло и меры принуждения».[3] Начался насильственный перевод кочевых и полукочевых хозяйств на оседлый образ жизни и их коллективизация. Только в 1932 г. в Бурятии было переведено на оседлость 117 555 хозяйств.[4] Перемены коснулись не только бурят, эвенков, но и тувинцев, хакасов и других коренных народов Восточной Сибири. При этом место оседания вчерашних кочевников выбиралось без учета наличия воды, пашен, близости сенокосения и т.д. Тогда власть не особо заботилась об устойчивости ландшафта к возрастающим антропогенным нагрузкам. Были заброшены многие пастбища, использовавшиеся веками, но оказавшиеся удаленными от центров оседания. В эти же годы проводилось и выселение улусов, хотонов (хуторов), к 1939 г. было выселено 2 273 хозяйства.[5] Признавая величайшие достижения страны, а вместе с ней и коренных народов, нельзя не признать, что этносы были подвергнуты историческому эксперименту, который способствовал утрате связи с традиционным укладом, образом жизни; привел к глубоким изменениям в культуре, которая частично подменялась инородной, частично разрушалась. Духовные сокровища были отчасти отвергнуты, вычеркнуты из национального оборота и сосредоточены в дацанах и музеях.

Война и послевоенный период замедлили, но не остановили духовное и культурное развитие. Бесспорно, идеология проникала во все сферы жизни общества. Накануне войны власть во главе со Сталиным завершает идейную конструкцию, содержащуюся

в документах 1934-1938 гг., где соотношение между классово-интернационалистским началом и державно-патриотическим подходом заметно изменился в пользу последнего. В годы войны великодержавный национализм был поставлен на службу активизации патриотических чувств всех народов СССР.

Явное доминирование державного подхода в идеологической сфере присутствовало в программных записках, которые в 1944-1945 гг. подготовили руководители идеологических и образовательных структур в связи с перспективами послевоенного развития страны. В них подчеркивалась необходимость использования наследия самобытной русской прогрессивной педагогики, внесшей значительный вклад в сокровищницу мировой педагогической мысли.

Власть и Сталин, безусловно, преследовали определенную политическую цель. В русских, как имперском этносе, вождь искал укорененности своего режима, но не только это. Его, очевидно, тревожили, связанные с возможными неблагоприятными для режима и строя перспективы культурно-национального развития нерусских народов. Война вызвала у них новые приливы этнической самооценности, породила надежды на послабления в сфере национальных отношений. Национальное же никак не торопилось соединяться с интернациональным, как этого требовал классовый подход. Следовательно, согласно диалектике режима во главе со Сталиным, требовалось ликвидировать одну из двух противоречивых сторон, приведя национально-культурную сферу к общему, великорусскому знаменателю теперь, а не в коммунистическом завтра.

Эта идея через два-три года в небывалых масштабах захлестнет общество, культуру, науку. А с 1947 г. «холодная война» станет топливом для разжигания новой, подготовленной волны национализма. Одним из ярких ее проявлений станет навязчивое разоблачение так называемого космополитизма, развернувшееся с конца 1948 г. В начале 50-х годов Сталин вновь своеобразно обратился к национальному содержанию в послевоенной идеологии в статье «Относительно марксизма в языкознании». Используя критику идеи академика Н. Марра о «классовости» языка, он представил нацию в качестве наиболее важного фактора современной истории и революционной борьбы. Несмотря на то, что в статье не было ни слова о приоритетности русского языка или об ущемлении прав языка и культуры

народов СССР, последствия для них складывались не лучшим образом. В программах для системы образования уменьшаются часы на изучение родного языка, литературы, а попытки воспрепятствования данным действиям быстро пресекались центром, причем и после смерти вождя.

Время Хрущева принесло не только «оттепель». Идеологическая система в тот период живо реагировала на проявления национальных настроений в среде интеллигенции. Кроме того, Хрущев, увлеченный созданием программы коммунистического строительства, заявил в 1961 г. об отказе «консервирования национальных различий».[6] Это и другие дилетантские высказывания стали сигналом к подавлению всплеска различных проявлений национально-культурной жизни.

Логическим завершением на практике явилась разработка положения в Законе «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране» (1958 г.), по которому объявлялось, что изучение родного языка и обучение детей в школах на родном языке – дело добровольное. Постоянно и особо подчеркивалось, что «овладению в совершенстве местным и русским языком нужно уделить самое серьезное внимание». И вновь противоречие: слова верные, а практические меры были иными. Происходил радикальный пересмотр учебных программ и планов. Национальные школы всех типов переводили на русский язык обучения, сохранив родной язык только как предмет, изучавшийся на добровольной основе.

Наука, осуществляя национальную, языковую политику партии и государства, утверждала, что «в условиях социализма могут происходить частичные процессы добровольного слияния небольших этнических и экстерриториальных национальных групп, вкрапленных в крупные социалистические нации, с этими национальностями. Особенно важным в этом процессе является усвоение сливающимися этнографическим и экстерриториальными национальными группами языка крупной передовой социалистической нации, среди которых эти группы живут». Кроме того, «языковая консолидация» не есть естественный процесс, «сближение и расцвет наций протекают не стихийно, а планомерно... в нашем многонациональном го-

сударстве это осуществляется в процессе единого государственного планирования».[7]

Предпосылкой осуществления национальной языковой политики Советского государства этих лет служило научное изучение процессов «функционального взаимодействия языков народов Сибири». Разработка проблемы началась по инициативе Института истории, филологии и философии СО АН СССР (г. Новосибирск), но первые работы уже публиковались в начале 60-х годов. В основу разработки проблемы легли «данные переписей населения и специальные научные исследования», которые свидетельствовали об «...изменениях в распределении сфер применения языков народов СССР. Отмечалось широкое и постоянно растущее распространение русского языка в качестве средства межнационального общения и повышения уровня культуры...».[8] Научное изучение этих процессов, прежде всего, служило идеологическим целям, «по линии политического воспитания трудящихся», а также позволяло «сделать научно обоснованные выводы о целесообразности применения тех или иных языков в обучении и воспитании подрастающего поколения, в политическом и культурном просвещении трудящихся средствами устной пропаганды, печати, радио, TV и т. п... Они способствовали разработке теоретических проблем современного развития национальных отношений».[9] На основании подобных научно-методических установок были даны рекомендации гуманитарным научным учреждениям обратить внимание «на актуальность социологических исследований проблемы функционального взаимодействия языков народов СССР на этапе коммунистического строительства. Включение проблематики в планы 1967-1970 гг. и создание тематической социолого-лингвистической группы, отвечающей задачам науки, поставленным XXIII съездом КПСС (1966 г.).[10] Ссылки на документы данного высшего форума партии не случайны. Именно на съезде прозвучал властный окрик в ответ на обращение научной и творческой интеллигенции к правительству об опасности возвращения сталинизма после отказа от идей «оттепели». Страна «тихо вползала в «застой»».

В официальных документах этот период определялся как «развитой социализм», основными признаками которого назывались «высокая зрелость производительных сил и производственных от-

ношений, высокая степень планомерности, гармоничности в экономике, ... духовной жизни общества»; кроме того, «развитой социализм означал высшую интенсивность интеграционных процессов общественной жизни, ... возрастание социальной однородности общества; дальнейший расцвет и сближение наций и народностей СССР, интернационализацию их образа жизни...» и т.д.[11] Более того, под влиянием последнего фактора складывалась культурная общность не только отдельных наций (в том числе бурятской, эвенкийской, тувинской, хакасской и т.д.), но и всего советского народа – новой исторической общности людей».[12]

Методологически это определялось «диалектическим процессом развития через расцвет к сближению и сближению на базе расцвета», а это в свою очередь «являлось важнейшей закономерностью прогресса всех национальных культур СССР».[13] Бурятская культура, также как и эвенкийская, тувинская, хакасская и другие, все больше приобретала черты «общесоветской, интернациональной культуры». Это же проявлялось, прежде всего, в «общности идеологии и методов реалистического отражения действительности».[14]

Национальные отношения этого периода характеризовались двумя тенденциями: развитием наций и их сближением, они же распространялись и на национальные культуры. Основой сближения является «широкое и глубокое воздействие русского языка на языки народов СССР» и как следствие этого – «распространение национально-русского двуязычия».[15] Шла помимо естественного влияния русского языка как средства межнационального общения пропаганда протекционистской политики ведущей роли русского языка как составной части общей идеологии интернационализации, слияния и образования новой исторической нации «советский народ».

С позиций унитарного мышления все больше утверждалось мнение о беспроблемности национальных отношений. Теория межнациональных отношений разрабатывалась односторонне, а СССР представлялся только как общество дружбы народов, где быстрыми темпами происходит слияние наций и народностей в единый «советский народ». Такой подход к историческому опыту не соответствовал реалиям того периода, препятствовал объективному анализу проблем развития этносов СССР, способствовал утверждению

догм, исключал возможность альтернатив в развитии общества. Хронологически это связано с подготовкой и празднованием 50-летия СССР (1971-1972 гг.).

Все больше проявлялось противоречие между ожидаемым свободным этнокультурным развитием и жестким контролем со стороны центральных партийных и государственных структур.

Советское общество в целом стояло на пороге глобальных перемен. Запущенный механизм медленно набирал обороты, поэтому партийно-государственный строй уже ничего не мог противопоставить в ближайшей перспективе процессам национального сепаратизма, росту национального самосознания и формированию национальных историографий.

Примечания

1 Наука о культуре и культурная политика / РАО, Гуманит. центр каф. культурологии. – М.: Наука, 1994. – С. 5.

2 НА РБ, ф. 1п, оп. 1, д. 626, л. 155.

3 Очерки истории культуры Бурятии. – Т.2. – Улан-Удэ, Бурят. кн. изд-во, 1974.-С.51.

4 Хышкетуева Л.В. Эколого-экономические проблемы выживания коренных этносов Бурятии//Проблемы традиционной культуры народов Байкальского региона: Материалы междунар.науч.-практ.конф. (2-3 июля 1999г.).- Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999.- С. 184-185.

5 Там же.

6 Дзюба И. Интернационализм или русификация?/ Пер. с укр.- Амстердам, 1970.- с.15-16, 51.

7 Каммари М.Д. Строительство коммунизма и дальнейшее сближение наций в СССР//Вопросы философии.- 1961. – №9. – с.31-32.

8 Рекомендации научно-методического совещания «Проблемы функционального взаимодействия языков народов Сибири» (Новосибирск, 1-2 декабря 1966 г.) // НА РБ, ф. 1п.,оп. 1, д. 7422, л. 94-95.

9 Там же. – л.95.

10 Там же. – л.95.

11 Материалы совещания преподавателей средних специальных учебных заведений (10. 1976) // НА РБ, ф. 1п., оп. 1, д. 8436, л. 12-13.

12 Культура Бурятии в условиях развитого социализма. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1983. – С. 212

13 Там же. – с. 212

14 Там же.- с.213

15 Там же. – с. 13, 16.

Решение продовольственной проблемы в Бурятии в начале XX в.

О.В. Доржиева,
соискатель Института монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН

Начало XX в. в истории Забайкалья и Предбайкалья было переломным в плане социально-экономического развития. Факторами модернизационных процессов стало проникновение торгового капитала в деревни и улусы и развитие сельского предпринимательства. Дореволюционная Бурятия оставалась сугубо аграрным регионом. По состоянию на 1 января 1914 г., сельское население Забайкальской области составляло 85,9 %. Хозяйство бурят было преимущественно животноводческим: забайкальские буряты, составлявшие 28,1 % сельского населения области, владели 51,1 % всего скота; в Иркутской губернии бурятские хозяйства засеивали 18,1 % всех посевов губернии и владели 30 % всего скота[1].

Наиболее предприимчивые зажиточные хозяева образовывали крупные, ориентированные на производство сельхозпродукции, хозяйства. Путем широкого применения наемного труда они сколачивали значительный капитал и вкладывали его в производство: организовывали мясомолочные хозяйства, разводили племенных лошадей, приобретали усовершенствованные сельскохозяйственные орудия и машины, открывали в притрактовых селах и деревнях магазины и лавки, организовывали мелкие промышленные предприятия. Этот процесс происходил одинаково быстро как среди земледельцев, так и в среде скотоводов.

Углублялось социальное расслоение сельского населения, шел процесс образования кулачества и батрачества. По материалам сельскохозяйственной переписи 1917 г. в Забайкальской области 35,2 % хозяйств не имели рабочего скота и коров. В Иркутской губернии каждое четвертое хозяйство не имело никакого скота [2]. Широко использовался наемный труд, аренда земли, купля и продажа сельскохозяйственных продуктов.

Бурятия имела особенности, характерные для национальной окраины: многоукладность экономики, обилие пережитков. Наряду

с ростками капиталистических отношений сохранялись элементы различных экономических укладов – патриархального, феодального, мелкоотварного. В условиях многоукладности экономики сосуществовали разные формы производств: от крестьянских водяных до частных паровых мельниц, от домашних патриархальных маслобоек до маслозаводов.

В годы Первой мировой войны правительственная программа увеличения военных расходов, милитаризация экономики требовали усиления регулирующей роли государства в хозяйственной жизни. Это выразилось в организации централизованного распределения всех сырьевых и топливно-энергетических ресурсов между предприятиями через созданные «особые совещания» по обороне, топливу, продовольствию, по вопросам перевозок.

В мае 1915 г. при Министерстве торговли и промышленности был образован Главный продовольственный комитет. Особое совещание по продовольствию было создано в августе 1915 г., в функции которого входило руководство всем продовольственным делом вне зоны военных действий, закупка через своих уполномоченных продовольственной продукции, реквизиция и конфискация продуктов, их распределение, назначение твердых цен. Низовые продовольственные совещания создавали запасы продовольствия, выявляли излишки и регулировали цены. Ведущие заготовительные органы конкурировали между собой.

В наисложнейших условиях войны свободные рыночные связи были вытеснены системой казенных заказов отечественных предпринимателей на выпуск продукции. Исполнителями растущих военных заказов в регионе были местные предприниматели. Они переориентировались на выпуск необходимой продукции – муки, мяса, кожи, – которая во время войны попала в разряд стратегического сырья.

В этот период усилилась концентрация производства и капитала. Расширение сфер предпринимательской деятельности, необходимость увеличения предприятий и сосредоточение значительных денежных капиталов в одних руках ускорили процесс их объединения. Многим предпринимателям становилось тесно в своем регионе. Тогда были учреждены «Сибирско-Монгольское торгово-промышленное АО» с уставным капиталом в 200 тыс. руб.,

торгово-промышленное товарищество «Братья А., М. и Д. Самсонович» с основным капиталом в миллион рублей, торговые дома «Я.С. Андреровер и сыновья», «Братья Зазовские». Торговые дома были постоянными поставщиками военного ведомства, снабжавшими обмундированием, снаряжением и продовольствием действующую армию.

Перераспределение средств на нужды военной промышленности привело к резкому сокращению производства продуктов для частного сектора. Так, материалы, приведенные Л.В. Кальминой, свидетельствуют о том, что в 1915 г. в Верхнеудинске для крупных мясоторговцев, поставщиков военного ведомства (товариществ «Братья Зазовские», Грифа, Давыдовича), потребителем стала казна, а частный рынок перешел в разряд второстепенных. Других мясоторговцев, способных поставлять продукцию на рынок, попросту не оказалось[3]. Все это произошло в ситуации острой нехватки мясных продуктов.

В динамике выпуска пищевой продукции в годы Первой мировой войны действовали два фактора. С одной стороны, увеличивался спрос на продукты питания для армии, с другой, – под влиянием снижения продуктивности сельского хозяйства и нараставшей разрухи всего народного хозяйства закрывались пищевые предприятия, сокращалось производство продовольственных товаров.

Мобилизация казачества и русского населения на фронт, а также бурят на тыловые работы в прифронтовой полосе отрывали у хозяйств рабочую силу. Реквизиция лошадей, увеличение налогового бремени – все это привело к истощению хозяйства края: к сокращению посевных площадей, поголовья скота, росту дороговизны, свертыванию немногочисленных промышленных предприятий. По данным переписей 1917 и 1920 гг., сокращение скота по четырем западным аймакам БМАО в среднем составляло 15,3 %. В Селенгинском аймаке количество скота к 1922 г. сократилось по сравнению с 1916 г.: лошадей – на 48 %, КРС – на 45 %, мелкого – на 53 % [4].

На плечи трудящихся обрушились тяготы, связанные с мобилизацией на военную службу, поставками продовольствия, фуража. В начале войны буряты-казаки были мобилизованы на фронт, так как не состоявшие в казачьем сословии воинской повинности не несли. Зажиточная верхушка образовала Общебурятское общество по

сбору пожертвований на нужды войны. Пожертвования формально считались добровольными, но фактически носили принудительный характер. На население Бурятии тяжелым бременем ложилась реквизиция скота и поставки его на нужды фронта.

В это время наблюдалось массовое переселение коренного населения Забайкальской области в Монголию и Китай с огромным количеством скота.

Увеличение выпуска бумажных денег в годы войны, их обеспечение закрепили повышение цен на продукты питания и, прежде всего, на хлеб. Это не только усилило фактический спрос на хлеб, но и породило равнодушие у производителя к его продаже. В связи с ростом дороговизны, сокращением товарной массы уменьшился товарооборот, закрывались магазины и лавки. В городах была введена карточная система на все предметы первой необходимости, в деревнях – на хлопчатобумажные ткани и чай.

Война привела к расстройству финансовой системы страны, а приносившие большие доходы казне отрасли пищевой промышленности резко сокращали производство. На съезде кооперативов, состоявшемся в июне 1922 г. был учрежден Областной союз кооперативов БМАО, в который вошли 55 потребительских обществ со 123 распределительными пунктами, обслуживавшими 155 094 чел. кооперированного населения. В плане заготовок продуктов и сырья на 1922 г., предусмотренном Иркутским губернским союзом, на бурятские кооперативы приходилось: 23,7 % общегубернской заготовки по хлебофуражу, 61 % – по мясу и т. д. [5]

Большевистская партия во главе с В.И. Лениным выдвинула свою программу выхода из экономического кризиса, которая включала национализацию всей земли в стране при конфискации помещичьих земель и передаче ее крестьянским комитетам для уравнительного распределения, национализацию банковского дела под контролем Советов, установление рабочего контроля за производством и распределением продуктов через фабричные и заводские комитеты, налаживание регулярного товарообмена между городом и деревней на основе потребительско-снабженческих кооперативов.

В октябре 1917 г. с установлением Советской власти в экономической системе российского общества началась перестройка в соответствии с радикальным подходом к собственности и способам

хозяйствования. В начале 1918 г. стал реализовываться принятый съездом Советов «Декрет о земле», по которому крестьянство получило в бесплатное пользование более 150 млн. десятин помещичьей земли, национализированной государством. Был национализирован Государственный банк, аннулированы акции частных банков, займы царского и Временного правительств.

Высший Совет народного хозяйства (ВСНХ) возглавил управление экономикой страны, объединивший деятельность местных регулирующих органов – областных, губернских уездных совнархозов на принципах демократического централизма. На правах конфискации, реквизиции и принудительного объединения различных отраслей промышленности и транспорта, ВСНХ подготовил переход от рабочего контроля к национализации крупной промышленности, которая была осуществлена в течение 1918 г.

ВСНХ по отраслевому принципу был разделен на главные комитеты и центральные управления – главки и центры. Например, пищевой отдел ВСНХ объединял отраслевые главки: «Главмука», «Главкондитер», «Главмолоко», «Главчай». Главки и центры стали непосредственно управлять производственной деятельностью, снабжением и сбытом, финансами предприятий. Эта система управления промышленности, получившая название «главизм», позволила и рационально распределять ресурсы через Центр.

На основе Декрета ВЦИК «О национализации» ЦИК БМАССР была произведена национализация ряда частных промышленных предприятий (пивоваренного и мукомольного заводов в Верхнеудинске, паровой мукомольной мельницы в с. Хонхолой). Все национализированные предприятия после снабжения их сырьем и топливом, были пущены в ход. В результате этих мероприятий число действующих государственных предприятий увеличилось к октябрю 1924 г. до 13, основной капитал которых составил 1 010 468 руб. 71 коп., а оборотный – 341 197 руб. 92 коп. На них работали 770 рабочих и 112 служащих [6]. На Николаевском винокуренном заводе работало 75 рабочих, 22 служащих [7].

К моменту организации Бурнаркомпромторга, число действующих промышленных предприятий, не считая кустарных, было 30, из них: государственных – 6, кооперативных – 8 и частных – 16. Из предприятий кооперативной промышленности действовали:

Чикойский кожзавод, Верхне-Удинский винокуренный завод, Киранский сользавод, пивоваренный завод, Кутуликская мельница и др. [8] Частносопственническая промышленность на территории Буреспублики ограничивалась рядом мелких кустарных предприятий: мыловаренный завод в Верхнеудинске (7 рабочих), конфетно-шоколадная фабрика (5 рабочих и 2 служащих).

На 20 наиболее заметных предприятиях государственной, кооперативной и частной промышленности работало всего около 1 тыс. рабочих, а сумма их производства исчислялась в 2,3 млн. золотых руб., в том числе на государственную промышленность приходилось 90 %, кооперативную – 7 % и частную – 3 %. Все эти предприятия были полукустарными.

С началом Гражданской войны и военной интервенции в стране проводилась политика «военного коммунизма». Экстремальная обстановка при Советской власти оказалась удобной почвой для реализации радикального подхода к марксистским идеям об организации коммунистического хозяйства без товарно-денежных регуляторов на основе натурального продуктообмена. Учитывая общинно-коллективистские традиции страны, правительство взяло линию на объединение всех граждан в общегосударственный потребительский кооператив. Был выработан ряд чрезвычайных социально-экономических мер. Во-первых, национализировалась мелкая и средняя промышленность (крупная – обобществлена). В условиях скудности материальных ресурсов требовалось централизованное распределение сырья и готовой продукции. Поэтому национализировались все предприятия, насчитывающие 5 рабочих при наличии механического двигателя или свыше 10 рабочих при отсутствии двигателя.

Во-вторых, ужесточалась продовольственная политика. В условиях хозяйственной разрухи Советская власть не располагала промышленными товарами, которые можно было обменять на сельскохозяйственную продукцию. Поэтому в мае 1918 г. была провозглашена неизбежность хлебной монополии. Народный комиссариат продовольствия предписывал продовольственным органам произвести учет хлеба, сдать излишки после определения нормативных остатков хлеба у его владельцев. Оставляли хлеб по прежним нормам, то есть установленным еще царским и Временным правитель-

ствами. Для большей эффективности заготовок губернские продовольственные органы привлекали к сбору, хранению, перевозке и переработке зерна кроме кооперативных организаций также мукомольные, хлеботорговые организации, отдельные фирмы. Для оплаты поступающего хлеба использовались капиталы хлеботорговцев, мукомольных фирм.

Введенная советской властью Декретом СНК от 11 января 1919 г. продовольственная разверстка стала основной причиной деградации аграрного сектора. Наркомат продовольствия распределял между губерниями подлежащее заготовке количество хлеба в соответствии с уровнем урожая, запасами и нормами потребления.

В-третьих, повсеместно вводилась уравнительная натуроплата труда рабочих и служащих, что значительно сокращало сферу денежного обращения, рыночных отношений. Торговля как таковая заменялась плановым распределением продуктов в общегосударственном масштабе через потребительскую кооперацию.

В это время происходил быстрый процесс обесценивания денег. Дефицит госбюджета покрывался за счет эмиссии бумажных купюр. В результате натурализации хозяйства денежные функции стали выполнять дефицитные товары: прежде всего хлеб и соль. Острая нехватка соли была связана с тем, что основные солепромыслы страны были заняты интервентами или находились на территории, охваченной гражданской войной. Поэтому вся добыча соли концентрировалась в руках государства, так как централизованное снабжение ею деревни давало значительные результаты при проведении хлебозаготовок.

Государство стало строго определять порядок хлебопечения из-за острой нехватки резервов зерна и муки. В сложных условиях войны были определены мероприятия по обеспечению сырьем свекло-сахарной, спиртовой, крахмалопаточной, масляной и лекарственной промышленности. За заводами этих отраслей закреплялись ближайшие совхозы, которые должны были поставлять необходимое количество соответствующего сырья. Однако улучшения в работе не было. Тем не менее, изготовление продуктов питания выходило на новый количественный и качественный уровень. Возрос выпуск традиционных продуктов и вместе с тем появились новые продукты питания. Стали формироваться пищевые отрасли, становившиеся

важной частью экономики региона. Различные социальные слои втягивались в сферу пищевого производства, она становилась предметом государственного внимания. Создавались предпосылки для перехода к промышленному изготовлению продуктов питания в широких масштабах.

Если говорить о России в целом, то к началу XX в. в стране сложилась пищевая промышленность, имевшая ряд важнейших отраслей. Российская пищевая продукция вышла на мировой рынок. Эвентуальные возможности развития пищевой промышленности были не в полной мере реализованы в силу социально-экономических причин. Остро стоял вопрос о механизации пищевой промышленности. Требовалось создание и освоение современных технологических процессов. В модернизации нуждались целые отрасли пищевых производств, а также большинство средних и мелких предприятий. Существовали проблемы, требовавшие грамотного и быстрого решения, связанные с экспортным направлением пищевой промышленности.

Примечание

1. Бурят-Монгольская автономная область (Экономическое и статистическое исследование). Отчет Совету труда и обороны на 1 окт. 1922 г. – Иркутск. 1922. – С. 54.

2. Бурят-Монгольская автономная область (Экономическое и статистическое исследование). Отчет Совету труда и обороны на 1 окт. 1922 г. – Иркутск. 1922. – С. 59.

3. Кальмина Л.В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. – февраль 1917 г.). – Улан-Удэ: Изд.- полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2003. – С. 165.

4. Селенгинский аймак. Стат.-экон. сб. – Иркутск, 1923. – С. 66.

5. Бурят-Монгольская Автономная область (экономические и статистические исследования). Отчет Совету труда и обороны на 1 окт. 1922 г. – Иркутск, 1922. – С. 121.

6. ГАРБ. Ф. 248. Оп. 1. Д. 234. Л. 72.

7. Там же. Л. 73.

8. Бурят-Монгольская Автономная Социалистическая Советская Республика. Очерки и отчеты. 1923-1924. – Верхнеудинск. 1925. – С. 175.

Проблемы формирования Верхнеудинских казачьих полков и их участия в Русско-японской войне 1904-1905 гг.

А.Ю. Леонов
соискатель кафедры истории Отечества
ФГБОУ ВПО «Бурятский госуниверситет»

Самое активное участие Забайкальские казаки приняли в русско-японской войне 1904-1905 гг. Одним из наиболее отличившихся в этой войне казачьих подразделений были 1 и 2 Верхнеудинские казачьи полки.

Цель настоящей статьи заключается в изучении истории формирования, комплектования и составе Забайкальских казачьих полков, роли казаков 1 и 2 Верхнеудинских полков при проведении военных операций периода русско-японской войны 1904-1905 гг. Важной является проблема послевоенной реабилитации казаков – участников войны и оценка качества подготовки казачьих подразделений к боевым действиям.

Историографию исследования забайкальского казачества можно разделить на три крупных этапа: дореволюционный, советского периода, постсоветского периода.

К дореволюционным источникам относятся разные «общие обзоры по войскам», положения и постановления по казачьим войскам, справочная литература (содержащая сведения по статистике, экономике и т.д.). В 1810 г. Б.Н. Башкаревич написал «Статистическое обозрение Сибири», где содержался очерк о сибирских казаках, их обязанностях и образе хозяйственной деятельности. П.А. Словцев написал «Историческое обозрение Сибири», которое стало первым обобщающим исследованием края, где было показано состояние сибирской пограничной линии, представлены сведения о самой пограничной страже казаков. Впервые в этом труде приводились сведения о предыстории бурятского казачества. Исследование П.И. Небольсина «Заметки на пути из Петербурга в Барнаул» (изданное в 1850 г.) рассматривало широкий круг вопросов связанных с организацией, управлением, служебными функциями и государственным обеспечением казаков. В конце XIX в. появились новые исследования каза-

чества региона, авторами работ стали Ф.Ф. Буссе и Н.И. Эпов. Эти исследования были проведены с использованием документов архива Военного министерства. В 1890 г. был опубликован 11 том юбилейного издания «Столетие Военного министерства», в нем подробно рассказывалось об экономическом положении казаков, особенно «инородческих».

Самым значительным достижением дореволюционной историографии, по изучению вопроса регионального казачества, стал труд А.П. Васильева «Забайкальские казаки». Источниками работы стали архивные материалы, опубликованные документы, которые были впервые введены в научный оборот. Особое место в изучении вопроса военной истории казачества, занимают мемуары в газетах и журналах 1904-1905 гг. В 1910 г. была опубликована книга В.А. Апушкина «Русско-Японская война 1904-1905 гг.» [1.С.1], где подробно описывается ход боевых действий и участие в них забайкальских казаков. В 1911 г. граф С.Ю. Витте опубликовал «Вынужденные разъяснения по поводу отчета генерал-адмирала Куропаткина о войне с Японией», где наряду с общей оценкой самой войны рассматривал роль в ней казаков, как активного рода войск.

Советская историография, в условиях глубокого переустройства общества, занималась изучением истории казачества при переоценке ряда исторических проблем. Г.Ц. Цыбиков в труде «Забайкальское бурятское казачье войско» предпринял попытку определения социальной сущности бурятского казачества, анализировал процесс классового расслоения казачества [2.С.4]. В 1954 г. вышла двухтомная «История Бурят-Монгольской АССР», где давались общие сведения о Забайкальском казачьем войске. В конце 50-х гг. XX в. издается «История Сибири», где дается оценка роли казачества в освоении новых земель, защите восточных границ государства. В 1980-е гг. в научной печати ведется дискуссия о самой природе казачества. О.И. Сергеев в работе «Казачество на русском Дальнем Востоке в XVII-XIX вв.», опубликованной в 1983 г., рассматривал вопросы, которые были связаны с организационной структурой казачьего войска, его служебных обязанностей, процесса создания войска. Автор предложил идею социальной эволюции казачества.

Вопросы, изучающие военную историю казачества и его участия в русско-японской войне, поднимались: в опубликованных дневни-

ках А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевича о русско-японской войне 1904-1905 гг. [3.С.4], Л.Г. Бескровного «Русское военное искусство», «История русско-японской войны 1904-1905 гг.» под редакцией И.И. Ростунова, Л.Г. Бескровного «Армия и флот России в начале XX в.»

При изучении истории казачества в советский период, были достигнуты серьёзные успехи. Ученые рассмотрели вопросы социального, экономического и военного развития местного казачества, классового расслоения сословия и его участия в политических процессах страны.

Новый этап изучения истории казачества начался в постсоветский период начала 90-х гг. XX в. Начинают выходить в печати, переизданные справочники, дневники царских генералов (А.А. Гордеев, А.И. Деникин [4.С.112]), появляются новые монографические исследования по истории Российского казачества и отдельных регионов. А.С. Зуев опубликовал свой труд «Русское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII – первой половине XIX вв.», Н.Н. Смирнов написал книгу «Слово о забайкальских казаках», О.И. Агафонов опубликовал свою работу «Казачьи войска Российской империи», Е.А. Высотина «Казачество Бурятии в прошлом и настоящем» [5.С.12-18] (Улан-Удэ, издательство Бурятского государственного университета. 2007 г.). А.С. Зуев отметил особое место казачества между привилегированными и не привилегированными слоями населения, показал как казачество превращалось в военно-полицейский институт власти. Н.Н. Смирнов представил широкую панораму истории жизни и деятельности забайкальских казаков, их быт и традиции; предоставил экскурс в саму историю освоения Сибири и Дальнего Востока России. Е.А. Высотина исследовала происхождение и сущность казачества, основные этапы становления и развития Бурятского, Забайкальского казачества.

В мае 1888 г. деление Забайкальского казачьего войска на конные и пешие отряды было отменено. С 1890 г. было введено комплектование пеших и конных частей всем казачьим войскам. Последнее нововведение облегчило жизнь беднейшего казачества, так как часть расходов на снаряжение конного казака перекладывается на зажиточных пеших. Равномерно распределяется воинская повинность среди «годных к службе».

21 июня 1891 г. было утверждено положение о пеших батальонах Забайкальского казачьего войска. В декабре 1896 г. пешие батальоны были преобразованы в конные полки. С 1897 г. полки Забайкальского казачьего войска переименованы: первый полк (ранее Забайкальский городской казачий полк и Верхнеудинские станичные казаки) переименован в 1-ый Верхнеудинский Забайкальский казачий полк; второй (пограничные русские казаки) в 1-ый Читинский Забайкальский казачий полк. Позже эти полки стали просто именоваться 1-ый Верхнеудинский и 1-ый Читинский казачьи полки [6.С.99] В 1898 г. после образования 4-го отдела, из отдельных сотен Читинского полка и из трех вновь образованных сотен формируется 1-ый Нерчинский полк Забайкальского казачьего войска. В январе 1900 г. формируется 1-ый Аргунский полк Забайкальского казачьего войска. Наибольший срок мобилизации был 24 дня, все призывное население Забайкалья насчитывало 25 000 чел. [7.С.77] первоочередными, в случае мобилизации, казачьими полками были 1-ый Верхнеудинский, 1-ый Читинский и 1-ый Аргунский. На «льготе» (второочередными) считались 2-ой Верхнеудинский, 3-ий Верхнеудинский, 2-ой Читинский. Принципы призыва действовали и при мобилизации на русско-японскую войну 1904-1905 гг.

К началу войны имелось 4 казачьих полка (6 сотенного состава), 2-6ти орудийные батареи Забайкальского казачьего войска (1-ая и 2-ая), 3-сотенный Уссурийский казачий полк Амурского казачьего войска, 2-сотенный Уссурийский казачий дивизион Уссурийского казачьего войска.

Война началась в ночь на 27 января 1904 г. нападением японских миноносцев на русские корабли в Порт-Артуре. 28 января вышел указ о приведении в военное положение войск Сибирского военного округа, 9 февраля – Забайкальской области. В этот же день высочайшим приказом было объявлено о создании Маньчжурской армии. К 5 марта 1904 г. развертывание Маньчжурской армии было завершено. 1-ый Верхнеудинский казачий полк попал в Отдельную Забайкальскую казачью бригаду под командованием П.И. Мищенко. 2-ой Верхнеудинский казачий полк вошел в состав Забайкальской казачьей дивизии под командованием П.К. Ранненкампа и составлял часть общего резерва, находящегося под городом Лаоян. В Порт-Артур была направлена 4-ая сотня 1-го Верхнеудинского казачьего

полка, под командование генерал-лейтенанта А.М. Стесселя. С 27 января до 30 января 1-ый Верхнеудинский казачий полк охранял побережье бухты Талиенван на границе с Кореей, с 30 января полк выступил в направлении Дагушаня для поиска противника. 1-ым Верхнеудинским казачьим полком командовал полковник Мациевский. 8 февраля казаками 5 сотни был занят город Ыйесу, где захвачено 6 японцев и 3 японки которые занимались наблюдением за русскими войсками. 12 февраля казаки Мищенко двинулись к Пеньяну (Пхеньяну) в Корею. У древней столицы Кореи русские казаки встретились с японским десантом [8.С.49]. Сообщению Мищенко о высадке японских войск армии Куроки в штабе русской армии не поверили. Казачья конница, в результате нескольких боев, была вытеснена из Кореи.

6 мая 1904 г. казаки 1 Верхнеудинского полка с успехом отразили атаку японской пехоты, выручив 4 сотни Читинского казачьего полка у деревни Сюян. Чаще всего казаков использовались для разведки противника и дозорной службы. Наиболее применяемым видом разведки на местности, населенных пунктов, у забайкальских казаков было развертывание и атака лавой. В русско-японской войне сторожевое охранение противника было плотным, преодолеть его было сложно, что приводило к большим потерям. Для разведки в тылу врага приходилось спешиваться, в результате задержек разведчиков данные устаревали, не смотря на личное мужество и героизм казаков.

26 мая казаки 1-го Верхнеудинского полка, 2-ая и 3-я сотни сражались с врагом за Тахулинский перевал, японская атака была отражена. Бой был настолько напряженным, что в 1-ой сотне в строю, кроме коневодов, осталось 8 человек; во 2-ой – 12 человек. Попытка японских войск прорваться к Порт-Артуру не удалась, в бою у Вафангоу забайкальские казаки участия не принимали.

С 10 июля развернулись упорные бои под Дашичао, в которых отличилась 5-ая сотня 1 Верхнеудинского полка, прикрывавшая 1-ую Забайкальскую казачью батарею. Казаки вырыли окопы перед артиллерийской батареей и отражали штурмы японской пехоты [9.С.246]. На помощь поспешили стрелки Барнаульского полка, но потеряв около 400 чел. убитыми и ранеными отошли.

Генерал Мищенко бросил в атаку, на помощь стрелкам, 2-ую сотню 1-го Верхнеудинского полка. Казаки начинают выносить раненых, урядник 2-ой сотни Черепанов, под сильным огнем, на своих плечах вынес из боя командира стрелкового батальона. Сибиряки выстояли, но начавшееся отступление русских войск заставило их отступить с Далянского перевала. Командир 2-ой сотни 1-го Верхнеудинского полка Ретерфен напишет после войны, что казаки, во время отступления, собрали две арбы брошенного имущества.

Призванные на войну со «льготы», казаки привыкли к военным будням и получили необходимый опыт. 18 июля 1904 г. японская армия Куроки атаковала восточный отряд. Русское командование поручило казакам спешиться и вести «упорную оборону». Под Лаояном генерал Куропаткин планировал дать «генеральный бой» японской армии и укреплял оборону. К тому времени по оценки военных историков, – «...положение генерала Куропаткина стало ужасным. Оно могло бы быть лучше, если бы своевременно прибывали укрепления по Транссибирской магистрали. Со времени сражения при Ялу он потерял 30 000 человек убитыми и ранеными» [10.С.91]. Видя переправляющего врага, генерал Любавин имея в своем распоряжении 17 сотен казаков и артиллерию, не помешал противнику. Контрудара, по переправившимся и пока слабым частям 1 японской армии так и не было нанесено. Куропаткин отдает приказ о начале отступления к Лаояну. 19 августа русские войска покинули и этот китайский город. За бой под Лаояном после войны в 1906 г. серебряными медалями были награждены 4 казака 2-го Верхнеудинского полка: старший урядник Георгий Иннокентьевич Путинцев, старший урядник Федор Андреевич Токарев, старший урядник Роман Дружинин, младший урядник Александр Вавилович Еремеев. 58 казаков 1-го и 2-го Верхнеудинских полков были награждены «светлобронзовой с бантами» медалью, 35 – «темнобронзовой» медалью. [11.Л.2] Осенью, в октябре 1904 г. в Забайкалье собирают теплую одежду и отправляют в казачьи полки [12.Л.3]. После неудачных боев с японцами под городом Шахэ в сентябре 1904 г. на военном совете обороны Порт-Артура, большинство офицеров высказалось за продолжение борьбы. Впервые японские войска были обнаружены у Квантунских берегов 22 апреля 1904 г. казаками 4 сотни 1-го Верхнеудинского полка, 2 мая казаки донесли командованию о занятии противником северных вы-

сот, окружающих Кинчжоунскую долину. Во время 4 штурма крепости казаки участвовали в боях за гору Высокая. 20 декабря 1904 г. после многочисленных и кровопролитных боев генералы Стессель и Фок, полковник Рейс сдали крепость японцам. Вместе с крепостью противнику досталось: 610 орудий разного калибра, 207 855 снарядов, 9 тяжелых пулеметов, 4 500 000 винтовочных патронов, 32 400 солдат и моряков (5 809 раненых и больных). Кроме всего прочего японские трофеи составили: 434 т муки, 775 т сухарей, 46 т сахара, 671 железнодорожный вагон [13.С.323] С такими запасами крепость могла бы еще полтора месяца активными боями сковывать 100 тысячную армию генерала Ноги и существенно облегчить положение русских армий генерала Куропаткина.

Из попавших в плен казаков 4 сотни 1-го Верхнеудинского полка некоторые пытались бежать, удивляя своим патриотизмом японцев; это казак Михаил Измайлов, хорунжий В.И.Носонов, казак Фирсов [14.С.194] В 1906 г. 118 казаков Верхнеудинской станицы получили медали за воинскую службу, отдельно три человека – серебряные за оборону Порт-Артура: Леонтий Прокопьев, Алексей Вавилович Загузин, Павел Михайлович Краснопеев [15.Л.3].

После окончания русско-японской войны в Забайкалье появилось большое количество раненных и увечных, которые нуждались в дальнейшем лечении. Специально созданный «Александровский комитет о раненых» начинает проводить реабилитацию военных с 1906 г. Первое управление казачьего войска 14 сентября 1906 г. рассылает предписание станичным атаманам Забайкалья с требованием собрать сведения о раненых и увечных [16.ЛЛ.1-4]. За время 18 июля с 1905 г. по 28 декабря 1906 г. государство «в следствие ходатайств воинской администрации» отпустило, через станичный попечительский совет материальную помощь семьям призванных из Забайкалья казаков в размере 50 000 тыс. руб. [17.Л.1] Ранее, офицерами 1 Военного управления Забайкальского казачьего войска города Троицкосавска (Кяхта) в июне 1905 г. в пользу пострадавших казаков было собрано 600 руб. В ноябре 1905 г. материальную помощь получили 49 казачьих семей, в декабре 1905 г. – 47 семей [18.Л.148].

Таким образом, государство и общество стремилось оказать финансовую и социальную помощь ветеранам русско-японской войны. 1 и 2 Верхнеудинские казачьи полки комплектовались мобилизован-

ными из 18 станиц: Киранской, Кударинской, Мурочинской, Шерагольской, Усть-Урлукской. Мензинской, Цаган-Усунской, Босинской, Желтуринской, Гигетуйской, Атамано-Николаевской, Цакирской, Харьковской, Боргойской, Селенгинской, Янгажинской, Верхнеудинской, Аракиретской [19.Л.4]. За время войны казаки показали себя с самой лучшей стороны, зарекомендовали неприхотливыми и надежными воинами.

Вместе с тем русско-японская война выявила общие ошибки русского командования в военной подготовке, в частности, неверное тактическое использование казачьей кавалерии приводило к большим потерям. Плохое материальное обеспечение войск сказалось на качестве военных действий и разведки (отсутствие карт и неумение ими пользоваться, отсутствие компасов, биноклей и т.д.). К большим потерям, среди действующих частей, приводило отсутствие горной артиллерии и незнание местности. Эти и другие причины, в целом, привели Россию к поражению в войне с Японией. Настоящее исследование актуально анализом историографии проблемы, введением в научный оборот нового архивного материала. Результаты исследования могут найти применение, как в научной работе, так и при составлении образовательных программ общеобразовательных учреждений.

Примечания

1. Апушкин В.А. Русско-японская война 1904-1905 гг.-М.: Русская быль,1910.- С.1.
2. Цыбиков Г.Ц. Забайкальское бурятское казачье войско. //Жизнь Бурятии, Вып. 27. Верхнеудинск, 1925.- С.4.
3. Куропаткин А.Н., Линевиц В.П. Дневники русско-японской войны. -Л.: Гос.изд-во.Центрархив,1925.-С.4.
4. Деникин А.И. Старая армия. Офицеры. – М.: Айрис-Пресс,2006.- С.112.
5. Высотина Е.А. Казачество Бурятии в прошлом и настоящем. – Улан-Удэ.:Изд-во БГУ,2007.- С.12-18.
6. Высотина Е.А. Указ.соч..- С.99.
7. Смирнов Н.Н. Слово о Забайкальских казаках. -Волгоград.: Комитет по печати,1994. – С.77.
8. Мартин К. Русско-японская война 1904-1905 гг. – М.: Центрполиграф, 2003.- С.49.
9. Смирнов Н.Н. Указ.соч..- С.246.

10. Мартин К. Указ.соч.- С.91.
11. Государственный Архив Республики Бурятия. Ф. 116. Оп. 1. Д. 669. Л. 2.
12. ГАРБ. Ф.85 (116). Оп. 1. Д.598. Л. № 3.
13. Дискант В.Ю. Порт-Артур, 1904 . – М.: Изд-во АСТ, 2003 . – С.323.
14. Смирнов Н.Н. Указ.соч.- С.194
15. ГАРБ. Ф. 116. Оп. 1. Д.669. Л.3.
16. ГАРБ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 668. ЛЛ. 1-4.
17. ГАРБ. Ф.85. Оп.1. Д. 630. Л.1.
18. ГАРБ. Ф. 116. Оп.1. Д.630. Л.148.
19. ГАРБ. Ф.116. Оп. 1. Д.630. Л.4.

Прибайкальские поселения в доколхозный период

Н.Г. Малеев
соискатель кафедры истории Бурятии
ФГБОУ ВПО «Бурятский госуниверситет»

В первые годы советской власти внутри сельской общины началось постепенное перераспределение угодий в пользу бедняков. Продовольственная проблема, стоявшая перед советской властью, еще более обострилась в годы гражданской войны.

Декретом от 11 января 1919 г. была введена продрозверстка. Ревкомы, комитеты бедноты, продотряды должны были оставлять крестьянской семье 12 пудов зерна на едока, 18 пудов – на лошадь, 9 пудов – на корову и 10% – на семена и прочие хозяйственные нужды [1]. В 1920 г. ЦК РКП(б) писал всем губернским комитетам партии: «Разверстка, данная на волость, уже сама по себе является определением излишков» [2]. Иными словами «излишки» – это то, что надо взять по заданию на ту или иную волость. Если богатые не могли выполнить задание, приходилось брать у середняка, а если середняк не вытягивал, то брали у бедняка.

Бойцы продотрядов шли с установкой, что город голодает, а в деревне есть хлеб. Не каждый командир продотряда мог провести грань между бедняком, середняком и кулаком. В Белоруссии крестьянин, имевший лошадь и корову, считался крепким середняком, а

в Сибири – бедняком. Некоторые коммунисты придерживались методов Л.Д. Троцкого, в условиях «красного террора» расстреливали заложников (каждого десятого – «в распыл»). Так крестьян деревни Шубиной Идинской волости С. Шубина, И. Шубина, А. Шубину за попытку скрыть хлеб отдали под суд волостной ЧК и расстреляли [3]. Пункт хранения крестьянского зерна на случай неурожая, болезни кормильца, расположенный на окраине южной части села Верхнеострожного (Каменка) опустел.

Продовольственные отряды А. Балышева и Боченкова находили спрятанный хлеб и, нарушая Декрет ВЦИК от 9 мая 1918 г., расстреливали хозяина. Зерно, изъятое у населения продотрядами Бочёнкова, Балышева, ссыпали в амбары владельца первой мельницы Сысоева, стоявшей на берегу Ангары. В то же время хлеб и предметы первой необходимости, сельскохозяйственный инвентарь беднота получала со скидкой 50, 25, 15% с установленных цен в зависимости от сроков изъятия [4]. Так происходило перераспределение собственности: от богатых к бедным.

Произвол властей привел в сентябре 1920 г. к мятежу в Каменке. Крестьяне с соседних заимок собрались у здания ревкома и конторы хлебоприемного пункта и стали требовать провести собрание. Партийные работники на катере бежали на левый берег Ангары к селу Бейтоново, оттуда в Черемхово. Тем временем некоторые сельчане во главе с С.Д. Хороших, бывшим офицером, попытались организовать отряд. Однако большинство крестьян ушли из села.

Для восстановления порядка из Иркутска прибыл пароход с красноармейцами, представителями советской власти. Прибывшие не успели выйти на берег, как активные мятежники ушли в тайгу. Оставшиеся сельчане сказали, что советская власть им нужна, а коммунисты нет [5].

Недовольные советской властью стали объединяться в отряды. Так, в Нижнеудинском уезде сформировался отряд под командованием капитана М.В. Зарековского, в Киренском уезде – Иванова-Спиридонова [6]. В Идинской волости в октябре 1920 г. начинает свои действия отряд утнер-офицера царской армии Д.П. Донского. С ними боролись отряды ЧОНа и 5 армии, а также местные жители.

10-11 октября 1920 г. в с. Евсеево выступили крестьяне под лозунгом «Долой продразверстку! Долой мобилизацию!», мятеж возглавил Д.П. Донской. Были убиты военный комиссар Евсеевской волости Мантулов и командир продотряда, зверски избиты председатель Евсеевского ревкома К.А. Непокрытых и другие местные коммунисты. Прервана связь с Каменкой, Боханом, Балаганском. Все мужское население от 17 до 50 лет было поставлено под ружье. Мятежники взяли на вооружение церковную пушку. Силами отряда интернационалистов и черемховских рабочих мятеж был подавлен, но лидеры мятежа успели спастись. Так образовалась мятежная группа крестьян недовольных новой властью под командованием Д.П. Донского [7].

В декабре 1920 г. состоялись многочисленные судебные процессы в Черемхово, Балаганске. На них выяснилось, что вдохновителями мятежей были тайные эсеровские центры Иркутска, Усолья-Сибирского. Мятежи тщательно готовились: каменские оппозиционеры на заимке Лебедевской обсуждали свои замыслы. Еще до суда были казнены по решению бюро волостной ЧК бывший офицер П. Сысоев и семнадцатилетний сын кулака П. Храпцов – связные каменских мятежников с центром.

Тяжелое положение в стране с продовольствием требовало принятия новых мер. Нэп обеспечила восстановление сельскохозяйственного производства, поскольку «...Рыночные отношения были не только наиболее распространенным, но и наиболее понятным и приемлемым для крестьянина – мелкого собственника видом экономических связей» [8]. Учитывая истощенность мелкого крестьянского хозяйства, большие потери рабочего скота, крайнюю степень зависимости от колебаний природных условий, этот процесс не мог быть таким быстрым и повсеместным, каким хотела его видеть государственная власть [9].

Одним из инструментов реализации нэп стала кооперация. Наиболее активно действовала потребительская кооперация, поскольку перед ней ставилась задача вытеснения частного капитала из розничного товарооборота.

Для подъема сельского хозяйства создавалась сельскохозяйственно-кредитная кооперация. Через «Кредитное Товарищество» государство стремилось поднять сельское хозяйство,

повысить культуру земледелия. В него принимали всех, не считаясь с имущественным положением, вносящих пай деньгами, зерном, товарами, драгоценностями. Каменское «Кредитное товарищество» насчитывало более 1200 пайщиков не только местных жителей, вносили пай крестьяне из Бохана, Осы, Бильчира. Государство давало в основной капитал ссуду на 20-30 лет [10]. Кроме паевых взносов были целевые на приобретение плуга, сеялки, лошади и т.д. «Кредитное общество» брало вклады деньгами у населения под 8-10%. Государство давало «Кредитному товариществу» в виде ссуды с частичной оплатой сельхозмашины и запасные части к ним. «Кредитное товарищество» работало как кредитная, торгующая и как сберегательная организация. В 1925 г. организация создала агрономический кружок, стремилась, чтобы засеивались более плодородные зерновые культуры, травы [11]. Летом 1925 г. в Каменке впервые появились помидоры, многим жителям они не понравились.

В сельских поселениях формировались новые органы управления (кроме советов и партячеек), непосредственно связанные с сельскохозяйственным производством. На основе «Положения о группах бедноты» создавались Группа бедноты, в т.ч. и в Каменке. Составлялись списки бедноты, каждая кандидатура обсуждалась на партийном собрании. Принималось во внимание имущественное состояние, трудовая деятельность: работал ли в своем хозяйстве, батрачил постоянно или сезонно. Беднякам оказывали помощь: снабжали семенами, давали лошадей, льготную ссуду на приобретение сельхозинвентаря, одежду, чаще всего для детей.

Желающие жители подавали заявление для вступления в «Крестком» – комитет крестьянской взаимопомощи. В 1930-х гг. председателем «Кресткома» с. Каменка был Ф. Гордеев. Вступающий в Крестком вносил пай зерном. Зерно обменивали через кредитное товарищество или заготовительную контору: создавался семенной фонд, из которого давалась семенная ссуда. Комсомольцы следили, чтобы семена были использованы на посев, а не на пропитание.

Общее собрание жителей Идинского сельского совета приняло решение: внести небольшую сумму в фонд кресткома. Когда сдавался продналог, взималось и эта сумма. За несколько лет «Крестком» создал значительный фонд и давал семенные ссуды за небольшой процент всем нуждающимся.

Государство, стремясь поднять земледелие, ввело в обиход звание «Культурный хозяин», которые своим примером должны были показать другим, как надо вести хозяйство. Такие хозяйства ставились на учет, им давали ссуды на улучшение семян, на покупку лучших пород скота, птицы, на постройку теплых дворов, льготы по налогам. Достижения таких хозяйств отмечались грамотами, премиями на сельскохозяйственных выставках. В годы сплошной коллективизации большинство из них были признаны эксплуататорскими, хозяева были высланы в Мамырь, некоторые в Черемхово – добывать уголь.

Крестьяне Сибири были обеспечены землей лучше, чем в европейской России. В середине 1920-х гг. на одно хозяйство приходилось в среднем 43,91 дес. всей и 34,14 дес. удобной земли [12]. Большая часть земли находилась в общинном пользовании. Крестьяне веками жили единолично, быстро изменить хозяйственно-бытовой уклад было сложно. Социалистические идеи были непонятны крестьянам. Убедить крестьян перейти на коллективное ведение хозяйства могла только сила примера и материальная выгода.

В Каменке первая коммуна «КИМ» была создана в апреле 1928 г. За создание коммуны без колебаний выступило 13 юношей-комсомольцев. Из пожилых крестьян вступить в коммуну никто не пожелал, отказались вступать в коммуны и девушки-комсомолки, побаиваясь своих родителей. Комсомольцы обсудили и приняли примерный Устав коммуны, избрали председателем коммуны Н.М. Хороших, зарегистрировали коммуны в Черемховском райземотделе.

Коммунары поселились в большом здании, в котором до революции размещалось Волостное правление. Оборудовали столовую, соорудили глинобитную печь. Первое время коммунары жили за счет зарплаты И.М. Шишкина, а затем К. Щеголев положил начало созданию кузнечно-слесарной мастерской. Изделия из жести, железа реализовывались через потребкооперацию. Заказов было много. С. Оловин открыл пимокатную мастерскую. Позднее от мастерских коммуна получала немалые доходы и даже платила по 50-60 руб. людям, работающим по найму в коммуне. В 1929 г. Иркутская контора «Лензолото» сделала заказ на оковку ходков, который был выполнен с отличным качеством.

Осенью коммунары собрали с полей богатый урожай за счет хорошей пахоты, вывозки на поля удобрений, трехразовой прополки. Коммуна рассчиталась с долгом кредитному товариществу. Среди единоличников-бедняков коммунары стали выделяться добротной одеждой и обувью. Коммуна росла, крепла: к весне 1929 г. земельная площадь составила 397 га [13].

В апреле 1929 г. коммуна «КИМ» объединилась с соседней артелью «Ида», образовавшейся в д. Хилок. Коммуна получила новое название «Коминтерн». В одно место, к ручью Тяхта, были свезены дома из Хилка и Каменки, построены пекарня, детские ясли, мельница, вырыт колодец, открыта школа. Коммунары посеяли американский пырей, люцерну. Доходы выросли, повысилась зарплата.

К осени 1930 г. коммуна «Коминтерн» развалилась. Дочь коммунара П. Вантеева Анастасия вспоминала: «В коммуны мы привели две коровы, три коня, а вернули нам только одну корову» [14]. На базе коммуны «Коминтерн» были созданы небольшие сельхозартели по 10-15 дворов (десятидворки), 100-120 га земли, двух жаток, 8-10 плугов, одной молотилки, 5-10 телег, 15-20 арбужек [15].

Развал коммуны был вызван сменой руководства, а также новыми условиями хозяйствования – введением коллективизации сельского хозяйства. Пример села Каменки был типичным для прибайкальских сельских поселений.

Примечание

1. Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917-1937 гг.). – Новосибирск, 1983. – С. 204.
2. ГАИО. Ф. Р-1306. Оп. 1. Д. 20. Л. 67.
3. Власть труда. 1920 г. 4 ноября.
4. Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917-1937 гг.). – Новосибирск, 1983. – С. 320.
5. Фетисов Н.В., Малеев Н.Г. Идинский острог. Село Верхнеострожное. Село Каменка. Очерки по истории родного села. – Иркутск, 2008. – С. 41.
6. Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917-1937 гг.). – Новосибирск, 1983. – С. 109
7. Власть труда. 1920 г. 4 ноября.
8. Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. В 2-х ч. – Ч. 1. – М., 2011. – С. 487.
9. Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. В 2-х ч. – Ч. 2. – М., 2011. – С. 502.

10. ГАИО. Ф. Р-1306. оп. 1. Д. 125. Л. 18.
11. ГАИО. Ф. Р-1306. Оп. 1. Д. 125. Л. 7.
12. Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917-1937 гг.). – Новосибирск, 1983. – С. 114.
13. ГАИО. Ф. Р-1306. Оп. 1. Д. 602. Л. 180.
14. Воспоминания А.П. Вантеевой.
15. ГАИО. Ф. Р-1306. Оп. 1. Д. 190. Л. 73.

Великая Мать в образе злой мачехи как воплощающая деструктивную сторону материнского начала

Т.В. Шантанова
соискатель кафедры русской литературы
ФГБОУ ВПО «Бурятский госуниверситет»

Бурный прогресс современной цивилизации оставляет как бы на обочине многие знания, умения и навыки, приобретенные всем ходом многотрудного исторического развития человечества. Подчас выпадают из процесса духовного развития мира целые пласты, целые культурные системы. Особенно те, которые созданы и продолжают создаваться народами, приверженными к своему традиционному образу жизни. Не так редки, увы, исчезновение и самих народов: одни вымирают, другие растворяются в более крупных, часто в более энергичных, агрессивных, жестоких соседях.

Степень культурности людей и народов можно измерить тем, насколько активно они противостоят процессу исчезновения ценных народных традиций, насколько направленно они ищут способы сохранения и возрождения утраченных сокровищ. *Только возрождение традиций может приостановить губительный процесс духовных потерь, деформаций, деградации.*

Традиции, таким образом, имеют определяющее значение в народной судьбе. Евреи, потерявшие язык, страну, сохраняют себя этнически именно благодаря традициям. Традиции, оказывается, в данном случае даже важнее, нежели язык, который выступает здесь как элемент традиционности. Традиции многообразны. По ним

можно судить о народе или о какой-то стороне его бытия. Даже такая свойственная традиции, черта, как консерватизм, порою оказывается благом, спасением, ибо является условием стабильности народа, устойчивости его нравственных основ, менталитета. В традициях концентрируются, пересекаются тысячелетние духовные искания человечества, народов, людей, ибо человечество – *это единый космический этнос, вселенская, так сказать, личность, народ – это историческая личность, индивид – целостный образ человека, человеческая личность.*

Предания старины можно назвать портретами человеческой души, в них запечатлено представление о Земной Матери в совокупности ее положительных и отрицательных образов, в типичных, повторяющихся мотивах.

Понятие Великой Матери происходит из истории религии и охватывает самые разнообразные впечатления типа богини-матери. Еще совсем недавно психологии не было до этого типа никакого дела, потому что в практическом опыте образ Великой Матери появляется в таковой форме крайне редко и только при совершенно особых условиях. Проявления позитивного аспекта архетипа матери настолько воспеты в нашей культуре, что не стоит повторяться, перечисляя их. Поговорим о темной стороне.

Наверняка многие слышали про такую траву: мать-и-мачеха. Но мало кто знает, за что эту травку прозвали столь сложным именем. Дело в том, что если рассмотреть лист этого растения с «лица и с изнанки», то видно, что одна сторона листочка на ощупь теплая, ласковая, пушистая: это, всем, понятно, – мать. А другая, нижняя сторона, если прикоснуться к ней – холодная, жесткая и скользкая (правда, не колючая, но и на том спасибо). Это, как следует понимать, – мачеха. Мачеха — неродная мать для детей своего супруга, оставшихся у него от предшествующего брака (для мужчины аналогичным термином является термин «отчим»). В сказках, в мифах, в быту мачеха чаще всего является негативным персонажем. Ей бы стараться меньше реагировать на негатив со стороны детей мужа и, наоборот, поощрять все хорошее. Преодолеть все проблемы в общении с детьми можно только в результате согласованных действий взрослых.

Сирота – это один из наиболее распространенных сюжетов детских сказок, таких как «Золушка», «Мальчик-с-пальчик», «Двенадцать месяцев» и частый персонаж мифов, преданий у разных народов. Подобный сюжет часто становится темой для людей, которые с детства ощущают себя чужими в своей семье или в своем кругу, в сердце которых поселился страх из-за того, что им придется выживать в одиночку в этой жизни. Сиротá – человек, лишившийся одного или обоих родителей в связи со смертью последних. Как правило, этот термин применяется к детям, не достигшим ещё совершеннолетия.

Да, мачеха – это вечный отрицательный персонаж. Из числа зайнов – сироток общебурятское распространение получили только Хориин хоёр заян – Хоринские две зайнки. Культ этот, по всем данным, возник примерно в 40-х гг. XIX в. В преданиях и песнях, сложенных в их честь, говорится о том, что у этих девушек из Хори была злая мачеха, которая обижала их и заставляла выполнять всю тяжелую работу в домашнем хозяйстве. В конце концов девушки заболели и умерли. Их духи вознеслись на небо к тэнгриям, где получили звание «заян» (святых) и право собирать людей для коллективного отправления шаманских обрядов. С хоринскими двумя зайнками связаны так называемые найгуры (или боолоошины – от слова «боолэхэ» – шаманить) – шествия толпы людей, преимущественно молодых, охваченных религиозной истерией.

Найгуры возникали, как правило, в период больших эпидемий и охватывали ряд улусов и даже ведомств. В разное время они проводились во всех районах Добайкалья, затронули тункинских, байкало-кударинских и баргузинских бурят. Особенно частыми и массовыми они были в последней четверти XIX – начале XX вв. Последний в истории бурят найгур наблюдался в 1934 г. на Ольхоне. Т.М. Михайлов «Хоринские две зайнки», Этническая характеристика шаманского пантеона бурят (XIX – начало XX вв.).

Текст «Дуланшины или байгашины», воспроизведённый Т.В. Шантановой по оригиналу рукописи Осип Ивановича Шаракшиновой, 1889 г. р. – отца Надежды Осиповны Шаракшиновой – доктора филологических наук, профессора, уроженки улуса Заглик Боханского района (из её домашнего архива):

«... (Ботой бумал – спущенная и Бушхай галзуу – сумасшедшая, бешенная). Это были две Хоринские девушки – близнецы. Отец их был Долоон хушуу худал бариган Дорлой ноен баабай – на семи отрогах высоких гор имеющий седалище Дорлой нойон отец. Матерью их была Нал Хатун-ииби, живущая на восьми холмах. Они, лишившись родной матери и отца, жили потом с мачехой и дядей. Однажды эти девушки захворали горячкой (халуун Үбэшэн). Мачеха спрашивает дядю этих девушек – Юлдур нойона, как вылечить этих девушек: «обернуть ли их конской шкурой или скотской?» *«Нельзя их покрывать скотской шкурой, т.к. они будут шаманки, и если их покрыть скотской шкурой, они умрут; Сейчас же я поеду, пригоню табун и выберу из него подходящую кобылу»*. Когда дядя ушёл, мачеха велела убить чёрно-пегую (хара – алакшин) корову и её шкурой покрыла падчериц, не смотря на их слёзные упрашивания – не покрывать их, пока не приедет дядя с табуном. Но мачеха не послушала. Тогда они сказали:

Хоер хултэй хун

Хойто Эхэ бу узэк

По-русски:

Пусть двуногий человек

Никогда не знает мачех.

Дурбэн хултэй адахан

Хара алакшин бу узэк!

Хорийн хойто хошун дээрэ

Хоногоёо хэхэмнай.

По-русски:

Пусть четвероногая скотина

Коров не знает пёстрых!

На хоринской на северной горе

Нашли мы пристанище.

Перевод Т.В. Шантановой.

Т.е. мы умрем, и нас там похоронят, и, сказавши это, умерли. Возвратившись, дядя, упрекнул мачеху, прибавив при этом: «но, что же делать, надо хоронить». Похоронили в указанном ими месте.

Вскоре после этого пошли всякие болезни. Никто не знал, отчего болеют люди. Тогда шаман Хылгэйн хубуун Монгол-Зарин догадал-

ся, что все эти болезни насылаются умершими девушками близнецами Ботой бумал и Бушхай галзуу, и начал шаманить и угощать их саломатом, чаем, сахаром, овцой (непременно, а также бараном) и табаком, сначала в юрте, потом на улице и тогда болезни прекратились. После этого сам народ, особенно молодые парни и девушки начали шаманить, (принимали участие иногда старики) и болезни прекратились».

Текст молитвы, который произносил шаман Хылгэйн хубуун Монгол Зарин (шаман высшего разряда), которому было по силам определить кому необходимо делать религиозные угощения, чтобы предотвратить болезнь – (дуреть), преимущественно наблюдавшуюся у молодых парней и девушек и иногда у старших бурят, т.е. Хоринским девушкам близнецам – Ботой бумал и Бушхай галзуу, умершим, насильственной смертью. *Не успевших при жизни принять сан родовых шаманок*, они говорят:

«...Тэнгурийн байгаашьхи болобо
Тээнъегэ гэртэ буудалманай
Хуһан модон залмамнай
Хонин хурган шарууһмнай
Таатай хурьга шаруулжи
Хухэ Торгон һурэгимнай дэлгэжи
Шамшил шара зулайн мнай
Шатан байжа мургэе
Шара тарган һурэгимнай
Дэлгэн байжа мургэе
Шэрэм того табюулжа
Шэлбэ хурьга болгожи ухэби
Хотя мы девы небесного происхождения
Место пребывания в юрте со столбами.
Берёза – наш шест – залма,
Овечка и ягнёнок – наше угощенье,
Жирненький ягнёночек- угощенье,
Развернувши шёлк с изображением нашим,
Вы угощаете нас, почитая,
Воскуривая жёлтую свечу,
Вы молитесь нам.
Жёлто- шёлковое наше изображение

Развернув, вы помолитесь,
Чтобы угостить нас, в котле
Чугунном сварите избранного ягнёнка»
Перевод Т.В. Шантановой.

Чёрные и злые зайны враждебно относятся к людям, скоту. Высшие духи, белые и чёрные зайны постоянно ведут между собой борьбу за живых людей и особенно за шаманов. Каждая группа зайнов, белых и чёрных, имеет свои отдельные присутственные места (Үргэлэй хуура), в которых они заняты сугланом – судилищем над живыми людьми и духами. Белые, хорошие зайны за действительную вину наказывают, а чёрные и злые впоследствии насылают на них различные болезни, смерть. На основании приведённых данных можно прийти к заключению, что в целом характер культовых действий у древних племён был весьма сложным, имел порядок, систему. Вполне понятно, стройность и твёрдость такой системы должны были определяться и поддерживаться силой и авторитетом особых лиц -служителей культа.

Таким образом, шаманы с сильным утха – не только сказители, врачеватели, астрологи – толкователи снов, но и знатоки, и блюстители родоплеменных порядков и обычаев, – советники (узмэрши), в делах как внутри, так и внешнеполитического характера. Белые шаманы (!) – спасатели людей, изгонители зловредных бесов, врачеватели тяжёлых болезней и недугов, воскрешатели мёртвых, делают слепых зрячими, исправляют хромых, исцеляют бесноватых, приводят будущее, дают целительные советы – берут на себя кармическую ответственность племени. И как таковые, конечно, должны пользоваться особыми правилами и привилегиям. Т.В. Шантанова «О чём рассказали онгоны (о рукописях Осипа Ивановича Шаракшинова)». Мир фольклора в контексте истории и культуры монгольских народов. Международная научная конференция, посвященная 90-летию со дня рождения профессора Н.О. Шаракшиновой. Иркутск, 13-16 октября 2006.

В таком случае, можно наблюдать порабощение сознания Хоринских девушек – близнецов Негативной Матерью. Матриархальная реальность приобретает характер инфантильной и архаичной бездны или хаоса, который *девушкам нужно было преодолеть, победить или от которого надо было освободиться*. Негативное воз-

действие материнского начала Мачехи в данном примере оказалось таким сильным, что оно превратилось в препятствие для духовных устремлений девушек сирот Ботой бумал – спущенная и Бушхай галзуу – сумасшедшая, бешенная, которые должны были стать шаманками. Дядя этих девушек – Юлдур нойон на вопрос жены: как вылечить этих девушек: «обернуть ли их конской шкурой или скотской?», не подозревая о злом умысле её, ответил: *«Нельзя их покрывать скотской шкурой, т.к. они будут шаманками, и если их покрыть скотской шкурой, они умрут»*. Злая мачеха, вызнав у мужа секрет выздоровления или гибели, воспользовалась этим по-своему.

Устойчиво-негативный образ мачехи создает дополнительную сложность при формировании отношений в семье. Фигура Земной Матери соединяет и моральные противоположности: добро и зло. Выполняя функцию объективации, Мачеха заставила будущих шаманок Ботой бумал и Бушхай галзуу принять свои теньевые качества; чтобы не уступить силам Зла, они должны были сопротивляться. Вот почему многие сказочные воплощения Земной Матери являются воплощениями абсолютного зла. В этом случае оковы реальности ощущаются как нечто враждебное духу.

Однако Н.О. Шаракшинова в своих трудах, обращаясь к теме двух хоринских девушек, отмечает: «Содержание данного песнопения, как и почти всех мифов, записанных нами в разных местах с бурятским населением, сводится к повествованию о проникновении буддизма на территорию бурят и вытеснении из Забайкалья шаманства. В образе двух хоринских девушек олицетворяется шаманизм. С приходом лам в Хоринские степи начинается преследование шаманистов и шаманства. Вынуждены откочевать в Баргузинские земли. Ламы в образе мачехи преследуют их и в Баргузине. Тогда они перебираются в Тункинскую долину, и тут их не оставляют в покое. Девушки переплывают озеро Байкал. Побывали они в Алари, Нукутах, Осе, Идинской долине, куда буддизм не проник, и стали они покровительницами прибайкальских бурят – богом судьбы (Заян)».

Здоровье и долголетие – предмет первой заботы человека. Согласно шаманским представлениям, *духи болезней простуды, оспы, кори, желудочных, психических и смерти – всюду преследовали, вредя бурятам*. Во время эпидемий погибали иногда целые семьи, и это принималось как предопределение рока.

Многочисленные варианты легенды *о хорьке и горностае* используются в *призываниях с различной аксиологической окраской в зависимости от ситуаций*, определяющихся требованиями данного ритуала. По одним версиям, онгон *хорька и горноста* олицетворяет двух дочерей (Мольхон Толойхон и Тулон Тудон) шамана – зарина Унушки. По преданиям, девушки осквернили бубен отца, тот в гневе расплавленным свинцом выжег им глаза и прогнал. По другим версиям онгон *хорька и горноста* олицетворяет двух хоринских девушек. Во многих шаманских историях существует тенденция объяснять скрытые и непредсказуемые явления конкретными и привычными понятиями, например, болезни и смерть детей связывают с трагической смертью молодых девушек.

Жизнь и смерть, обновление и разрушение – это связанные друг с другом и дополняющие друг друга противоположности. Поэтому *порождающему жизнь архетипу матери присуща и другая сторона - уничтожение жизни*. Это отчетливо проявляется в природе, которая *всегда сначала разрушает*, перед тем как *создать что-то новое*. Но психологическое растворение в бессознательном – это не только пагубное воздействие архетипа матери, но и *предпосылка всеобщего духовного обновления*.

Великая Мать вызывает наибольший страх, когда она открыто демонстрирует свои разрушительные способности, становясь ужасной матерью или злой мачехой, так же это происходит, например, в сказке о Белоснежке. Деструктивность (от лат. разрушение, нарушение нормальной структуры чего-либо) – отрицательное отношение человека к самому себе или к другим и соответствующее этому отношению поведение. В этом случае Великая Мать принимает в сказках образ злой мачехи, воплощающий деструктивную сторону материнского начала. Темное стремление к уничтожению – такая же часть архетипа матери, как и его светлая сторона, связанная с зарождением жизни.

В русских народных сказках «Василиса Прекрасная» и «Баба-Яга» злая мачеха выведена как отрицательный персонаж, который, однако, совершает зло только в определенных границах: она делает все, чтобы главная сказочная героиня оказалась во власти бесчеловечной матери, угрожающей ей смертью; этот материнский образ является сверхъестественным и архетипическим. Вторая жена стре-

мится получить власть над мужем, а при традиционном отношении отцов к детям это значит – отнять эту власть у ребенка. Это значит, что в Тень каждой женщины входит тeneвая часть архетипа матери. Хорошо известно, что материнские чувства, проистекающие из эротического феминного начала в своих крайних, инстинктивных проявлениях могут погубить объект, на который они направлены. Не вызывает никаких сомнений, что любой женщине изначально присуще стремление к разрушению, и есть опасность, что это стремление будет бессознательно испытывать любая мать, которая не сможет освободить свои материнские чувства от животного инстинкта. Согласно Фрейдю деструктивность свойственна всем человеческим существам, различие касается главным образом ее предметов: другие люди или сам носитель деструктивности.

Но осознать – это еще не все. Время от времени женщина может переживать в себе тeneвую сторону материнства. Если это переживание происходит осознанно, то оно может способствовать ее освобождению от бессознательного стремления к разрушению. В своем труде «Ответ Иову» Юнг пишет, что современные мужчины и женщины больше не могут уклоняться от воздействия сил темного бога, ибо это божество пытается найти в них свое воплощение. То же самое можно сказать о темной богине, которая не способна к трансформации без воплощения в человеческом облике, другими словами, без осознания себя женщиной.

Женщина, которая входит во внутренний контакт с феминным началом, тем самым неизбежно вступает в контакт с архетипической «смертоносной матерью», т.е. с теми чертами женщины, которые ведут ее к саморазрушению, а через нее оказывают пагубное воздействие и на других: на любимого мужчину, на детей и на друзей. Для мужчины внутренний контакт с ужасной матерью означает встречу со своей темной анимой, тогда как для женщины этот контакт связан с переживанием самости. Э. Фромм полагает, что нет глубокой деструктивности по отношению к другим у тех, у кого мало враждебности по отношению к самим себе. Деструктивность — следствие блокировки плодотворной энергии, препятствий на пути к развитию, к самоосуществлению, когда человеку не удается реализовать свой потенциал.

Возьмем, к примеру, высказывание: «Муж – голова, а жена – шея» – народная мудрость веков. В этом смысле Ле Гуин лишь показывает данную позицию. «Феминизм» как явление – явление отрицательное со стороны писательницы. Сравнить мужчину и женщину считаю глупо, ибо они разные и у них разные программы существования. Но стремятся они все же к одному. Адекватный феминизм – это именно признание, что мы разные, не хуже или лучше. Просто разные. Это свобода от заданных кем-то ролей, свобода быть самим собой. А то, насколько крутит шея головой – это умение быть женщиной. Это либо способ выживания под давлением, когда по-честному нельзя, либо личная, внеполовая, склонность манипулировать окружающими.

В законодательстве многих стран мира, включая Россию, мачеха не обладает личными правами и обязанностями по отношению к пасынкам и падчерицам, если они не были ею усыновлены или не стали её приёмными детьми. Все права и обязанности, если они не были ограничены судебным порядком, сохраняет биологическая мать.

По отношению к мачехе неродные дети именуются «пасынок» («пасынки») или «падчерица» («падчерицы»). В случае, когда дети являются неродными для обоих родителей, чаще всего употребляют термин «приёмный родитель», либо просто «мать».

Завершить я хочу свой материал высказыванием Г.Н. Волкова: «Народ в наиболее чистом виде представляют дети. Когда национальное умирает в детях, то это означает начало смерти нации. При наличии гармонии между национальным и интернациональным чем больше национального в воспитании, тем сильнее, культурнее, духовно богаче нация.

Ни один народ не исчезает бесследно. Духовный потенциал ушедших из истории народов сохраняется, живет и развивается в других народах. Народ не может умереть. Духовная преемственность поколений проявляется во взаимосвязи древних этносов и молодых наций. Эта связь по форме напоминает преемственность родителей и детей, но по существу, конечно, несравненно сложнее: ни один народ не является потомком только одних или даже однородных предков. При благоприятных условиях даже казалось исчезнувшие народы могут воспрянуть вновь. Воскреснут их герои,

мифы и предания. Духовный заряд скифов, гуннов, аланов, половцев, хазаров, шумеров, печенегов сохраняется в русских, украинцах, грузинах, осетинах, абхазах, чувашах и многих других родственных и соседних с ними народах, сохраняется в человечестве как в единой многонациональной семье». Г.Н.Волков / *Этнопедагогика: Учеб. для студ. сред. и высш. пед. учеб. заведений.* – М.: Издательский центр «Академия», 1999, 20 стр.

Примечания

1. Шантанова Т.В. О чём рассказали онгоны (о рукописях Осипа Ивановича Шаракшинова)/ Мир фольклора в контексте истории и культуры монгольских народов. Международная научная конференция, посвященная 90-летию со дня рождения профессора Н.О. Шаракшиновой. Иркутск, 13-16 октября 2006. – Иркутск, 2006.
2. Михайлов Т.М. Хоринские две заянки. Этническая характеристика шаманского пантеона бурят (XIX-начало XXвв.).
3. Волков Г.Н. *Этнопедагогика: Учеб. для студ. сред. и высш. пед. учеб. заведений.* – М.: Издательский центр «Академия», 1999.
4. Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. – М., 1978.
5. Черемисов К.М. Бурятско – русский словарь. – М., 1972.
6. Мифы народов мира. Т. 2. – М., 1982.
7. Лейбин В. Словарь-справочник по психоанализу.- М., 2010.

КРАЕВЕДЕНИЕ

Знание родословной как основа нравственно-патриотического воспитания

Л.В. Бадужева
МБОУ «Капсальская СОШ им. Д.А.Ходуева»

Патриотическое воспитание подрастающего поколения всегда являлось одной из важнейших задач современной школы, ведь детство и юность — самая благодатная пора для привития священного чувства любви к Родине. Под патриотическим воспитанием понимается постепенное и неуклонное формирование у учащихся любви к своей Родине. Многого требуется от школы, её роль в этом плане невозможно переоценить.

В последние годы повысился интерес исследователей к разработке вопросов, связанных с ознакомлением школьников с различными сторонами окружающей действительности и воспитанием у них на этой основе любви к родному краю, стране. Доказана важность отбора доступных детям сведений об окружающем мире, их систематизации, необходимость формирования у детей положительного отношения к получаемым знаниям, организации деятельности по их закреплению. Однако высказанные авторами полезные идеи, касающиеся проблемы патриотического воспитания детей школьного возраста, носят, к сожалению, разрозненный характер.

Семейное воспитание – это процесс сознательного формирования родителями духовных и физических качеств детей в соответствии с идеалами современного общества. В этом интересы общества и семьи совпадают.

Органическое сочетание общественного и семейного воспитания обеспечивается тесным взаимодействием семьи, детских дошкольных учреждений, школы, детских и юношеских организаций, трудовых коллективов и общественности.

Родители обязаны заботиться о детях, но вместе с тем они должны так воспитывать детей, чтобы дети (когда это требуется) также проявляли заботу о своих близких, чтобы у них были сформированы прочные гуманные чувства, потребность и готовность оказывать помощь тем, кто в ней нуждается. Родители должны уважать личность и права ребёнка как члена семейного коллектива, должны понимать, что они не бесконтрольные хозяева в семье, а старшие, ответственные за воспитание людей. Воспитательная роль семьи в том и состоит, чтобы оказывать взаимовлияние на поведение детей, всех её членов и формировать у них комплекс чувств, потребностей, интересов, черт характера, отвечающих идеалам современного образа жизни.

Родина ...Малая родина... Тоонто нютаг... Это слово выражает самое великое и дорогое, глубокое и сильное чувство человека. Любовь к Родине, преданность своему народу, готовность к любым подвигам во имя Отечества и есть патриотизм – животворный и неиссякаемый источник развития любого общества.

Выразителем и носителем подлинного патриотизма стало прошлое поколение, которое безвозвратно уходит и уносит тот богатейший материал, который мог бы остаться в памяти будущих поколений.

Практика показывает, что люди к 30-40 годам жизни начинают непроизвольно интересоваться своими корнями, до этого у них, то не доходят руки, то нет времени, то нужных источников, да мало ли причин найдётся человеческому бездействию. Изучать историю своего рода они будут с большим интересом, потому что, как показывает практика, в жизни почти не встречается таких людей, которые не интересовались бы своими предками. И мы должны воспользоваться этим интересом. Бабушки и дедушки особенно любят вспоминать свою молодость, детские годы – это ведь и есть страницы истории семьи. Плодотворны воспоминания во время семейных праздников, но лишь в небольшом кругу и когда нет посторонних людей.

В родословное древо вносятся только точные имена, точная информация. Родословная – это лишь небольшая, видимая часть работы.

У бурятского народа знание своей родословной было и есть самой актуальной целью всех поколений. Для меня, как учителя – практика, на данном этапе является первостепенной задачей составление родословных детьми в условиях нашей Капсальской средней школы:

- Во-первых, знание родословной укрепляет связь поколений.
- Во-вторых, формирует уважительное отношение ребенка к своей семье, к своему роду.
- В-третьих, воспитывает чувства патриотизма.

У бурят в обычае было прививать детям любовь к родной земле, передавать им знания своей родословной, связанных с ними легенд, преданий и сказаний. Родители, особенно бабушки и дедушки, начинали с малых лет рассказывать детям в доступной форме генеалогию по восходящей и нисходящей линиям. В прошлом дети знали свою родословную до 9-14 колена.

Уважительное отношение к памяти давно умерших предков было далеко не случайным. Знание своей родословной, во-первых, обеспечивало хорошее знание истории рода, других племен, знаменательных событий, лучших представителей, добрых дел; во-вторых, от информированности история рода становилась ближе и дороже, человек чувствовал себя звеном большой цепи, понимал всю ответственность перед ней, старался следовать лучшим поступкам и делам своих предков; в-третьих, считалось, что духи предков оберегали и охраняли их от всех бед и несчастий.

В данный период времени в семье переменялся сам уклад жизни, поэтому происходит потеря связи поколений, родители не дают определенных знаний о родословной своим детям. Только семья может это сделать.

Вернуться к ним, мы с детьми решили в 2012 г. Первый этап начали с того, что собрали материал по родословной у родителей, родственников. Ребята сначала с неохотой, затем заинтересовано работали над родословной. Кроме них эту информацию никто не может передать будущим поколениям. Тем самым, сформировали мотивацию детей. На втором этапе дети писали сочинения про лучших представителей своих родов, чем был

знаменит род. Третий этап – ученики подготовили проекты – презентации. Четвертый этап, ребята провели круглый стол «Я. Мой род. Моя Родина», на который были приглашены родители, родственники. Наши дети достойно презентовали свои конечные результаты.

Наши предки, как чуткие психологи и педагоги, очень хорошо понимали то, что если не заставлять людей помнить о своем родстве, не заставлять испытывать особые чувства расположенности к родственникам и чувства социальной защищенности, то начинают ослабевать и исчезать привязанность, взаимозависимые связи, а значит, утрачиваться осознание своих нравственных и материальных обязанностей.

Несомненно, знание родословной имело огромное и важнейшее значение для всех бурятских родов.

Природное наследие Приангарья

И.А. Башланова

преподаватель биологии

ОГБОУ СПО

«Боханский педагогический колледж им. Д. Банзарова»

Природа щедро одарила Приангарье. Растительный покров представлен сложным сочетанием лесов, степей, лугов и болот. Лесная растительность занимает более половины общей площади и представлена темнохвойными (из кедра и ели), светлохвойными (из сосны и лиственницы), мелколиственными (из березы и осины) лесами.

Кедровники – брусничные и мшистые – произрастают по наиболее высокому гипсометрическому уровням Лено-Ангарского плато и Онотской возвышенности. Еловые леса – моховые, багульниково-голубичные и разнотравно-осоково-хвощевые характерны для днищ и падей по северному, восточному и юго-восточному возвышенному обрамлению центральной лесостепной части. Обычно они растут на торфяно-болотных,

на перегнойно-торфяно-глеевых почвах. В таких лесах из-за слабой проходимости солнечного света очень слабо развит травяно-растительный покров. В темнохвойных лесах хорошо возобновляются кедр и ель. До 70% лесопокрытой площади занято светлохвойными лесами, при этом доля сосны выше, чем лиственницы.

Коренные сосновые травяные леса широко распространены на равнине; вторичные сосняки с моховым покровом и таежными видами в травяно-кустарничковом ярусе свойственны склонам, водораздельным поверхностям плато и возвышенности. Типологические сосновые леса разнообразны: багульниково-черничные, рододендроновые, спирейные, травяные и остепненно-разнотравные. В сосновых борах и сосново-лиственничных лесах встречаются травянистые растения, такие как голубика, грушанка, черника, брусника и майник. В темнохвойных таежных лесах распространен плющ и плауны. Видовой состав растительности зависит в своем большинстве от того какова экспозиция склона. Южная часть склона чаще всего «населена» светлыми сосновыми борами вперемешку с лиственными деревьями, встречаются редкие пролески, в основном они состоят из рябины. Северная часть склонов занята лиственницей вперемешку с сосной и елью, а кустарник здесь составляет карликовая береза.

Доминирующее положение занимают сосновые леса из сосны обыкновенной *Pinus sylvestris*. Подлесок слагают кустарники: Спирея средняя *Spiraea media*, Рододендрон даурский *Rhododendron dahuricum*, Кизильник черноплодный *Cotoneaster melanocarpus*, Шиповник иглистый *Rosa acicularis*. В травяном покрове, помимо лугово-степных (Прострел раскрытый *Pulsatilla patens*, Колокольчик скученный *Campanula glomerata*, Тонконог гребенчатый *Koeleria cristata*, Лапчатка пижмолистная *Potentilla tanacetifolia*) и лесных (Майник двулистный *Maiiathemum bifolium*, Ветреница лесная *Anemone sylvestris*) видов, обычны также таежные: Грушанка круглолистная *Pyrilla rotimdifolia*, Брусника обыкновенная *Vaccinium vitis-idaea*. В травяном покрове преобладает степной дерновинный злак Тонконог гребенчатый *Koeleria cristata*, встречается также Осока

стоповидная *Carex pediformis*, Вероника седая *Veronica incana*, Лапчатка бесстебельная *Potentilla acaulis*, Астра альпийская *Aster alpinus* и др.

Более холодные таежные местообитания – высокие плато, их северные склоны заняты лиственничниками (из Сибирской лиственницы *Larix sibirica*). Под пологом лиственницы, иногда с участием сосны и берёзы, развит подлесок из Кизильника черноплодного *Cotoneaster melanocarpus*, Шиповника иглисто-го *Rosa acicularis*, Спиреи таволги иволистной *Spiraea salicifolia*, Ивы *Salix* и др. Травяной покров слагают Осока большехвостая *Carex macroura*, Вейник *Calamagrostis*, Овсец *Helictotrichon*, Аконит борец высокий *Aconitum exselsum*, Ирис касатик русский *Iris ruthenica* и др.

Степные районы также занимают обширную территорию. Степная растительность приурочена к речным террасам, придолинным наклонным равнинам, а также к крутым склонам и каменистым водораздельным грядам. Эта зона называется – Балаганская степь. Она простирается в долинах рек Ангары и Унги. Большие степные участки находятся возле рек Оса, Ида, Куда и в Приольхонье. В Приангарских степях обнаружено 358 видов растений, 35 видов злаковых и 15 видов полыней.

Можно выделить подтипы степей и слагающие их формации.

Караганово-волоснецово-житняковые степи образованы видами караган – Карагана *Caragana L.*, Карагана кустарниковая *C. pygmaea*. В травостое доминируют Житняк гребенчатый *Agropyron cristatum*, Колосняк ржаной *Leymus secalinus*, постоянно встречаются Змеевка растопыренная *Cleistogenes squarrosa*, Мятлик оттянутый *Poa attenuata*, Овсяница Ленская *Festuca lenensis*, Ковыль Крылова *Stipa krylovii*, но их обилие незначительно.

Мелкодерновинные степи представлены в основном типчakovыми сообществами. Основу травостоя составляет Овсяница ленская *Festuca lenensis*. Содоминантами являются Полынь холодная *Artemisia frigida*, Лапчатка бесстебельная *Potentilla acaulis*. Постоянно присутствуют тонконог, житняк, змеевка, ковыль (тырса) и др.

Крупнодерновинные ковыльные степи образованы преимущественно злаками: Ковыль байкальский *Stipa baicalensis*, Ковыль Крылова *S. krylovi*. Кроме них встречаются типчак, тонконог, змеёвка, вострец. Характерные виды: Лапчатка вильчатая *Potentilla bifurca*, Гетеропаппус алтайский *Heteropappus altaicus*, Остролодочник остролистный *Oxytropis oxypphylla*, Вероника седая *Veronica incana*, Цимбария даурская *Cymbaria daurica*, Астрагал кустарниковый *Astragalus fruticosus*, Тимьян ползучий *Thymus serpyllum*.

Чиевая степь распространена широко, обычно по берегам солёных озёр, в притеррасной части степных долин, на засоленных местообитаниях. Фон образуют крупные дерновины Чия блестящего *Achnatherum splendens*, между которыми, встречаются Колосняк акмолинский *Leymus paboanus* или Ирис двуцветный *Iris biglumis*.

Степи в сочетании с осиново-березовыми лесами создают облик своеобразной приангарской лесостепи.

В нижних террасах рек Иркутской области встречаются высокопродуктивные суходольные луга. В долинах рек Оки, Ангары, Куды, Илим встречаются наиболее пышные суходольные луга. Пойменные луга имеют более мощный травяной покров, можно встретить траву с рост человека. Альпийские луга встречаются в основном в горных районах. Около 1800 видов растений известно в пределах Иркутской области из них 600 видов лекарственных растения. Различные условия увлажнения определяют формирование настоящих, остепненных, болотистых и торфянистых лугов. Луга в Приангарье занимают поймы рек и слабо дренированные части водоразделов, удаленных от крупных рек. Основу травостоя составляют злаки и осоки: Кострец безостый *Bromopsis inermis*, Полевица Триниуса *Agrostis trinii*, Вейник Лангсдорфа *Calamagrostis langsdorffi*, Пырей ползучий *Elytrigia repens*, Ячмень короткоостистый *Hordeum brevisubulatum*, Осока *Carex spp.* и др. В настоящих лугах по днищам речных долин эдификаторами служат мезофиты: полевица белая, пырей ползучий, лисохвост, кровохлебка лекарственная. На менее увлажненных склонах и террасах развиты остепненные луга. Эти луга носят ксеро-галофитный характер. Из разнотравья встречаются

Серпуха васильковая *Serratula centauroides*, Лапчатка гусиная *Potentilla anserina*, Клевер луговой *Trifolium pratense*, Клевер ползучий *T. Repens*, Тимофеевка луговая *Phleum pratense* и др.

Животный мир. На территории области выявлено 84 вида млекопитающих. Орнитофауна округа относится к Приангарскому таежно-степному комплексу Иркутской области с преобладанием сибирского и европейского типов птиц с отдельными видами других типов. Зарегистрировано 326 видов птиц, относящихся к 21 отряду. Гнездятся – 224 вида. Наиболее многочисленным является отряд Воробьинообразные – 112 видов, а число видов других отрядов колеблется в следующих пределах: отряд Ржанкообразные – 44 вида, Соколообразные – 26 видов, Гусеобразные – 25 видов, СOVOобразные – 11 видов, остальные от 0,4 до 2,7%.

К редким животным отнесены 76 видов. В водоёмах области водятся 70 видов и разновидностей рыб. Иркутская область занимает одно из первых мест в России по добыче пушнины. Наиболее разнообразен дикий животный мир нашей тайги. Из парнокопытных здесь водятся лоси, косули, дикие северные олени, кабаны и другие животные. Из хищников лесными обитателями являются бурые медведи, росوماхи, волки, лисицы, рыси, ласки, колонки и соболи. Мир пернатых тоже тесно связан с лесом области. Из промысловых птиц здесь водятся глухари, рябчики, тетерева, даурские куропатки и другие. Из других птиц водятся: кукиш, дятлы (седой, трехпалый, малый и большой), желна или черный дятел, канюки и др. Из грызунов в лесах водятся белки, зайцы, летяги, бурундуки, суслики, землеройки, мыши. В горно-лесных комплексах водятся изюбры (маралы), горные козлы, снежный баран, кабарга, сибирский горный козерог, пищухи, черношапочные сурки.

Примечания

1. Бояркин В.М., И.В. Бояркин. География Иркутской области (природа, население, хозяйство, экология). – Иркутск, 2007.
2. Государственный доклад о состоянии окружающей природной среды Иркутской области. – Иркутск, 2007.
3. Атлас Иркутской области. – Москва- Иркутск, 2000.

4. Безруков Л.А., Савельева И.Л., Башалханова Л.Б. и др. Природно-ресурсный потенциал Иркутской области. – Иркутск, 1998.
5. Козлов И.И. Путеводитель по Иркутску. – Иркутск, 1982.
6. Мишарина Л.А., Горбунова В.А. Ознакомление детей дошкольного возраста с растительным и животным миром Прибайкалья. – Иркутск, 2007.
7. Попов П. Природные условия и богатства Иркутской области. -Иркутск, 1960.
8. Редкие животные Иркутской области. Наземные позвоночные. -Иркутск, 1993.

Забытое на родине имя

Л.И. Белая
учитель музыки и МХК
МБОУ «Боханская СОШ № 1»

2012 год в истории Боханского района отмечен рядом важных юбилейных дат, среди которых 150-летие Боханской средней школы. В течение учебного года идет поиск выпускников разных лет, чьи имена стали достоянием района, области, страны. В рамках исследовательской деятельности школьников проводились мероприятия по поиску выпускников начала прошлого века. Возник интерес к судьбам людей, чьи профессиональные интересы связаны с искусством. Среди представителей бурятского изобразительного искусства мы случайно обнаружили в Интернете имя И.Г. Дадуева. Хотелось верить, что имя далекого художника имеет отношение к Боханской земле. Ожидания не обманули нас.

Из материалов, запрошенных из Хоринска родственниками И.Г. Дадуева, мы выяснили, что он родился 27 апреля 1892 г. в улусе Заглик Боханского аймака Иркутской губернии. В 2012 г. исполнилось 120 лет со дня его рождения. В семилетнем возрасте, в 1899 г. пошел учиться в двухклассную инородческую школу в улусе Бохан. После ее окончания поступил в Жердовское сельскохозяйственное четырехгодичное училище. По окончании, в 1914 г. был назначен практикантом на Уриковский агропункт Иркутского уезда. Параллельно с учебой в училище

в 1913 г. окончил годичный педагогический класс. Иннокентий Григорьевич любил рисовать, поэтому в 1920 г. стал учеником студии-мастерской художника И. Копылова при Иркутском художественном училище. По окончании училища в 1923 г. он переехал в г.Верхнеудинск.

С 1924 по 1929 гг. работал в Бурятском педтехникуме преподавателем рисования и естествознания. Годы работы в педагогическом техникуме были самыми плодотворными для Дадуева – художника. За короткое время им были написаны картины «Сумерки», «Буха-нойон-баабай» (1927), «Уходящий быт», «Чингис-хан» (1928) и серия плакатов.

Картины Иннокентия Григорьевича экспонировались на выставке изобразительного искусства Бурятской АССР в 1959 г. в г. Москве во время декады бурятского искусства и литературы, на выставке «Художники Бурятии», посвященной 50-летию образования Бурятской АССР в 1973 г. в городах Свердловске и Улан-Удэ.

В 1929 г. семья Дадуевых переехала в с. Хоринск. С этого времени вся дальнейшая судьба Иннокентия Григорьевича связана с этим селом. Вначале работает агрономом в райЗО. Есть данные, что Иннокентий Григорьевич завез впервые в Хоринский район племенной крупнорогатый скот.

Затем он переходит работать в Хоринскую ШКМ (Школа крестьянской молодежи с 1927 по 1933 гг.), что было очень кстати, т.к. главной задачей ШКМ была подготовка культурных работников. Деревне и школе нужны были опытные организаторы, преподаватели со специальным сельскохозяйственным образованием.

В 1956 г. по просьбе доктора филологических наук В.И. Андреева Иннокентий Григорьевич написал воспоминание, где он отмечает: «Хоринская ШКМ являлась пионером огородничества среди бурятского населения аймака. ШКМ имела пришкольный участок, который сыграл большую роль в деле развития у бурят огородничества и земледелия, т.к. дети получали в школе известную агрономическую подготовку».

В 1933 г. школа становится средней, Иннокентий Григорьевич вел уроки естествознания, рисования, биологии, позже препода-

вал в начальных классах. Учащиеся увлекались художественной самодеятельностью, ставили спектакли. Иннокентий Григорьевич был душой ученического коллектива, он был консультантом постановок, художником по костюмам и декорациям, да и сам принимал участие в их изготовлении. В школе тогда была оборудована сцена, при сцене была комната для подготовки выступающих.

Выпускники тех лет, ученицы Иннокентия Григорьевича, - заслуженный учитель Краснопеева Наталья Викторовна и Степанова Нина Иннокентьевна помнят постановки «Шоно-батор», «Сэсэг-зуула», «Песни Забайкальских бурят». Иннокентий Григорьевич – автор и режиссер многих пьес. Одним из значимых произведений была пьеса в 3-х действиях «Ученье – свет, а неученье – тьма». Впервые на сцене она была поставлена силами бурятской молодежи для депутатов первого областного съезда трудовых бурят РСФСР в Иркутске.

В 1967 г. по инициативе директора школы П.М. Борголова, ученика Иннокентия Григорьевича, школа широко отметила его 75-летие. На юбилей приехало много выпускников ШКМ, средней школы довоенных и военных лет, учителя, работавшие с Иннокентием Григорьевичем. Им не пришлось работать с ним, но слова благодарности и глубокого уважения, с которыми обращались к нему доктор филологических наук Ц.Б. Цыдендамбаев, Герой Социалистического Труда Ц. Номтоев, поэтесса Цырен-Дулма Дондокова от старшего поколения, доктор физико-математических наук Ч.Ц. Цыдыпов, кандидат философских наук Ф.И. Шулунов и многие другие давали понять, что перед ними талантливый учитель, патриот, энтузиаст, интеллигентный и гуманный человек.

Иннокентий Григорьевич был очень дружелюбным и гостеприимным человеком. К нему приезжали коллеги, работавшие с ним в ШКМ (В.Шубин, Николай Эрхитуев), кто работал с ним в 40-е и 50-е годы (А.В.Булдагаев, С.И.Хазагаева, сестра и брат Янгутовы и др). Из Керчи в 70-х годах приезжал выпускник 40-го года полковник Г.И.Багаев, который считал, что коллектив Хоринской средней школы поддержал его во всех жизненных ситуациях.

Односельчане видели, как Иннокентий Григорьевич здоровается со встречными на улице. Он обязательно останавливался и при поклоне приподнимал шляпу. Своих выпускников узнавал по голосу будучи в довольно преклонном возрасте, интересовался их делами. Иннокентий Григорьевич был интересным собеседником. В последние годы он часто встречался с друзьями, и многочасовые их беседы не истощались.

Слова благодарности за поддержку выражали дети репрессированных, семьи которых были высланы из Монголии. Так, внучка старейшего учителя Цыдена Сахияева Цырма Цыбиковна рассказывала, что в 1937 г. её и Лиду Болдунникову вывели из класса, объявив им об исключении из школы как детей врагов народа, и только заступничество Иннокентия Григорьевича и других учителей дали им возможность остаться в школе и закончить семь классов.

В Хоринской школе Иннокентий Григорьевич проработал до пенсии. Труд и заслуги И.Г. Дадуева отмечены следующими наградами: два ордена «Трудового Красного Знамени» (1945, 1949 г.), медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», орден «Знак Почета», значок «Отличник народного просвещения РСФСР». Иннокентию Григорьевичу присвоены звания «Заслуженный учитель БМАССР» (от 21 августа 1946 г.), «Заслуженный учитель школ РСФСР» (от 7 июня 1949 г.).

Земной поклон Человеку, Учителю, Художнику за великий труд.

Примечания

1. Болдонова Д.Е. Материалы выступления на Борголовских чтениях, посвященные директору Дадуеву И.Г. // 28 января 2011г.
2. Биография И.Г. Дадуева //Материалы музея Хоринской СОШ № 1.
3. Содномов А. Драматург, учитель, живописец. // Бурятия. 1991. 18 мая.
1. Соктоева И.И., Хабарова М.В. Дадуев Иннокентий Григорьевич: Краткие биографические сведения. //Живописец. – Л., 1976.

Прибайкалье: история освоения

В.В. Герасимова
учитель истории и обществознания
МБОУ «Морозовская СОШ»

Иркутская область расположена на востоке Сибири. Здесь создан мощный производственный и научно-технический потенциал, сосредоточены уникальные лесные и водные ресурсы, в недрах залегают ценные полезные ископаемые. Богатство природных ресурсов ставит Прибайкалье на одно из первых мест среди субъектов Российской Федерации. В общероссийском разделение труда она выступает как крупная энергопромышленная и минерально-сырьевая база.

А что известно об истории Иркутской губернии и этапах хозяйственного освоения территории Прибайкалья? К сожалению, представления о прошлом востока Сибири ограничиваются у многих из нас привычными стереотипами, рисующими слабо-развитую окраину царской России, место изгнания и ссылки. Советская историография создала миф о том, что хозяйственное и культурное развитие территории Прибайкалья началось только в послереволюционный период. Между тем уже беглое знакомство с архивными материалами свидетельствует, что Сибирь в начале XX в. была наиболее динамично развивающимся регионом Российского государства. Темпы и масштабы ее экономического роста впечатляют даже сегодня, равно как удручают последствия происходивших после 1917 г. преобразований, надолго затормозивших поступательное движение, отбросивших экономику на десятилетия назад.

Не менее устойчив и другой миф, возникший еще в дореволюционный период, представляющий восток и север Сибири как край, оторванный от общепризнанных центров цивилизации, не имевший самобытной культуры и хозяйства, оживший только с приходом русских. Подобное восприятие экономической истории Сибири неприемлемо.

Безусловно, на экономическое и культурное развитие Прибайкалья оказали воздействие такие ключевые события в исто-

рии страны, как русская колонизация Сибири и октябрьский переворот 1917 г. Но не только они определяли поступательное движение. Хозяйственное освоение края началось намного раньше. Оно имеет интересную историю, уходящую в глубокую древность, к эпохе палеолита.

Древние обитатели Прибайкалья так же, как и верхнепалеолитические охотники всей приледниковой зоны Европы и Азии, имели полуседлый бытовой уклад жизни, занимались охотой на мамонта и северного оленя, изредка рыболовством и собирательством, сооружали стационарные жилища полу земляного типа.

Образ жизни их стал меняться в период последнего оледенения. Из-за резкого похолодания исчезли леса и вымерли мамонты, первобытный человек лишился основной пищи и подделочного материала – бивней. Угасло искусство резьбы по кости. Чтобы прокормиться и выжить, первобытные люди стали совершенствовать орудия труда и расширять сферу своей деятельности. Изменился хозяйственный уклад жизни древнего человека. Наступила эпоха неолита, совпавшая с завершением оледенения и восстановлением лесов, с формированием современных ландшафтов.

Хозяйственный уклад в период неолита по-прежнему оставался охотничье-собирательским и рыболовецким. Но уже появились более производительные и разнообразные орудия труда, удовлетворяющие растущим хозяйственным потребностям. Охотники и рыболовы Прибайкалья стали использовать гарпун, сеть и лодки-берестянки. Они приручили первое домашнее животное собаку. Первыми в мире стали применять сложный, усиленного типа лук и стрелы с нефритовыми наконечниками, каменные ножи и топоры, охотничьи лыжи. Научились делать глиняную посуду. Их поселения с открытых мест и высоких террас спустились в поймы рек. Возникли зачатки земледелия.

Люди каменного века жили небольшими первобытными общинами и не знали частной собственности на средства производства. Поздний неолит стал периодом формирования этнических групп и культур, отдельные элементы которых сохранились у эвенков и тофов вплоть до нынешнего века.

В последующие периоды происходят дальнейшие изменения хозяйственного и этнического уклада. Этому не могут помешать даже суровые природные и климатические условия. Племена, заселявшие долины крупных рек и степные районы юга Восточной Сибири, постепенно заменяют каменные орудия труда металлическими, вначале медными и бронзовыми, затем железными.

В глазковский период развивалась меновая торговля. Формировался скотоводческо-земледельческий хозяйственный комплекс. Усиливалась миграция. Образ жизни кочевых племен в эпоху бронзы способствовал расширению связей с населением других районов, как на западе, так и на востоке. Завязывались торговые отношения с племенами бассейна Енисея, Минусинской котловины и Оби, с народами Дальнего Востока, куда из Прибайкалья доставляли нефрит, а взамен с берегов Тихого океана везли морские раковины, из которых изготовляли кольца, диски и бусины.

Совершенствование орудий труда и быта и более высокий хозяйственный уклад изменили культуру прибайкальских племен. Об этом свидетельствуют раскопки глазковских захоронений, где встречаются более разнообразные изделия искусства. Их доля в сравнении с орудиями труда значительно возросла. В качестве украшений использовались не только костяные и нефритовые, но и бронзовые, перламутровые и керамические изделия. В глазковский период в Прибайкалье зародился шаманизм.

Период, сменивший бронзовый век к началу 1-го тысячелетия до н. э., характеризуется распространением железных орудий труда, более быстрым хозяйственным и общественным развитием. Начинаются процессы разложения родовых отношений, растет имущественное неравенство, возникает частная собственность на средства производства. На территории Центральной Азии образуются первые полуфеодальные государства кочевников, в которых получают развитие новые более прогрессивные формы хозяйствования.

Однако для новой быстро расширяющейся Монгольской империи Прибайкалье и Забайкалье представлялись далекой и бедной северной окраиной, особенно в сравнении с южными

блиставшими роскошью китайскими и среднеазиатскими землями. «Лесные народы» интересовали Чингисхана лишь в плане поставок пушнины и возможности контроля торговых путей к Енисею, где в то время сеяли много хлеба, вывозимого мусульманскими и уйгурскими купцами в Монголию.

В VI—X вв. самой многочисленной этнической группой в Прибайкалье были курыканы – далекие предки якутов, народности тюркского происхождения. Они расселились по берегам Байкала, в верхнем течении Ангары, в верховьях Лены, вблизи улуса Шохтой по р. Мурин, по р. Осе, Куде, Анге, Иде, Илге, на о. Ольхон и в других местах Прибайкалья.

Археологические раскопки свидетельствуют, что основным занятием курыкан являлось скотоводство. Они разводили лошадей, крупный рогатый скот, овец и верблюдов. Для повышения продуктивности своих пастбищ курыканы первыми в Восточной Сибири применили искусственное орошение сенокосных угодий. В Кудинской степи, вблизи улуса Харазаргай, сохранились остатки оросительной системы того периода.

Хозяйственная жизнь курыкан не ограничивалась скотоводством. Занимались они звероловством и собирательством. На сохранившихся средневековых наскальных рисунках можно увидеть сцены охоты на кабана, лося, оленя. Для заготовки корневых съедобных растений применялись железные лопатки с деревянными рукоятками.

Курыканы стали первыми земледельцами в Прибайкалье. Возле их поселений археологи встречают следы древней пашни, где выращивали просо, пшеницу, рожь, коноплю. Земледельческая культура курыкан была связана со среднеазиатской. Об этом свидетельствуют находки земледельческих орудий на Унгинском поселении вблизи Балаганска, где обнаружены металлические серпы, каменные жернова, чугунный сошник, свидетельствующий о применении плуга.

Курыканы вели полуоседлый образ жизни. Они владели секретами металлургии и кузнечного дела. Возле их поселений обнаружено множество плавильных ям и глинобитных горнов, в которых выплавлялось железо. Курыканы знали письменность. Их искусство представлено многочисленными украшениями и

предметами быта, найденными при раскопках. О высоком уровне культуры свидетельствуют и наскальные рисунки, обнаруженные в верховьях р. Лены у д. Шишкина, на о. Ольхон, на р. Унге вблизи улуса Нукуты, в долине р. Куды на горах Хашкай и Манхай.

Хозяйство и культура курыкан выделялись высоким уровнем развития и самобытностью. Вместе с тем они носили отпечатки тюркской, кыргызской и уйгурской культур, включали в себя элементы хозяйственных навыков и культуры народностей Алтая, Енисея и Забайкалья, что свидетельствует о широких контактах курыканских племен Прибайкалья с другими народами Азии.

После ухода курыкан на север основными этническими группами в Прибайкалье стали монгольская, тюркская и эвенкийская, которые впоследствии влились в состав бурят-монгольского и эвенкийского народов.

Формирование бурятского населения в регионе началось после падения государства уйгуров и продолжалось в период империи Чингисхана, когда происходило наиболее активное освоение степных и лесостепных территорий вокруг Байкала отдельными монголоязычными племенами.

К началу русского освоения хозяйственные и культурные связи между различными племенами укрепились, и бурятское население стало этнически более однородным. При этом выделилось несколько основных ветвей: булагаты, эхириты, хонгодоры и хоринцы. Селились они следующим образом: булагаты — вдоль Ангары и ее притоков Оки, Унги, Осы, Иды и Куды; эхириты в верховьях Куды, Лены и ее притоков Манзурки и Анги; хонгодоры — в южных районах Прибайкалья по долинам Иркуты, Китоя, Белой и Алари; хоринцы — на западном берегу Байкала в районе р. Бугульдейки и в Приольхонье, большая часть хоринцев проживала в Забайкалье.

Племена селились родами, объединенными в улусы. Объединение прибайкальских племен, в которых главную роль играли эхириты и булагаты, называлось «бурат», что означало «лесные племена» или «лесные люди». Так монголы называли население лесостепных территорий по обе стороны Байкала. Об этом

свидетельствуют записки русских исследователей и материалы бурятского фольклора XVII— XVIII вв.

Первые русские землепроходцы, встретившись в Прибайкалье с добродушным и гостеприимным народом и услышав новое и незнакомое им слово «бурат», вложили в него свое понятие – «брат», «братский». Именно так стали называться все монголоязычные племена, расселившиеся отдельными группами в Тункинской и Аларской степях. Даже первый русский острог на Ангаре был назван Братским.

Основой хозяйства у прибайкальских бурят к приходу русских было скотоводство полуоседлого типа. Как и курьканы, они разводили лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, верблюдов. Прибайкальские буряты переняли у курькан мастерство кузнечного дела и навыки земледелия. Они выплавляли железо, делали из него оружие и хозяйственный инвентарь. Бурятские металлические украшения для одежды и сбруи пользовались спросом у соседних племен, а впоследствии, на первых этапах русского освоения Прибайкалья, охотно приобретались служилыми и торговыми людьми и первыми переселенцами.

Почти все необходимое для своего хозяйства местные племена изготовляли сами. Скотоводство и земледелие доставляли пищу, одежду, материал для устройства жилищ. Сеяли просо, гречиху, ячмень. Излишки продукции служили у бурят предметом меновой торговли с эвенками и тувинцами, которые поставляли им пушнину. Существовали торговые связи со Средней Азией и Монголией.

Большую роль в хозяйстве бурят играла охота, в которой наравне с мужчинами принимали участие и женщины. Для охоты использовались сложный монгольский лук и стрелы с железными наконечниками. Особое значение для меновой торговли имела пушнина. В рукописных памятниках по истории монголов XIII в. название «булагат» или «булагачин» трактуется как «соболевщик».

Эвенкийским племенам принадлежало в Прибайкалье второе место по численности после бурятских. Они вели кочевой образ жизни, селились в чумах отдельными семьями или группами семей. Их поселения располагались по берегам Байкала, вдоль

Ангары, Лены, Верхней Тунгуски. Мужчины занимались охотой, рыбной ловлей, оленеводством.

Излишки продукции оленеводы и охотники использовали для обмена и для выплаты дани бурятам. На охоте они применяли лук и рогатину, петли и самострелы. Женщины выделывали шкуры и шили из них одежду, ухаживали за детьми.

По мнению ряда исследователей (А.П. Окладникова, Г.М. Левина и др.), этнографический комплекс, характерный для прибайкальских эвенков, и свойственный им антропологический тип существовали уже у племен, обитавших на Ангаре и Лене в глазковский период, около 3-4 тыс. лет назад. В то время эти племена селились на довольно обширной территории.

К моменту прихода русских местные эвенкийские племена находились на стадии перехода от родового строя к феодализму. У эвенков-олленеводов появилась частная собственность на скот. Охотничьи угодья распределялись между семьями, а добыча доставалась отдельной семье, а не всему роду, как это было при первобытнообщинном строе. Однако основную роль в управлении родами продолжали играть родовые собрания и шаманы.

К приходу русских тофы занимали третье место в общей численности населения Прибайкалья. Эта древняя народность заселяла склоны Восточного Саяна в пределах территории современного Нижнеудинского административного района. По происхождению и языку они близки к тувинцам. Основу хозяйства тофов составляли охота и таежное кочевое оленеводство. К началу XVII в. родовой строй у тофов распался, хотя сохранялись еще многие его пережитки. Появились богатые и бедные.

Русское государство со времени своего возникновения было многонациональным. Уже в Древней Руси славянское население тесно связано с другими этническими группами. По мере складывания единого Российского государства многонациональный характер его все более усиливался. В конце XIV в. в составе Российского государства оказались мари, югра, мордва, печенеги, карелы. На рубеже XVI-XVII вв. вследствие народного движения на восток к России были присоединены обширные районы Западной Сибири. В результате постройки городов — Тюмень (1586), Тобольск (1597), Березов, Пелым, Сургут (1593),

Тара (1594), Нарым и Кетский острог (1596), Верхотурье (1598), Туринск (1600) и Томск (1604) — была создана новая геополитическая ситуация в Сибири. Был образован прочный военно-политический и хозяйственно-демографический плацдарм для продвижения русских отрядов в Восточную Сибирь, к Енисею, и тем самым заложены основы будущей **Азиатской России**. Хронологически оно совпадало со временем основания англосаксами первых европейских колоний на Североамериканском континенте. Летом 1619 г. был заложен Енисейский острог, что имело решающее значение для будущего продвижения русских вглубь Восточной Сибири. Вскоре русские вышли к устью реки Ангары (Верхней Тунгуски), откуда открывался прямой путь в Прибайкалье.

Итак, до появления на карте России названия «Иркутская» существовало Илимское воеводство, выделившееся из Енисейского и несколько раз менявшее свою подчиненность, переходя под верховенство сначала Енисейска, затем Якутска и Иркутска.

Только в 1682 г. было образовано самостоятельное Иркутское воеводство, которое в 1719 г., при разделении единой Сибирской губернии на пять провинций, преобразовали в Иркутскую провинцию, в состав которой в 1727 г. был включен Илимск.

Вскоре Иркутская провинция стала самостоятельной (1736). Она охватывала огромную территорию на востоке России. Управление ею поручалось особому вице-губернатору, подчиненному непосредственно Сибирскому приказу. Таким образом, было положено начало делению Сибири на Восточную и Западную.

В 1764 г. Иркутскую провинцию преобразовали в Иркутскую губернию. В состав новой губернии вошли провинции: Иркутская (Иркутский, Киренский и Балаганский уезды), Верхнеудинская (Удинский, Селенгинский, Баргузинский и Нерчинский уезды), Якутская (Якутский, Илимский, Алданский и Олекминский уезды). Таким образом, Иркутская губерния занимала громадную территорию, от бассейна Енисея до Тихого океана.

В 1783 г. в Сибири были образованы три наместничества (Тобольское, Колыванское и Иркутское), находившиеся под управ-

лением наместников. Наместничества делились на области. Однако такую структуру вскоре упразднили и в 1803 г. вновь вернулись к губернскому делению. Были созданы две губернии: Тобольская и Иркутская. При этом Иркутск стал центром Сибирского генерал-губернаторства.

В 1822 г. по инициативе генерал-губернатора Сибири М. М. Сперанского провели очередную реформу управления. Теперь Сибирь разделили на два генерал-губернаторства (Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское). Восточно-Сибирское генерал-губернаторство, с центром в Иркутске, охватывало не только восточные районы России – Якутию, Камчатку и Чукотку, но и Русскую Америку, вплоть до Калифорнии.

В состав Восточно-Сибирского генерал-губернаторства вошла и Иркутская губерния, из которой в 1851 г. выделены в качестве самостоятельных Забайкальская и Якутская области. В результате губерния приобрела очертания, примерно соответствующие границам современной Иркутской области, без учета северной и северо-восточной ее окраин и юго-западной части современной Республики Бурятия.

В 1887 г. провели очередное административно-территориальное преобразование. Вместо Восточно-Сибирского учредили Иркутское генерал-губернаторство, в состав которого вошли Енисейская и Иркутская губернии, Якутская и Забайкальская области. В 1896 г. Иркутской губернии передали Лено-Витимский золоторудный район, находившийся с 1853 г. в составе Якутской области. В 1913 г. были изменены северо-восточные и южные границы губернии, и ее площадь стала почти равной площади современной Иркутской области.

Границы Иркутской области в настоящее время в основном совпадают с границами бывшей Иркутской губернии (за исключением Тункинского и Окинского районов, вошедших ныне в состав Республики Бурятия).

После революции, в 1920 г., из Иркутской губернии выделили и передали в соседний (Канский) уезд Енисейской губернии две волости с населением более 18 тыс. чел. Затем по заданию Госплана СССР Иркутская губернская плановая комиссия обосновала создание так называемой Лено-Байкальской (или Средне-

Сибирской) области. В ее состав должны были войти Иркутская губерния, Якутская и Забайкальская области с образовавшейся к тому времени Бурят-Монгольской АССР. По первоначальному проекту Госплана новая область должна была занимать территорию 1,5 млн км². На юге она граничила бы с Монголией, на западе – с бывшей Енисейской губернией, на востоке с Амурской губернией, на севере — с Туруханским краем. Однако эти предложения были отклонены, а в основу районирования лег проект, предложенный Сибревкомом.

Согласно этому проекту был создан так называемый Сибирский край, в состав которого временно включили Иркутскую губернию. Как административно-территориальная единица она просуществовала до 1926 г., претерпев административно-территориальные изменения, связанные с образованием Бурят-Монгольской АССР, в которую была включена часть территории Прибайкалья. Затем в 1930-х гг. на базе губернии образовали отдельный Восточно-Сибирский край, с центром в г. Иркутске, из которого вскоре выделились Восточно-Сибирская область и Бурят-Монгольская АССР.

При всех преобразованиях практически неизменными оставались уезды – Иркутский, Тулунский и Киренский, что свидетельствовало о прочности сложившихся экономических связей, отражающих хозяйственную целостность данной территории. С учетом этих связей в сентябре 1937 г. из ранее входивших в состав Восточно-Сибирской области районов была образована Иркутская область, в пределах которой был создан Усть-Ордынский Бурят-Монгольский национальный округ.

Определенные в 1937 г. границы Иркутской области, с незначительными изменениями на северо-востоке, сохранились до нашего времени, хотя внутреннее деление административных районов за этот период менялось неоднократно.

На момент образования Иркутской области в нее входили 27 районов. На современной карте Иркутской области их 33. Внутриобластные административно-территориальные преобразования происходили в основном в период широкомасштабной индустриализации и касались, прежде всего, территорий активного хозяйственного освоения. Так, в северо-западной

части области возникли Усть-Илимский и Чунский районы. Изменили границы Тайшетский, Братский, Нижнеилимский, Усть-Удинский и Тулунский районы. Некогда существовавший Кировский район стал частью Усольского, Балаганский вошел в состав Усть-Удинского. Тангуйский район поделили между Братским и Тулунским, а Шиткинский — между Тайшетским и Чунским. Тофаларский слился с южной частью современного Нижнеудинского района.

Примечания

1. Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Иркутской области: В 4 т. – Иркутск, 1998. Т. 1.
2. Бояркин В.М., Бояркин И.В. География Иркутской области. - Иркутск, 2007.

Религиозные воззрения древних обитателей Забайкалья

Р.А. Евтехов
студент 5 курса исторического факультета
ФГБОУ ВПО «Бурятский госуниверситет»

Глубокая древность для науки и по сей день остаётся неразгаданным розеттским камнем, над которым бьётся не одно поколение историков. В большей степени это касается археологии – науки, которая скопила большой объем данных не только о материальной культуре первобытного человека. В этой связи актуализируется задача изучения духовного мира, мировоззрения древнего человека. Что в свою очередь раскроет сущность процесса становления творческой сущности человека.

Актуальность данного исследования определяется тенденциями современного российского образования. Введение в школах нового предмета «религиозная культура и светская этика», безусловно, требует новых изысканий в сфере теологии. Различных подходов, новых методов, нестандартных взглядов на феномен религии, и в том числе на её архаичные корни. Это позволит более объективно

донести до учащихъя сущность религии, её эволюцию, сохраняя при этом светских характер образования.

Прежде чем остановиться на архаичных верованиях древних забайкальцев, стоит прояснить некоторые понятия. Блестящие ученые Фрээр Джеймс Джордж, Косвен Марк Осипович, Тайлор Эдуард Бэрнетт в своих бессмертных трудах, говоря о «ранних формах религии», использовали термин «первобытные верования». Эти ученые располагали большой источниковой базой, в этом случае термин «верования» вполне доказателен. В нашем случае источниковая база по изучению ранних форм религии древнего населения Забайкалья заметно уступает. По этому, правомерней будет использовать понятие «религиозные воззрения». Исходя из понимания термина «воззрение» по словарям Ефремовой Т.Ф. или Ушакова Д.Н., воззрение – точка зрения либо образ мыслей. Исходя из этого, можно определить религиозные воззрения – как систему особого образа мыслей, взглядов и пониманий мира, обусловленных верой.

Непосредственно вопросы религии у коренного населения Забайкалья, затрагивались ещё первыми путешественниками, такими как Эверет Избрант Идес (XVII в., купец, посол), Миллер Герхард Фридрих (XVIII в., академик, этнограф), Кастрен Метиас Александр (XIX в., филолог, фольклорист). Они оставили разного рода заметки и в большей степени высказывались в пользу того, что местное население исповедует шаманизм. Не забывая, однако, отмечать и необычные каменные сооружения (плиточные могилы и херексурь) и особое к ним отношение местного населения. В этом смысле интересны гипотезы Давыдова Д.П. (вторая половина XIX в.), предположившего наличие на могильниках целых ритуальных комплексов, а так же он высказался в пользу многочисленных жертвоприношений, как на плиточных могилах, так и у подножия скал с писаницами. Однако здесь рассматривается далеко не первобытные верования, а уже сложившаяся мировоззренческая система, со сложной системой культов. На более подробное рассмотрение данного вопроса подталкивают работы Окладникова А.П. (середина XX в.) и Тиваненко А.В. (1989, 1990, 1994 г.). Сделавшие неоценимо много для разрешения вопроса о верованиях древних обитателей Забайкалья. Учёные предлагали множество гипотез по данной теме,

в том числе и по периоду каменного века, который интересует нас в данном случае.

Население Забайкалья в период палеолита представляет собой бродячих охотников-собирателей, которые сооружали временные (предположительно сезонные, связанные с сезонной миграцией животных) жилища, и изготавливавших орудия труда из камня, кости и рога. Кроме этого они изготавливали примитивную одежду, на что указывают найденные иголки. Жизнь первобытного человека была очень сложна, но, несмотря на это, человек находил время и возможность для культурной деятельности.

Весь объём материальной культуры палеолита, которая, безусловно, несёт в себе особый, сакральный смысл и непосредственно может говорить нам о какой-либо стороне духовной жизни древнего человека, следует разделить на следующие классы объектов: 1) «Хозяйственные ямы» (ямы-кладовки), 2) Предметы искусства и культово-обрядной практики,

3) Украшения

Рассмотрим подробнее первую из указанных выше, категорию. Археологи, изучавшие палеолит нашего Забайкалья отмечали необычные, углубления в древних жилищах, заполненные орудиями труда и костями животных. В историографии эти объекты получили название – «хозяйственных ям». Данные объекты приурочены к стоянкам, и являются непосредственной частью палеолитического жилища. Среди таких стоянок рассмотрим следующие: Варварина гора, Саньин Мыйс, Амогolon, Усть-Кяхта-17. На территории этих стоянок обнаружены одно очажные и много очажные жилища, по форме и устройству которых они определяются как круглые чумы или шалаши.¹ На стоянке Варварина гора (35-29 тыс. лет) в жилище обнаружены: обработанные камни и кости животных, которые находились в особых вырытых ямах либо каменных выкладках. Одна из таких ямок выделяется из общего их числа, её стенки и дно выложены камнями, а в заполнении найдены череп хищника и целые трубчатые кости лошади.² Предполагается, что часть этих ямок служили хранилищами-кладовками, однако последняя яма

1 Константинов А.В. Древние жилища Забайкалья (палеолит, мезолит). – Новосибирск, 2001. – С. 126.

2 Там же. – С. 131.

вымощенная камнями интерпретируется как культовое захоронение головы хищника, сопровождаемое жертвенным приношением частей лошади.³ На стоянке Санный Мыс (20-18 тыс. лет назад), в 6-м культурном горизонте, в жилище открыта ещё одна подобная яма, расположенная у западной стенки жилища. В яме размерами 0,7 x 1,2 м. и глубиной 0,6 м обнаружены нижняя челюсть шерстистого носорога и обломок черепа горного козла. В этом же жилище на месте «входа» располагался череп шерстистого носорога (без нижней челюсти).⁴ Возможно, предположить, что это жилище было особым для первобытных людей (жилище первобытного знахаря, а возможно даже использовалось как племенное святилище). Стоянка Амогolon (раскоп №1) во 2-м культурном горизонте, в центре раскопа была обнаружена овальная с диаметром 1, 10 м., «хозяйственная яма». Стенки отвесные, дно – чашевидное, мощность заполнения 0,30 м. В заполнении обнаружены отщепы и мелкие косточки животных. На той же стоянке (раскоп №2), в 3-м культурном горизонте было обнаружено жилище, с «хозяйственными ямами», как внутри, так и снаружи жилища.⁵ К сожалению, подробного описания произведено не было. Многослойная стоянка Усть-Кяхта-17 в 5-м культурном горизонте выявила три ямки с заполнением костей и каменных орудий труда. Однако вопрос относить эти ямки к так называемым хозяйственным или нет остаётся открытым. Так как не доказано что в 5-м культурном горизонте располагалось жилище.⁶

Нужно сказать, что все без исключения «хозяйственные ямы» содержат кости животных и каменные орудия труда, либо только кости животных. Предположение о том, что эти ямы чисто хозяйственного, а тем более отбросного назначения вызывает большие сомнения. На это указывает: 1) не используемые в повседневности древним населением черепов и нижних челюстей животных; 2) вымощенное камнями дно и стенки ям, что опровергает мнение о том,

3 Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. – Новосибирск, 1980. – С. 32.

4 Константинов А.В. Древние жилища Забайкалья (палеолит, мезолит). – Новосибирска, 2001. – С. 126.

5 Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. – Новосибирск, 1980. – С. 10-11.

6 Ташак В.И. Палеолитические и мезолитические памятники Усть-Кяхты. – Улан-Удэ, 2005. – С. 36-37.

что все «хозяйственные ямы» использовались как ямы-кладовки. Поэтому их заполнение и факт не распространённости даёт возможность интерпретировать их как специальные жертвенные захоронения костей животных. Они могли являться некими прообразами жертвенников. И скорее всего, выполняли защитную функцию для жилищ и их обитателей.

Далее, необходимо сообщить и об найденных в Забайкалье и относящихся к периоду палеолита предметах искусства и кульгово-обрядовой практики. Здесь нам будут интересны следующие стоянки – Толбага, Студеное, Сохатино-4, Каменка, Хотык. Показательными здесь могут стать находки стоянки Усть-Кяхта-17, в четвёртом культурном горизонте которой была найдена не обычная каменная находка возле юго-западного сектора кострища. По мнению автора находки, она представляет собой незаконченное антропоморфное изображение (по типу Палеолитических Венер), густо покрытое сажей. Интерпретацию этой находки можно было бы легко оспорить, если бы на противоположной северо-восточной стороне кострища, четко напротив этой фигурки не была бы найдена продолговатая, округлая в сечении галька из розовато-серого сланца. Данная находка была трактована как фаллосовидный предмет. В данном ракурсе находки символизируют мужское и женское начало, а их расположение как разделение жилища на мужскую и женскую стороны.⁷ Показательно так же то, что фигурка располагалась именно на южной стороне жилища, из этого можно предположить, что фигурка хранилась как символ процветания и приумножения рода. Нахождение же продолговатой гальки олицетворяющей мужское начало на севере, может символизировать защиту рода. Так же большой интерес вызывают костяные изделия, найденные на стоянке Сохатино-4. Они представляют собой несколько обломков ребер животных со штрихованным орнаментом. На части костей штрихом нанесены определенные композиции, которые, однако, не поддаются распознаванию. Но на других угадываются изображения мамонта и головы убитого животного, судя по всему в пылу охоты. Авторы склоняются к определённой магической роли этих изображений.⁸ Интересна ещё одна

⁷ Там же. – С. 59-60.

⁸ Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. – Новосибирск, 1980. – С. 49-51.

находка на поселении Толбага, в жилище №3 (35 тыс. лет н.). Эта находка представляет собой изображение головы медведя из шейного позвонка шерстистого носорога. Работа выполнена первобытным мастером с помощью каменных орудий, довольно реалистично. Это указывает не только на высокий уровень владения материалом, но и на хорошее знание природы животного.⁹ На стоянке Студеное-2 в 5-м культурном горизонте было открыто многоочажное жилище, на территории которого было сделано интересное открытие, определенное как «жезл начальника».¹⁰ Это обломок среднего фрагмента рога северного оленя, имеющий сквозное отверстие и украшенного орнаментом – вертикальными насечками. На «жезле» обнаружены следы охры, кроме того изделие имеет характерный блеск, скорее всего результат натирания жиром.¹¹ Для чего использовался этот предмет сказать сложно, однако стоит предположить, что он имеет отношение к формирующейся системе верований. На это указывают как остатки охры на изделии, так и примечательный орнамент, которым покрыто изделие.

На палеолитической стоянке Каменка в 6-м слое, комплекс Б (28-24 тыс. л. н.) обнаружен интересный предмет, который не относится ни к предметам искусства, ни к предметам имеющим сакральное значение. Однако находка указывает на развитие мировоззрение древнего человека. Каменный предмет

История и культура Азии. Материалы международной научной конференции – Том 2. – Новосибирск. Институт археологии и этнографии СО РАН, 2002.

имеет форму вытянутого треугольника с острым верхним углом. На поверхности нанесены неглубокие нарезки, расположенные

9 Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. – Улан-Удэ, 1994. – С. 145.

10 Константинов А.В. Древние жилища Забайкалья (палеолит, мезолит) – Новосибирск, 2001. – С. 118.

11 Мещерин М.Н., Разгильдеева И.И. О находках произведений искусства малых форм на палеолитическом поселении Студеное-2/История и культура Азии. Материалы междунар. научной конференции. – Т. 2. – Новосибирск. Институт археологии и этнографии СО РАН, 2002. (<http://www.sati.archaeology.nsc.ru>)

группами по 7 (всего полосок – 21).¹² Было сделано предположение что, это своеобразный лунный календарь, подобные аналоги в науке известны довольно давно.

Из вышеизложенных материалов стоит сделать вывод, что первобытный житель Забайкалья в эпоху палеолита уже имел определённые условия и опыт для создания и потребления духовных ценностей. Четко определяется вектор развития человека, который направлен на постижение окружающего мира, это выражается в изображении зверей и находке каменного «календаря». Животные в этот период, скорее всего ещё отождествлялись с человеком. Человек считал их равными себе, стало быть, человек понимал опасность, которая может исходить от них, но и пользу, которую можно получить. Древние охотники и собиратели уже возможно имели некоторые черты почитания матери-прародительницы, о чем свидетельствует антропоморфная находка на стоянке Усть-Кяхта-17. Притом, эти материалы никак не противоречат данным этнографии. В средневековую эпоху у коренных жителей Забайкалья было такое же разделение жилища на мужскую и женскую стороны. Кроме того почитание матери как символа жизни, плодородия, изобилия отмечается у большинства народов мира, в виде скульптурных фигурок – «палеолитических венер».

Необходимо так же рассмотреть следующую группу предметов – украшения. Это предметы неутилитарного значения, которые не используются в хозяйственной жизни. На стоянке Каменка, в 6-м слое, комплекс А (36-40 тыс. л. н.) расположена стоянка, на которой обнаружены бусины-пронизки, выполненные из костей птиц и камня, как целые так и фрагменты. На поверхности костяных изделий замечены продольные парные насечки. Ещё два других предмета, так же костяных с насечками и заполированной поверхностью – были определены автором находки как «свистки».¹³ Сюда же стоит отнести изделие (предположительно, браслет) выполненное из бивня мамонта, с двумя отверстиями по краю (можно предположить, что это отверстия для продевания скрепляющей материи, фиксирующей «браслет» на руке). На внешней поверхности изде-

12 Лбова Л.В. Палеолит северной зоны западного Забайкалья. – Улан-Удэ, 2000. – С. 51-52.

13 Там же. – С. 59-60.

лия отмечаются многочисленные царапины.¹⁴ Так же, изделия, которые можно трактовать как украшения, были найдены на стоянке Варварина Гора. Сюда можно включить бусину-колючку, диаметром 0,8 см¹⁵, половинку миниатюрного диска с отверстием в центре, со следами охры¹⁶, заполированный черный обломок резца грызуна.¹⁷ На стоянке Хотык (27-22 тыс. лет н.) в раскопе №2, была обнаружена бусина-пронизка треугольной формы из розового камня.¹⁸ А так же обломки округлых пластинок с отверстием посередине (3 шт.), бусины-пронизки (2 шт.) и С-видный предмет, судя по всему обломок, с нанесенным беспорядочным орнаментом.¹⁹ Стоянка Студёное-2 так же выявила бусины (целые и с фрагментами) – 11 экз. Что интересно семь из них выполнены из яиц страуса, остальные из камня.²⁰

Вообще украшения имеют следующие функции: 1) сакральную – здесь они могут играть роль оберега, вспомогательную (талисман для привлечения удачи, для более удачного совершения магических действий); 2) предмет престижа – подчеркивание роли в племени (шамана, вождя, знахаря); 3) декоративную – выполняя задачу украшения внешности человека. В эпоху палеолита, скорее всего, стоит говорить о первых двух функциях, третья появляется много позже. То есть мы можем убедиться в том, что человек эпохи палеолита имел не только возможность, но и необходимость в создании и использовании предметов украшения. Возможно, они в большей степени исполняли роль талисманов-хранителей, оберегов.

Глядя на остатки жилища Санного Мыса, можно представить, как жили первобытные люди, чем они занимались. Но ещё сложнее представить, о чем они думали, чего хотели, к чему стремились. Осматривая жилище, понимаешь, что человек уже слегка «отгоро-

14 Там же. – С. 60.

15 Там же. – С. 76.

16 Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы- Новосибирск, 1980. – С. 33.

17 Лбова Л.В. Палеолит северной зоны западного Забайкалья. – Улан-Удэ, 2000. – С. 76.

18 Там же. – С. 98.

19 Там же. – С. 107.

20 Константинов А.В. Древние жилища Забайкалья (палеолит, мезолит). – Новосибирск, 2001. – С. 119

дил» себя от окружающего мира. Но насколько же это ограждение выросло за тысячелетие!

Мы можем лишь строить предположения о духовной жизни первобытных людей. Рассматривая выше приведённые классы объектов, становится возможным сделать некоторые выводы относительно их религиозных воззрений. Во-первых, религиозные воззрения первобытного человека Забайкалья только складывались в эпоху каменного века, ещё не имея четко выраженного культа. Но у них уже существовала некая сакрализованная система, зачатки верований, позволяющие говорить об определённом уровне развития духовности человека.

Большой уклон в развитии творческого начала человека сделан на изучение и познание окружающего мира. Находки напрямую указывают о зарождающихся (а в определённых долях и зародившихся) представлениях анимистического, тотемистического, фетишистского характера, представлениях о магии. И этот вывод вполне правомерен, если говорить о верованиях первобытных людей в комплексе с их бытовым укладом, хозяйственными занятиями, социальным укладом. Дальнейшее изучение периода древности в Забайкалье, возможно, даст тому подтверждение. И наиболее широко поможет представить картину духовной жизни человека эпохи палеолита.

Примечания

1. Ежов В. С. К решению проблемы генезиса эстетического сознания древнего человека. Гуманитарные науки в Сибири. – №3. – Новосибирск. СО РАН, 1997. (<http://www.sati.archaeology.nsc.ru>)
2. Кириллов И.И., Рижский М.И. Очерки древней истории Забайкалья. – Чита, 1973.
3. Константинов А.В. Древние жилища Забайкалья (палеолит, мезолит). – Новосибирск, 2001.
4. Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. – Улан-Удэ, 1994. – 70 с.
5. Лбова Л.В. Палеолит северной зоны западного Забайкалья. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2000. – 240 с.
6. Мещерин М.Н., Разгильдеева И.И. О находках произведений искусства малых форм на палеолитическом поселении Студёное-2.// Алкин С. В. – отв. ред./ История и культура Азии. Материалы международной научной конфе-

ренции – Том 2. – Новосибирск. Институт археологии и этнографии СО РАН, 2002. (<http://www.sati.archaeology.nsc.ru>)

7. Окладников А. П., Кириллов И.И. Юго-восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. – Новосибирск: Наука, 1980. – 77 с.

8. Ташак В.И. Палеолитические и мезолитические памятники Усть-Кяхты. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2005. – 130 с.

9. Тиваненко А. В. Древние святилища восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. Новосибирск: Наука, 1989. – 202 с.

Династия Щадовых-Малеевых

В.В. Имегенов
МБОУ «Каменская СОШ»

Щадов Михаил Иванович

Вся трудовая деятельность Михаила Ивановича связана с горнодобывающей промышленностью, а именно, с угольной отраслью, где он получил первое горняцкое крещение, стал видным горным инженером. После окончания в 1948 г. Черемховского горного техникума М. И. Щадов работал электрослесарем на шахте «Коксовая» им. Сталина в г. Кузбассе, затем механиком, начальником участка, заместителем главного механика на шахте № 5- бис треста «Черемховуголь».

По окончании Высших инженерных курсов при Томском политехническом институте Михаил Иванович в 1953-1960 гг. был главным инженером шахты на Сахалине, начальником, директором шахты в Черемховском угольном бассейне, а в 1960-1963 гг. возглавлял трест «Мамслюда» на севере Иркутской области. В эти годы наша страна была на пороге экономических реформ и организационных преобразований. Окончив Всесоюзный заочный финансово-экономический институт и Высшую партийную школу при ЦК КПСС, назначается сначала заместителем начальника, затем начальником комбината «Востсибуголь», а с изменением функций управления – генеральным директором производственного объединения «Востсибуголь». На порученных участках работы проявил глубокие профессиональные знания, незаурядные организаторские способности, настойчивость в до-

стижении целей, умение сосредоточить людские и материальные ресурсы на решении главных задач. Под его руководством угольные предприятия стали одними из стабильно работающих и динамично развивающихся в отрасли. При активном его участии были спроектированы, построены и введены в эксплуатацию высокомеханизированные, оснащенные экскаваторами большой единичной мощности разрезы «Азейский», «Черемховский», «Харанорский», «Холбольджинский» и крупная обогатительная фабрика «Черемховская».

В 1974 г. М.И. Щадова назначают заместителем министра угольной промышленности СССР. На этом посту проявились его организаторские способности уже в масштабе отрасли народного хозяйства страны. В 1981 г. он стал первым заместителем министра, а в 1985 г. – министром угольной промышленности СССР. Глубокие знания производства, огромный опыт и склонность к научно-исследовательской работе позволили Михаилу Ивановичу возглавить крупные проекты по развитию угольной промышленности и эффективному использованию отечественных природных ресурсов.

Министр М.И. Щадов приложил много сил и энергии к ускоренному развитию открытого способа добычи угля. Особой его заботой было освоение и дальнейшее развитие Экибастузского, Канско-Ачинского и Южно-Якутского топливно-энергетических комплексов и Кузнецкого угольного бассейна. За время его работы в должности заместителя министра, отвечающего за развитие добычи угля открытым способом в отрасли, и министра угольной промышленности СССР доля открытого способа добычи угля повысилась с 33,8% до 50,8%, т.е. в 1,6 раза. Имя Михаила Ивановича тесно связано со строительством, реконструкцией шахт, разрезов, обогатительных фабрик, с модернизацией машиностроительных заводов в Казахстане, России, Украине, Узбекистане и Эстонии. Все это позволило нашей отрасли обеспечить возрастающие потребности народного хозяйства в угольном топливе и довести объем добычи угля в 1988 г. до 761,8 млн. т, в том числе в России – до 416,5 млн.т, в Казахстане – до 142,4 млн. т. Это был рекордный уровень добычи угля за всю историю страны и союзных республик.

Постоянной заботой министра было строительство новых современных городов, шахтерских поселков с больницами, школами, детскими садами, дворцами культуры и спорта, объектов торговли и социальной сферы для шахтеров и их семей.

Михаил Иванович проявил мужество и гражданский долг, лично участвуя в ликвидации последствий на Чернобыльской атомной станции и ликвидации последствий землетрясения в Армении.

Являясь генеральным директором ЗАО «Горный Конгресс» и членом правления Международной топливно-энергетической ассоциации, он активно участвовал в реализации целевой программы МТЭА «Концепция устойчивого развития энергетики: общественная активность, инициатива и поддержка» и в разработке научного направления концептуального проекта «Новая угольная волна». Он один из авторов новой энергетической идеи на XXI век, инициатор проведения форумов «Энергетика и общество».

Плодотворная трудовая и общественная деятельность Михаила Ивановича по достоинству оценена государством. Он награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, многими медалями, знаком «Шахтерская слава» трех степеней. Ему присвоены звания «Заслуженный шахтер России», «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», «Заслуженный работник топливно-энергетического комплекса». Он удостоен звания «Почетный работник угольной промышленности», «Почетный железнодорожник СССР», «Заслуженный геолог СССР», имеет награды иностранных государств.

За исследования и обоснование направлений освоения минерально-сырьевой базы и технического перевооружения ему присуждена премия Совета Министров СССР (1982 г.), а за создание шагающих экскаваторов большой единичной мощности и внедрение на их основе бестранспортных систем разработки угольных месторождений в восточных районах страны присуждена Государственная премия СССР. В 1988 г. Михаилу Ивановичу присуждена государственная премия Российской Федерации за пятитомное издание «Горная энциклопедия», а в 2001 г. за работу «Анализ и оценка минерально-сырьевой базы

угольной промышленности Российской Федерации», выполненную по поручению Правительства России присуждена премия Правительства РФ.

Михаил Иванович активно трудился на посту Академика – секретаря секции Российской инженерной академии, председателем научного совета Горного отделения Российской академии естественных наук, членом Правления Академии горных наук. Он избран Почетным доктором Санкт-Петербургского государственного политехнического университета и Иркутского государственного горного института.

Министр угольной промышленности крупнейшей в 1989 г. угледобывающей державы мира входил в высший круг руководителей мирового угольного сообщества и пользовался неоспоримым авторитетом и уважением.

Малеев Валерий Геннадьевич

Государственный и общественный деятель. Глава администрации Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. Биолог-охотовед. Родился 28 мая 1964 г в с. Каменка Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. Закончил Иркутский сельскохозяйственный институт (1986) по специальности биолог-охотовед. Работал охотоведом в Республике Бурятия. В родном селе прошел путь от бригадира до директора совхоза. В 1993 г. в том же институте получил специальность зооинженер, а в 1996 г. закончил Иркутскую экономическую академию. В 1996, 2000 и 2004 гг. избирался на должность главы администрации округа. Кандидат биологических наук. Автор ряда научных работ по биологии, зоологии и охотоведению. В 2004 г. выпустил альбом своих фотоснимков «Стоп-кадр: с любовью к природе».

Малеев единственный в стране профессиональный охотовед, возглавлявший субъект Российской Федерации. Специальное образование помогает ему в делах сохранения природы, в охотничьей сфере.

По мнению Малеева, охотничье хозяйство тема очень сложная, особенно в последнее время, когда происходит реорганизация органов государственной власти, отвечающих непосредственно за развитие охотничьего хозяйства, как на федеральном уровне, так и в регионах. В.Г. Малеев считает рациональным закрепление охотничьих угодий за конкретными пользователями, которые имеют возможности и средства, чтобы вкладывать в их развитие. На территории округа уже опробован комплексный подход. Организован заказник «Красный Яр», государственный по своему статусу, и благодаря принимаемым мерам в нем уже растет численность многих видов копытных – лося, изюбра, кабарги, косули. С другой стороны, рядом работает частное хозяйство «Даниловское», где при помощи Фонда поддержки развития промышленности и предпринимательства округа организован олений парк, куда завезли оленей двух видов из Горного Алтая. За счет подкормки, засеивания полей создана высокая концентрация диких животных. Использование государственно-го метода и частного подхода благоприятно отразилось на состоянии дикой природы. В течение четырех лет на территории округа была запрещена облавная охота на косуль. Руководство округом договорилось со специалистами и охотниками – пока численность косуль не начнет возрастать, не использовать этот метод. А спустя четыре года появилась возможность хотя бы на короткое время вернуться к этому древнему обычаю, так как численность косули заметно возросла. Охотники остались довольны возобновлением традиции, а поголовье диких животных после полученной передышки продолжает пополняться.

«Если человек не рыбак и не охотник,- рассказывает Малеев, - то он – ни рыба, ни мясо». Каждый должен иметь какое-нибудь серьезное увлечение или занятие, и надо правильно сочетать охоту с умелым руководством хозяйством. Возможны разные подходы, но только за счет развития охотничьего хозяйства можно эффективно поддерживать численность диких животных, ведь объектом охоты они становятся лишь на короткий период, а все остальное время живут в природе по соседству с людьми.

В. Г. Малеев – автор многих книг и учебников по истории, экономике, народному творчеству родного края, где затронуты

также проблемы экологического и природоохранного направления. Он автор «Красной книги Усть-Ордынского округа».

Драматургия Степана Лобозёрова. Региональные особенности проблематики и конфликта

И.Г. Калмыкова

Асс.

Боханский филиал

ФГБОУ ВПО «Бурятский госуниверситет»

Имя сибирского драматурга Степана Лобозёрова появилось на театральных афишах в самом начале 1980-х гг. У молодого автора было стремительное и счастливое начало, у первых его пьес – удачливая сценическая судьба. К ним сразу обратились солидные академические театры и десятки провинциальных трупп.

Комедии публиковались в альманахе «Современная драматургия». Лобозёров пишет сцены из деревенской жизни, в его пьесах предстаёт российская глубинка. Его герои живут в среде потомков тех русских старообрядцев, которых Екатерина II переместила в Сибирь. Они приезжали туда целыми семьями, а не поодиночке, как другие ссыльные, и местные прозвали их «семейскими». Жили переселенцы замкнуто, хранили верность обычаям и правилам старины. «Семейскими» эти сёла называют до сих пор. Лобозёров родился в 1948 г. в деревне Большой Куналей Тарбагатаевского аймака Бурят-Монгольской АССР. Он родом из своего деревенского детства. Оттуда доскональное знание быта и уклада, понимание житейских и нравственных законов, человеческая основательность живых характеров, яркая языковая стихия. В 15 лет он уехал в Улан-Удэ, занимался в музыкальном училище, окончил институт культуры, был режиссёром в народном театре, писал стихи. Затем появились пьесы «Маленький спектакль на лоне природы», «По соседству мы живём», «За пёстрыми шторами» и т.д. В чём же заключается успех

пьес, в которых предстала жизнь забайкальской деревни, затерявшейся на чудовищно огромных российских просторах?

Конечно, картины, воссозданные Лобозёровым, кажутся нам универсальными, пьесы могут с равным успехом ставиться на любой сцене, в любом городе и, что немаловажно, восприниматься они будут зрителями одинаково, потому что и герои, и происходящее на сцене будут не только узнаваемы, но и традиционны для всей русской литературы.

Герои пьес, где бы они ни представляли, воспринимаются как свои, доморощенные. Да, действительно, в современной драматургии Степана Лобозёрова можно найти и социально-бытовое, и лирическое начало. Красной полосой, как отмечают критики, проходит человеко-вампиловское направление. Его драматургия тесно связана с контекстом творчества писателей Ф. Абрамова, В. Шукшина, В. Распутина.

Но сколько бы ни говорилось об универсальности воссозданных Лобозеровым картин, хочется заострить внимание на региональных особенностях проблематики и конфликта пьес.

В начале 1990-х гг. во времена студенчества вместе с группой практикантов мы побывали на Тарбагатайской земле, в нескольких селах, в том числе и в селе Десятниково. Знакомились с бытом, фольклором, нравами семейской деревни. Разговаривали с людьми, с тайным трепетом стучали в незнакомые калитки и с нескрываемым любопытством и потаенным страхом, переступали пороги семейских домов. А там все как описано у Лобозерова в пьесе «По соседству мы живем»: «Деревенская изба, в которой, прежде всего, бросается в глаза чистота, доходящая до стерильности. Старый комод, кровать, табуретка. В углу множество икон. Домашней вязки половики, коврики. На подоконниках множество цветов в горшках, которые никогда не забывают полить. На стенах гирлянды чеснока, пучки засушенных цветов, трав. Между ними большая рамка, в которую вставлено множество пожелтевших от времени фотографий...».

Спустя много лет вспоминаются лица деревенских людей, наши беседы. Конечно, нас тогда интересовали в первую очередь их фольклор, обычаи, язык. Но сейчас припоминается один разговор с семейской старушкой: «Наша-то Танька недавно за вашего бурята вы-

шла. Раньше у нас такого не было. А что делать? Да и свадьбы ваши буряты богатые делают: золото дарят, денег много, скота... Не то, что у нас ». Вот и думается, нет, не о корысти людей, а о том, что заставляет их мыслить именно так, и жить именно так, и что живут они рядом с нами, такие не похожие, но такие близкие и понятные, «занесённые» когда-то в далёкую Сибирь, в Бурятию.

Деревня, в особенности семейская, в течение веков была крепка верой. А потому даже в самые трудные периоды истории нашей страны выживала. Потому что вера и дух – стержень крепости бытия простых людей, тех, кого называют «солью земли», трудолюбивых и житейски мудрых, одновременно чудоковатых и истинно добрых. Вот и со страниц лобозёровских пьес сходят такие же герои. Конечно, время меняется. Как увидеть, что происходит в семейской деревне, как понять нового человека и что происходит в жизни, где нравственные ценности пересматривались и пересматриваются и как менялся устоявшийся жизненный уклад.

Отсчет творчества писателя, драматурга Степана Лукича Лобозерова начинается с 1982 г. с момента появления его первой пьесы «Маленький спектакль на лоне природы».

Действие происходит в глухой сибирской деревушке. Почти во всех лобозеровских комедиях действие начинается с того, что в семейское село приезжает посторонний, обычно человек городской. Как не приспособлены семейские к городской жизни, к пониманию быта и уклада горожан, как не могут понять поведение, речь, облик приезжих, страшно им кажется дотянуться до той городской жизни, где все не по-ихнему.

Вот и местная жительница Агриппина враждебно настроилась против городской красавицы-интеллигентки, экстравагантной Вики Старковой. Не сойтись им, на первый взгляд, не понять, что на душе у каждой. И стоит ли понимать. Одна – баба, другая – женщина. И Вика со своим неумным, страстным темпераментом кажется совсем легковесной и недостижимой рядом с прочно стоящей на ногах, уверенной в себе статной Агриппиной.

Не вовремя ворвались Журавлевы в семью Старковых, где все «на нервах», все зыбко и мрачно. Да и откуда они, деревенские жители, могли знать, что там бывают такие непростые мотивы для семейных ссор. А дочку Катюку на учебу устраивать надо. Тут любой

побежит. Как, наверное, понятен сельским жителям порыв Каткиных родителей «договориться» с приезжими учеными. И деньги они последние отдадут, и гостинцами одарят. Понятен порыв в особенности людям в семейских селах, так как редко кто из них выезжал и выезжает из деревни в город, а тем более там остается. На протяжении веков отделяли они себя от окружающего мира, жили единым укладом, обычаями старины, сохранили язык свой и элементы одежды, веру свою пронесли сквозь века. Женились и выходили замуж за «своих», рождались дети и росли, жили среди своих. И до того обособились, что непонятен и далек стал им мир за пределами их села. Приезжим даже их имена показались непривычными и странными. Сами старообрядцы говорят: «Имена-то старинные, трудно запомнить. Вера наша была старая, ну и прозвища старые. Старики накрестили».

Но жизнь идет и берет свое. Как бы обособленно они не жили, цивилизация проникает и в старообрядческие дома и в души старообрядцев – сельчан. Недаром Никанор Епифаньч спорит с женой: «Да, в город ей надо ехать учиться!», «Я не был, а Катька – хочу, чтоб была». Он-то лучше всех понимает, что надо дочери, потому что сам тянется к искусству. Из любого другого села уезжает молодежь – запросто, учатся и работают. Не то с семейскими. Редко кто сам захочет начать жизнь в городе. Да и вокруг одно слышится: «Чего ты заладил – город, город... Не была я в твоём городе, что ли? Толкучка что на базаре, что в магазинах, да жулики, которые того и гляди, чего сопрут,- вот и весь твой город». Да, не привыкли семейские ни к кражам, ни к суете, ни к обманам. Жили по совести, по Закону Божьему, работали много и тяжело. Да только всегда хочется лучшей доли для детей, чем всю жизнь им «в колхозе продукцию выращивать».

Деградация сельского населения очевидна повсюду. Коснулась она и семейских деревень. Посиделки за распитием бутылки водки становятся чуть ли не единственным «культурным» мероприятием. Непонятно с каким чувством Варвара (соседка) сообщает всем: «Наши мужики по праздникам (когда изрядно подопьют (авт.)) под нее (под «Амурские волнь») баб гоняют». И Никанор все о том же: «А мы тут окромя ее (водки), ничего не видим. И в жару она, и ... в мирное время. А то ничего нет. Неделями мужики пропадают: нет

завозу, и хоть ты тресни». А то, что «насчет культуры» – только «картины показывают, и этот... драмкружок в клубе на сцене выступает». Вот и рождаются в душе у Никанора горестные выводы: «Чего с нас возьмешь-то? Деревня, она и есть деревня».

Сколько нелегких судеб прячет деревня, где люди боятся раздвинуть рамки своего жизненного пространства. Поведение Агриппины по отношению к Вике оцениваем поначалу, как поведение женщины, верной старым обычаям. В какой-то степени это так и есть. Но случайно от Варвары слышим: «Уехали бы тогда со своим Николаем, не побоялась, и твоя бы жизнь по-другому сложилась». На что Агриппина отвечает: «Чего растравляться? Все равно теперь ничего не вернешь». И враждебность к Вике объясняется теперь несколько по-другому: «...я, как только ее увидела, такую гладкую да холеную... И такая меня обида взяла, такая злость, что не поверишь, так бы разорвала ее. И почто так? За одними всю жизнь ухаживают, как за цветком редкостным, а другим всю жизнь ишачить да глядеть, как твой ...». (Махнув рукой, умолкает). Годами накопленная горечь, неудовлетворенность жизнью сделали Агриппину суровой во взглядах, недоверчивой к людям и уверили в том, что хорошая жизнь не для нее и не для ее дочери: «Там, наверное, городские все учились на это дело с малолетства, а она чего видела? Уж кто вырос в деревне, тот на всю жизнь деревней и останется».

Не сойтись двум мирам, казалось, на первый взгляд. Но не так далеки они, не так велика пропасть между ними.

Непонятной казалась жизнь ученых – горожан. А они – такие же люди. Вике надоели «игры в эмансипэ» и хочется «нежности, хоть кусочка простого бабьего счастья, ребенка ...». Старков устал от постоянного творческого поиска, от неустроенности личной жизни, от собственных комплексов. Где им понять, где заметить, чем живут и о чём мечтают деревенские люди. А в сущности, все, и те и другие, хотят одного: быть нужными, уверенными в завтрашнем дне, успешными и счастливыми. Многие проблемы, затрагиваемые Лобозеровым в пьесах, безусловно, общечеловеческие, понятные всем и повсюду, требующие именно общечеловеческого осмысления и оценки.

На первый взгляд может показаться, что лобозёровские персонажи – это типичные портреты, срисовать которые можно с людей

в любой российской деревне. Но семейская деревня – не средне-статистическая российская деревня. Исторически сложившееся положение делает их особым слоем населения, более незащищенным, уязвимым, отдаленным от плодов цивилизации, культуры, науки. И самое главное, что удерживающий механизм находится именно в глубине их сознания, привыкшего подчиняться единственно своей вере, своему прошлому, своей семье.

Вот и в другой пьесе С. Лобозерова «Семейный портрет с посторонним» мы знакомимся с семьей. Кто же на этом семейном портрете? Хозяин дома – Тимофей уже давно лежит со сломанной ногой. Нетрезвый сел на мотоцикл, теперь нога в гипсе. Жена Катерина которую неделю не едет в город за костылями. Тимофей требует, чтобы ему устроили именины, пока все равно лежит и делать нечего. В доме есть мать старая, да младшая дочь Таня, которая снова собирается поступать в институт и, конечно, мечтает о любви. А пока заменяет пионервожатую в школе и приставлена к сельской гостинице. Правда, гостиница – одна комната в их же избе. Постояльцы бывают редко. Как же дальше сложится судьба Тани, мечтающей вырваться из «тёмного царства», пойти дальше своих предков, порвать с домостроевскими обычаями?

Кладовщик Михаил приводит молодого художника Виктора. Он приехал из города оформлять клуб к празднику. Влюбленного в Таню и безуспешно добивающегося ее расположения Михаила сразу встревожил тот особый интерес, который проявили друг к другу при знакомстве Виктор и Таня. Чтобы как-то оградить свое чувство, он придумывает вздор, нелепицу. Предупреждает хозяев, что постояльца надо опасаться, избегать с ним контактов, так как тот не совсем здоров, из дурдома, дескать. И художника просит быть осмотрительнее, потому что вся семья вроде бы не в себе, «все со справками», а бабка вообще всю жизнь в психушке провела.

Постепенно все обычные действия и поступки, ничего не значащие слова, начинают восприниматься совсем в ином свете, истолковываются по-своему. Напряжение растет, хозяева и приезжий невольно следят друг за другом. Возникает цепочка комических недоразумений. Множится страх. Неосторожная ложь с невероятной энергией и силой закручивает пружину конфликта. Все окончательно запутывается, наступает какое-то общее безумие. И вдруг

обнаруживается внутренний драматизм этой истории. Среди суеты и жизненной суматохи их застигают раздумья о смысле жизни и ценности человеческой личности. Им так хочется праздника, другой, лучшей доли, внимания к себе.

Продолжение истории этой семьи видим в другой комедии С. Лобозёрова «Семейный портрет с дензнаками». Снова неожиданная ситуация позволяет, словно в увеличительное стекло, увидеть все проблемы и несуразности нашего времени. Повзрослевшие и, пожалуй, уже заражённые цинизмом героини известной пьесы оказываются в своеобразной пограничной ситуации. Автор испытывает их деньгами. Тема, близкая всем. Кто из нас в минуту трудную, в момент личного финансового кризиса не мечтал найти миллион? Или хотя бы пару тысяч, или, на худой конец, несколько сотен до получки. И вот он, мешок с деньгами. Только сделал ли он наших старых знакомых счастливыми или спокойными?! Комичная, на первый взгляд, ситуация перерастает в очень страшный драматичный финал.

Глухая отдаленная сибирская деревушка и понятия не имеет, оказывается, о том, что вообще происходит за её пределами. Поэтому героини пьесы, получив огромную сумму денег неведь откуда, и представить не могут, что это за сумма. Таких денег наши колхозники никогда не видели, тем более в руках не держали. Вот и вырывается у Катерины отчаянный вопрос: «А может, деньги уже какие новые вышли, а мы и не знаем ничего?» Наивные сибиряки и понятия не имеют, откуда могла свалиться на них такая куча денег. «Продвинутый» и «ушлый» сват предполагает возможные источники денежного прорыва, и тут озвучиваются те проблемы, которыми, действительно живёт сельская глубинка: припомнили ваучеры, а с ними и «сказки» о будущем процветании, затронули выборы – и тут слышим знакомые до боли рассуждения: «... выборы какие? Так зачем сто пятьдесят, тут за тысячу хоть за чёрта проголосуют». Действительно, проголосуют и за тысячу и за меньшую сумму: «вся деревня сидит на одних пенсиях, зубами щёлкает...» Поэтому без особого удивления наблюдаем за реакцией односельчан на то, как Тимофей деньги получал: «И все смотрят, исподлобья. И все молчком. И даже никто не поздоровался». И, как полагается в деревне, за этим следуют сплетни: «Одни говорят – кое-как на спине уволок,

а другие кричат, брешете, он с тележкой приходил, да на тележке увёз...». Деньги становятся главным персонажем лобозёровской пьесы. Они явились причиной страха, неуверенности, радости, надежд, разочарований, обид.

Желание «жить, как в телевизоре показывают» толкает Михаила на преступление. Самое настоящее преступление, пусть в деревенских масштабах. Сам факт того, что человек идет на грабёж собственной семьи, говорит о разложении моральных устоев старобрядцев. В пьесе данная сцена выглядит комично, но внутренняя её суть скрывает страшную правду: безрадостная, беспросветная, бесперспективная жизнь, отсутствие оплачиваемой работы в деревне, жажда денег, красивой жизни, «как в телевизоре», делают человека слабым, бесхарактерным, способным на что угодно ради получения капитала. Велика власть денег над людьми. В погоне за ними многие теряют свой человеческий облик. Деньги становятся смыслом их существования. Но самое страшное то, что они – «мешок халявы» – не заработанные, «лёгкие», а потому «приятные», их хочется всё больше и больше, и чтоб доставались так же легко. Со всем одуревший от вида такого количества банкнот Михаил готов кланяться сумке с деньгами, танцевать ради получения хоть одной пачки из неё, разговаривая уже не с людьми, а именно с ней, с сумкой: «Чтоб ты за собой ещё пять, нет – десять, сто таких принесла, да с валютой, с валютой!» От постоянно испытываемых неудач, от неблагополучия и непонимания в семье, от недостатка должного воспитания и образования и, наконец, ума Михаилу кажется, что деньги – это крылья: «Да если б мне только эти крылья дали...», а остальное «гори всё синим пламенем». Совсем не о таких крыльях мечтала и продолжает мечтать его жена Таня. Судьба её – это судьба многих семейских женщин. Как и Катька Журавлёва из «Маленького спектакля на лоне природы», Таня мечтала уехать в город, поступить в институт. Да и парень ей в юности полюбился городской, образованный художник Виктор. Но не сложилось, не срослось, уехал Виктор. Слишком большая пропасть между ними, слишком сильны семейные корни, традиции, понятия, что не дают простора для ума, оглянуться, оценить объективно обстановку, умом своим, а не сердцем увидеть, понять, как устроен мир. Та ложь, которую выдумал Михаил когда-то в юности, символична в понимании отноше-

ний между городом и деревней. Таня смирилась со своей участью остаться дома, вышла замуж за Михаила, но не смогла стать счастливой и сделать счастливым его. Да и рядом никого не было, кто бы подтолкнул, посоветовал, направил на путь истинный. Поэтому и живут они испокон веков и до сей поры бабкиным умом. Недалёкая, на первый взгляд, суеверная и смешная старуха оказывается для всех единственной опорой, стержнем их существования, хранительницей домашнего очага, заступницей перед Богом и людьми, как впрочем, было и должно быть в семейских домах. Это она, по неграмотности своей не зная, как объяснить всё происходящее, одним сердцем своим, молитвами стоит за всех тех, кто погряз в пучине пороков. Привыкшая стоять на страже спокойствия и благополучия своей семьи, бабка инстинктивно перебрасывает «беду», как ей кажется, на «голову» чужого человека (свата). Это она, человек старой веры, старой закалки знает, как ей жить и чего бояться: «А чего мне бояться – помолилась да и легла. Это вы-то молиться никак не хотите, вам и страхи разные; ... чего лучше-то: или одного Бога бояться и ничего больше, или всего на свете, каждого куста, стука каждого». Сумка с деньгами для неё – «мешок с чертями». Деньги, по её понятиям, надо получить и обрадоваться – заработанные же. Это она в ужасе восклицает: «Мишка, да это что ж ты только делаешь то? Ведь это же всё не просто так, ведь ты же от Бога, и от семьи, и от всего отрекаешься, как ты потом жить-то будешь?»

Тема денег плавно перерастает в тему разрушения старообрядческой семьи, которая на протяжении веков была эталоном крепости и верности. Нет давно семьи у Тани и Михаила, вечно жаждущий выпить Тимофей превратил жизнь жены в ад. Став в одночасье богатым человеком, развязный Тимофей считает себя хозяином положения. А ведь, действительно, такой вот расклад становится нормой нашей жизни: «Это такая вещь – дензнаком называется. Вот у кого они есть, столько или несколько таких куч, так на том словно бы знак такой поставлен: и не видно, а все его видят! И все уважают, и все расступаются, и все кланяются...» Вот закон новой, для семейских, жизни: «Жить как эти... как в кино чтобы: ездить всюду, да отдыхать, да чтобы... швейцары разные в гостиницах!»

Сумка с деньгами – это лишь предлог, случай показать то, что многие не замечают в повседневной жизни. Когда нет прочной

основы под ногами, когда рвутся корни, связующие с прошлым, с культурным наследием, с обычаями, традициями, когда не сложилось устойчивое мировоззрение, очень просто утратить свой человеческий облик, принять ложное за действительное, попасть под пагубное влияние цивилизации. Законы «новой» лёгкой жизни – волчьи законы. Прав тот, кто сильнее, уважаем тот, кто богаче. Поэтому болит сердце писателя Лобозёрова. Нет понимания между матерью и сыном, мужем и женой, старшим и младшим поколением. За смешными сценами скрывается страшная правда разрушения старообрядческого мира.

Драматургия Степана Лобозёрова – бесценный вклад в развитие регионального искусства. Пьесы Лобозёрова поставлены на сценах более 200 российских театров. Это, несомненно, фантастический успех не только для регионального («национально-провинциального») литератора, но и для любого человека, думающего, говорящего и пишущего на русском языке. Так в чём же секрет популярности его комедий? В редком сочетании остроумия и умения создавать яркие и образные характеры героев, говорящих сочным языком. Ситуации, которые он выписывает в своих пьесах, всегда очень точно и тонко подмеченные... И живые, и настолько узнаваемые... Герои его пьес пришли в большие и малые театры России так же естественно и просто, как живут рядом с нами их прототипы. В его героях можно найти всё, что мы видим в нашей жизни. И характеры, осенённые любовью, народным юмором и светлая нотка простого, обыкновенного человеческого чувства.

В своих пьесах Лобозёров поднимает проблемы общечеловеческого масштаба. Но есть в них и то, что понятно только людям, которые живут «по соседству» с героями пьес Лобозёрова.

В пьесе «Маленький спектакль на лоне природы» не просто конфликт между городом и деревней, а конфликт между городом и семейской деревней. Герои страдают из-за того, что не могут понять, принять городского образа жизни. В силу того, что забайкальские семейские жили всегда обособленно, одним миром, одной верой, они никак не могут вклиниться в современное течение жизни. Трагедия людей, которые не могут преодолеть рамки своего жизненного пространства, велика. Это сломанные судьбы, несбывшиеся

мечты, не выявленные таланты, невостребованные и забытые человеческие силы.

Другая пьеса – «Семейный портрет с дензнаками» – показывает, как неверно могут люди истолковать для себя понятия «свободы», «крыльев», «счастья». Могут ли сделать человека счастливым деньги? Наверное, нет. Ведь самое главное в жизни, как считает Лобозёров, это «сохранить своё человеческое достоинство, потому что это значит ответственность, самостоятельность и самоуважение». К сожалению, многое в нашей жизни рассчитано на то, чтобы уничтожить это чувство, умалить его, унижить. Как не умеем мы подчас понять своих близких, услышать и поверить друг другу. Не спешим увидеть лучшее в других. А надо уметь жить по соседству, беречь добрые и чистые движения души. Об этом комедии Лобозёрова. Тема разрушения духа деревни не случайна: тревога и боль за судьбу своей страны и родной деревни, которая для него всегда была «солью земли», не покидают его.

В чём же причина разрушения семейской деревни, семьи? Жители деревень, в особенности семейских, поставлены в чудовищные условия выживания, предоставлены сами себе, отодвинуты за грань современной жизни. Отсюда пагубные привычки, семейные ссоры, личные трагедии. Экономические трудности региона не позволяют развиваться и процветать сельской местности. «Выращивать продукцию» неизвестно для кого и непонятно за что, нет смысла. Привыкшие работать на земле, семейские с трудом адаптируются в городе.

Изучение творчества драматурга Лобозёрова – неперевернутая страница в отечественной литературе, в литературе Бурятии. Всестороннее изучение творчества писателя – задача, которая далеко ещё не выполнена.

Примечания

1. Абдуллин А.Х. Вдоль деревни: пьесы. - М: Советская Россия, 1987.
2. Лобозёров С. Пьесы. – Улан-Удэ, 2007 г. – Улан-Удэ: ООО «НоваяПринт». – 336 с.
3. Пьесы молодых драматургов.- М: Советский писатель, 1989.
4. Семейские в панораме веков // Материалы республиканской краеведческой конференции школьников в с. Бичура 23-24 апреля 1998 г.- 2000.- С.103-105.
5. Семейный портрет в развитии // Центральная газета.-2001.№4.-С.15.

6. Семейный портрет с дензнаками // Современная драматургия.- 1992. №2.-С.2-20.

7. Тулохонов С. Силуэты писателей Бурятии. – Вып. 1.- Улан-Удэ, 1992. – С.82-83.

8. Шаховской Е. Лобозёров С. О настоящем и альтернативном // Бурятия.- 2002. №60.-С.5.

Некоторые аспекты исследований обрядов инициации у древних бурят

С.Н. Марактаева
МБОУ «Аларская СОШ»

В традиционной культуре бурят конца XIX-XX вв. положение женщины характеризовалось сугубо патриархальными отношениями, определяющими огромное табуированное пространство, основой которого является сакрально-ритуальная мизогиническая норма, существенно принижающая женщину в юридических, экономических, моральных и иных правах. Одновременно исследователи отмечают, что при довольно низком в целом статусе женщины иногда обладали высоким положением. Обычно это было связано с благополучной реализацией её репродуктивной деятельности. Например, К.Д. Басаева в монографии «Семья и брак у бурят» (1991) отмечала, что в семье положение женщины-матери было не менее высоким, чем у главы-мужа. Роль хозяйки дома была значительной. Она выполняла по отношению ко всему семейно-родственному коллективу жизненно важные функции: организаторские, хозяйственные, воспитательные, идеологические и т. д. Мать в силу своего авторитета и уважения выполняла основные воспитательные функции в семье, как в трудовом, так и в нравственном отношениях. Она следила за надлежащим поведением всех молодых членов семьи, обучала внуков элементарным трудовым навыкам, прививала нормы и этикет внутрисемейных и общественных отношений. Мнение хозяйки дома имело большое влияние внутри семьи и во всём кругу ближайших родственников. Её голос принимался

в расчёт, а иногда был решающим при заключении брака её детей, распределении семейного имущества и т. д.

Такое положение свидетельствует о том, что в памяти, в быту бурят сохранились реликты социальных, нравственных моральных, юридических и других норм, обрядов и ритуалов, в которых подчеркивается главенствующая роль женщин.

Существует довольно много устных рассказов о самостоятельности и активности бурятских женщин. Они, например, могли совершить побег из семьи мужа «зимой по бездорожью сквозь тайгу с острова Ольхон, отстреливаясь от погони, волков и разбойников». Крайней формой проявления решительного протеста являлся суицид, совершённый «улейскими девушками». Об энергичном характере бурятских женщин упоминали русские путешественники и бельгийские миссионеры, отмечавшие в своих записях, что «мужья нередко побаивались их».

Начальный период взросления девушки имел явно выраженный характер, сопровождался особыми обрядами. Речь идёт о проведении обрядов верифицирующих очередную стадию физиологического и психологического развития женщины. При этом следует отметить несоответствие сроков физической и социальной зрелости, поскольку известны примеры обручения малолетних детей от 1 года до 10-12 лет.

Моделируя последовательность этапов женской инициации в культуре древних бурят, следует, в первую очередь, отметить архетип этапов посвящения, а именно, смерть, сакральность, сексуальность. Все 3 вида опыта у ребёнка отсутствуют, посвящаемый узнаёт о них в процессе обряда и подготовки к нему, принимает их и включает в структуру становления своей новой женской личности.

При этом можно условно выделить 3 этапа посвящения. **Первый этап**, в соответствии с архетипом, характеризуется дизъюнкцией, «изъятием», неофита из общества, из категории «дети» и помещении его в некое пространство, символизирующие инобытие. На данном этапе происходит изменение облика и поведения неофита, которые символизируют нахождение девушек в состоянии ритуальной смерти, во время которого они под руководством опытных женщин-жриц (возможно шаманок уда-

ган), проходили разные испытания, после чего следовало возрождение в новом качестве и включении их в социум, в группу «взрослые».

Изменённое состояние соотносилось с принятием девушкой животного облика. В мифологии бурят существует представление о девах-оборотнях, могущих превращаться в птиц, волков, лисиц, собак и т.д. вероятно здесь имплицитно проявляются тотемные представления древних бурят. Чаще всего встречаются темы связанные с образами птиц. Так, по бурятской легенде души умерших женщин вселяются в сорок, мангатхайки в бурятских улигерах хранят свои души в виде перепелок.

Что касается обряда, то на начальном этапе эти образы амбивалентны. Например, по поверьям молодые девушки, умершие до свадьбы, превращались в орнитоантропоморфных, то есть совмещающих черты человека и птицы, демонических духов – муу шубуун (плохие птицы).

Существует довольно подробное описание их внешнего вида: очень красивые молодые девы с железными клювами и ярко-красным ртом, которые они старательно прятали. Сохранилось и упоминание места обитания этих существ, подтверждающие принадлежность их к иному миру – лес. Представление о женщине-птице встречается не только в устном фольклоре.

Знаком, подтверждающим нахождение девушек-неофиток в орнитоморфном состоянии, является ношение ими девичьих украшений – саажа и нархинсак . Обычно они рассматриваются как компонент, тесно связанный со стилевыми локально-региональными особенностями костюмного комплекса западных бурят. Такой вид украшений обычно надевали девушки на выданье для участия в молодёжных нааданах. Во втором случае, в их основе была проклеенная в несколько слоёв ткань или кусок кожи, обтянутая красным тонким сукном на твёрдую основу и пришитая металлическими пластинами. Верхний конец саажа венчался продолговатыми посеребрёнными пластинами, а нижний – пучками кистей из кручёных шелковых ниток. Таким образом, украшение состояло из трех полос ткани (кожи): 2 по обе стороны лица, закрывая виски и одна сзади вдоль спины. В ширину эти полосы были около 10 см., в длину спускались ниже

пояса, чуть расширяясь к низу. На нихшивали продолговатые металлические (серебряные) пластины прямоугольной формы, примерно 3х8 см., ничем не украшенные, нашитые в 3 ряда.

Этот вид украшений, вероятно, выступал в значении стилизованных изображений птичьих перьев, а расположение вокруг головы по обе стороны лица и на затылке символизировали крылья и хвост. Под этим углом зрения можно рассматривать и налобное девичье украшение юбун (юбуу) также изготовленное из серебра или посеребренной пластины «в виде сердечка». О его инициационном характере говорит то, что его появление является своего рода сигналом посылки сватов. Я думаю, что данное украшение является рудиментарным знаком, символизирующим железный клюв. С.П. Балдаев («Бурятские свадебные обряды», 1959), описывая наряд невесты, делал акцент как раз на орнитоморфный момент: «С двух сторон головы прикрепляют по гребню из бронзы или из меди, на темя прикрепляют птицеобразную фигуру – юбуу, головой, выходящую на лоб, а крыльями к вискам, хвостом же к затылку. Сзади к хвосту прикрепляется гэзэг в виде серебряных пластинок, украшенных серебряной насечкой, спускающихся до колен».

Таким образом, появление налобного украшения, в сочетании с украшениями саажа, а так же в вечерках-нааданах, в целом символизировало определенный этап, после которого следовало окончательное изменение социального статуса девушки – замужество и, как следствие этого, переход в группу взрослых.

Знакомство неофиток с понятием Смерть/Жизнь, дают знания в таких областях как сакральность и сексуальность. Муу Шубуун красивы, яркие, первым впечатлением бывает притяжение. У них бросающийся в глаза красный рот. С другой стороны, их эротизм несёт в себе внутреннюю, смертоносную опасность. Однако в обряде это могло символизировать получение знаний и опыта в таких областях как женское шаманство и жречество.

Встречи юношей с демонически воинственными женщинами служили средством получения определенного опыта в деле познания женщиной того, что она является творцом Жизни/Смерти. Полученные знания умения и навыки пригодятся во взрослой жизни как для выполнения функций Хранительницы душ

детей и животных, домашнего очага, так и для проведения почитательных обрядов (роды, свадьба, похороны) в ритуальной жизни общества.

Интересным является способ победы над этой демонической сущностью. В легенде говорится, что богатырь Загашибухэ вышел победителем в схватке с Муу Шубуун, вырвав у неё хэтэ (комочек мяса подмышкой, скрывающий, по представлению бурят, «жизненную силу») персонажа.

Таким образом, обрядовая суть сюжета, связанная с процессом изменения неопита сохраняется.

Второй этап посвящения способствовал становлению женской личности. Для его прохождения требовались не только знания, но отвага и жертвенность. Этап является отражением почитательных обрядов, связанных с тайными женскими «магико-религиозными» военизированными союзами, обычно связывавшимися с «амазонством».

Формирование такого явления как бурятские амазонки [приложение, рис. 7] способствовал целый комплекс биологических, локальных, социальных и идеологических факторов.

Но в бурятском фольклоре есть другие образы женщин-воительниц. Они соотносятся с незамужними девушками, проходящими разные испытания. Эта героини богатырских эпосов. Их облик, поведение так же говорит о большой самостоятельности и значимости. Могучие воительницы соперничают с мужчинами в ловкости, силе и отваги. Верша свои подвиги девы-богатырки ничуть не уступают богатырям. Героиня эпоса Алма Мэргэн даже превосходит Гэсэра как стрелок и охотник. Красавица Урмай-Гоохон, спасает попавшего в беду героя, обрушив скалы на зловердного Лопсоголдою.

Таким образом, по архаическим представлениям бурят образ девушки переходного периода (на выданье) сочетает в себе одновременно орнитоантропоморфные черты, а также богатырство и шаманство.

Полученные навыки пригодились во взрослой жизни. В средневековье бурятские женщины были хорошими воинами-охотниками. Нередко их профессиональное превосходство вызывало зависть у мужчин.

Существуют фольклорные материалы, свидетельствующие о том, что женщины не только руководили охотой, в которой принимали участие представители обоих полов, но и составляли отдельную военизированную единицу. На этапе амазонства девушки, как и юноши должны были проходить испытания через военные действия, а также борьбу и состязания, в том числе друг против друга. Например, об инициационном противостоянии юношей и девушек свидетельствует легенда, объясняющая форму одежды борцов, где говорится, что на состязаниях девушки побеждали мужчин. Со временем им запретили бороться, но девушки под видом парней продолжали принимать участие и одерживали победы. Тогда решили создать одежду, открывающую грудь борца. Следует отметить, что в период инициации наступал примерно с 12-13 лет, поэтому девушка этого возраста вполне могла победить своего ровесника.

Естественно в бурятской культуре женщины – прародительницы/воительницы/демоницы – собирательные образы женщин, живших в условиях сохранившихся матрилокальных отношений или кочевого, полукочевого образа жизни, не отвергающего участия их, в том числе и в военных компаниях.

На **3 этапе** цикла инициационных обрядов неопитка, обладая необходимыми знаниями, умениями и навыками готовится интегрироваться в группу взрослых. Здесь её образ приобретает положительную валентность, он становится более реалистичным, природным (например, птица-лебедь Хун Шубуун). Это отражено в известном сюжете, где герой встречает у моря лебедей, которые превращаются в девушек – верховного бога Эсэгэ Малана. Таким образом, можно выделить следующие обрядовые моменты:

- а) Возвращение происходит между мирами (у воды);**
- б) путешествие (полет) неопиток из иного мира в этот мир;**
- в) церемония очищения (купание);**
- г) окончательное обретение человеческого облика.**

После периодов «жречества» и «амазонства» девы воительницы / воскресительницы, демонстрируя шаманские способности, превращались вначале в «реальных» животных (сорока, ле-

бедь, кукушка, ястреб), потом в человека. После чего выходили замуж.

К невербальным знакам данных представлений можно отнести женский костюмный комплекс, который являлся вместилищем сокращенной информации о предках женщины и её рода. Весь комплекс верхней женской одежды, состоявший из шубы (халата) и безрукавки, символизировал некое мифическое синкретическое существо, тотемную прародительницу – лебедь-маралуху. Считается, что женские безрукавки символизируют сложенные крылья лебедя. У буряток сохранилось особое трепетное отношение к этим птицам. Увидев стаю лебедей, женщины приветствовали их, брызгая им вслед молоком.

Косвенным подтверждением данного мотива является исполнение на нааданах девичьего хоровода «Ульмэшээлгэ», который танцевали на полупальцах. Его танцевали в честь Белой Лебеди-праматери, потомками которой стали такие роды предбайкальских бурят как шарайт, хангин (Аларский и Нукутский районы Иркутской области). Считалось, что «небесные девы» в серебристо-белых одеждах спускались на землю и устраивали игрища.

Кроме того, в бурятской культуре существовал девичий хоровод «хайбар», во время исполнения которого девушки старались, чтобы украшение «сааж», ударяясь друг о друга или косы соседок, издавали звон. Танец являлся отражением культа коня. Считалось, что в его основе лежало подражание звону и шелесту конских украшений. Также металлический звон мог служить сигналом появления неопиток, который со временем трансформировался в оберег и разгонял, распугивал нечистую силу, являлся стимуляцией плодородия и благоденствия, поскольку серебро женских украшений являлось вместилищем сакральной субстанции сульдэ («душ детей и животных»)

Таким образом, обряды перехода способствуют приобретению необходимых качеств с тем, чтобы впоследствии женщина могла выполнить свою основную функцию – рождение и воспитание детей. В обрядах женской инициации становление личности подразумевают формирование свойств Хранительницы домашнего очага и семейного благополучия. Неопитка получа-

ет знания по выполнению определённых отправлений, умению общаться с иным миром, и т.д., чтобы впоследствии овладев сакральными способностями, она могла создать семью и заниматься домашним хозяйством.

Примечания

- 1) Дондокова Л.Ю. Статус женщины в традиционном обществе бурят. – Улан-Удэ, 2008.
- 2) Николаева Д.А. Обряды женской инициации у древних бурят. – Улан-Удэ, 2007.
- 3) Хангалов М.Н. Женская община и шаманизм. – Улан-Удэ, 1996.
- 4) Хангалов М.Н. Собрание сочинений. – Том 1. – Улан-Удэ, 2004.
- 5) Хоуп М. Сущность женщины. Её сила, тайна, архетип. – Улан-Удэ, 2004.
- 6) <http://www.club.osinka.ru/>ru
- 7) <http://www.rubur.ru/>ru
- 8) <http://www.owasia.ru/>
- 9) <http://www.irkipedia.ru/>ru

Учительская династия

Моей семье посвящается...

Е. Мисайлова

Ученица 11 класса

С.А. Мисайлова

МБОУ «Казачинская СОШ»

Педагог, на наш взгляд, это человек от порядочности, чести, убежденности которого зависит судьба вверенных ему маленьких граждан. Идти в такую профессию можно только с осознанием того, какая ответственность ложится на человека, сделавшего этот выбор. И когда продолжателями дела своих родителей становятся их дети, можно быть уверенным – здесь нет случая, нет ошибки, а есть полная уверенность в своих силах и правильности выбранного пути. Педагогические династии и семьи – наша гордость. Они вносят огромный вклад в дело образования и воспитания школьников.

Из поколения в поколение члены моей семьи как эстафету передавали гордое знамя учительской профессии. Они преподавали разные предметы, но их объединяли профессионализм, стремление к творчеству, строгая взыскательность к себе и желание отдавать сердце детям. В целом же педагогический стаж династии – Бровко – Ивановых Гапеевцевых – Мисайловых составляет более ста лет! Я преклоняюсь перед ними, избравшими этот нелегкий труд.

Педагогическая родословная – повествование о роде профессиональной преемственности, в которой устанавливается происхождение, степень родства членов семьи, даются фактические сведения, оценочная характеристика тех представителей рода, которые являются носителями фамильного дела, то есть составляют учительскую династию. С чего начинаются учительские династии? С любви к профессии, к детям и умения эту любовь передать по наследству.

Биографию моих родственников можно уложить в одну фразу: «всю жизнь в школе». С детства я жила в веселой путанице: дом – это школа (родители, бабушки – учителя: всюду учебники, тетрадки, разговоры о школе и учениках, их успехах и «двойках»). Школа – это дом (в школе работали и бабушка – учитель русского языка и литературы, мама – учитель истории, папа – учитель ОБЖ в школе они допоздна, и я – как ученица). И вот я ученица 11 класса, мне предстоит сделать судьбоносный выбор – выбор профессии на всю жизнь. С раннего детства мечтала быть учителем с малых лет окружена школьной атмосферой: полки книг, методическая литература, мамы учебники. И тетради, тетради... Вся жизнь родителей, как учителей, проходит на моих глазах. В нашей семье мы все понимаем ценность и необходимость образования. Мне очень нравится профессия учителя русского языка и литературы. Но надеюсь, что тоже продолжу учительскую династию неважно, где я буду работать, главное, что в моей жизни есть точка отсчета: семья, мама, родная школа и наше прекрасное село Казачье.

Профессиональная «родословная» нашей семьи Бровко – Ивановых – Гапеевцевых – Мисайловых, хотя и не претендует на звание самой длинной, начинается с начала XX в., когда моя прабабушка Татьяна Петровна поступила в 1940 г. в Тулунское педагогическое училище; когда продолжила традиции моя двоюродная бабушка Иванова Мария Тимофеевна, поступив в Боханское педагогическое

училище имени Д. Базарова в 1952 г. по специальности «Учитель начальных классов», её младшая сестра (моя родная бабушка) Иванова Галина Тимофеевна в 1968 г., пойдя по стопам старшей сестры, окончила Боханское педагогическое училище имени Д. Базарова и заочно Иркутский педагогический институт по специальности преподаватель русского языка и литературы. Дочь Марии Тимофеевны – Елена также пошла по стопам матери, и окончила Тулунское педагогическое училище и заочно Иркутский педагогический институт по специальности «Учитель начальных классов». Внучка Татьяны Петровны – моя мама, Мисайлова Светлана Анатольевна, также окончила Иркутский педагогический институт по специальности «Учитель истории и обществознания» и к ним можно добавить моего папу – Мисайлова Сергея Николаевича, который только начал свою педагогическую деятельность. Вот и можно сказать, что среди сотен, тысячи педагогов есть и такие, для которых педагогический труд становится смыслом жизни. И как в старину, секреты свято оберегались, передавались из поколения в поколение, так и в семьях педагогов труд учителя становится семейной традицией, образуя плеяды педагогических династий. Каждый представитель династии по-своему уникальный человек и талантливый учитель.

Моя прабабушка – Бровко Татьяна Петровна родилась в 1924 г., детство было трудным и тяжелым, сначала она работала в колхозе, затем поступила в педучилище. Когда началась война, она уже училась на первом курсе. Пришел представитель райкома комсомола и провел запись желающих идти на фронт. Изъявили желание многие, прабабушка тоже записалась, но так как ей было только 17 лет, её не взяли. Но она не осталась в стороне, вместе с другими заготавливала дрова, собирала металлом, ухаживала за больными. В 1943 г. закончила педучилище по специальности учитель начальных классов и физкультуры, её направили работать в Икейскую семилетнюю школу преподавателем физкультуры. Проработав полгода, оставила школу, добившись отправки на фронт. Прабабушку отправили на Восток, как она вспоминает, что они плакали с девочками, не желали на Восток, а хотели в действующую армию. Попала она в штаб, была писарем – чертежником, а также участвовала в строительстве оборонительных сооружений, дзотов, дотов на границе с Японией. Весть об окончании войны встретили салютом. В июне – июле ста-

ли прибывать части, готовились к войне с Японией. Но в военных действиях она не участвовала. На Востоке прослужила 4 года. Вышла замуж, уехала на Алтай, в местечко Белокуруха, известное сейчас как курорт. Вскоре брак распался, прабабушка вернулась домой в Нижний Бурбук. Поступила заочно в Иркутский педагогический институт на факультет русского языка и литературы. Поработала дома 3 года, уехала в Шеберту Нижнеудинского района, Там встретила свою судьбу вышла замуж за учителя биологии, Михаила Васильевича Маркова офицера в отставке, участника, инвалида войны, у которого после смерти жены осталось двое малолетних детей. Прожили счастливо всю жизнь. В 1991 г. по состоянию здоровья ушла из школы, проработав в школе без малого 50 лет. Всю свою жизнь посвятила любимой работе – обучению и воспитанию подрастающего поколения. Своим чутким тактом и высоким педагогическим мастерством Татьяна Петровна многим привила любовь к своей профессии. Имеет две трудовые награды: медаль «За доблестный труд к 100 – летию со дня рождения Ленина», медаль «Ветеран труда». Награждена Орденом Отечественной войны, орденом «Знак фронтовика», медалью «За победу над Германией», «За победу над Японией» и многочисленными юбилейными наградами.

Моя двоюродная бабушка – Иванова Мария Тимофеевна после окончания училища работала в Тулунском районе учителем начальных классов Н – Бурбукской средней школы, затем в старших классах, что только ни преподавала и русский, и математику, Мария Тимофеевна в 1973 г. поступает в Бурятский педагогический институт им. Д. Банзарова.

С 1970 по 1972 гг. работала заместителем директора по учебно-воспитательной работе, с 1975 г. – директором Н-Бурбукской школы.

Моя бабушка – Гапеевцева Галина Тимофеевна педагогический стаж – 42 года. Уважение и любовь к моей бабушке предопределили мой будущий профессиональный путь. Я обращаюсь к своему сочинению, которое писала как раз по данной теме: «Талантливый человек, которого я знаю, всегда рядом со мной. Это моя бабушка Гапеевцева Галина Тимофеевна, которой я горжусь. Она всегда говорила, что всего можно достичь. Многие губят свой талант бездельем. Но бабушка умеет упорно трудиться, это главное

составляющее ее успеха». Она очень активный человек и чтобы не происходило в школе она везде принимала непосредственное участие. Сейчас она находится на заслуженном отдыхе, без дела не сидит, а главное, помогает мне в подготовке к единому государственному экзамену по русскому языку. Бабушка награждена грамотами районного и окружного отделов образования.

Моя тетя, мамина сестра, Соловьева Елена Петровна проработала в своей родной школе, как и ее мама, больше 25 лет. Моя любимая тетя Лена знает секрет учителя начальных классов – видит в каждом ребенке личность.

Моя мама – Мисайлова Светлана Анатольевна проработала в школе учителем истории и обществознания более 20 лет. Мама – жизнерадостный и творческий человек. Вместе с мамой я участвую в различных конкурсах, викторинах и олимпиадах, и наше сотрудничество приносит не плохие результаты. Мама награждена грамотами районного и окружного отделов образования

Мой папа Мисайлов Сергей Николаевич только в 2010 г. стал учителем, он преподает ОБЖ и физкультуру. Папа – человек, который любит детей, находит радость в общении с ними, верит в то, что каждый ребенок может стать хорошим человеком, умеет дружить с детьми, принимает близко к сердцу детские радости и горести, знает душу ребенка.

Подводя итоги своих исследований, я выявила статистические данные нашей учительской династии и определила свои критерии идеальной модели учителя в цифрах и схемах. Педагогический стаж нашей династии составляет 154 года, административный стаж более 30 лет, за 154 года – 54 выпуска, призовые места в конкурсах и олимпиадах (более 50), Участие в районных семинарах (более 25) и медалистов – 25 учащихся. Все это говорит о профессиональной пригодности преподавателей моей династии, и я с гордостью могу сказать, что учителя моей династии – это идеальная модель педагога.

Герб нашей учительской династии. Сегодня герб семьи не потерял своего значения. Пожалуй, единственный «рецепт» в его создании – это общий труд! Здесь присутствует психологический момент: все ближайшее родственники должны вместе подумать о

том, что их объединяет, чем они могут гордиться, вспомнить о своих общих достижениях.

Описание герба: герб изображен на четырехчастном итальянском гербовом щите, имеющем кайму (бордюр) голубого цвета. Деление имеют цвет серебра. В левом первом делении изображена сова – символ мудрости, наличие профессиональных знаний и умений. Правое деление – пылающее сердца, обозначающее преданность своей профессии, своим ученикам. Третье деление – колонна, алтарь обозначающее постоянство в мыслях, принципах, вера в хорошее будущее своих учеников, своих детей. Четвертое деление – якорь, надежда на благополучие, любовь и счастья.

На вершине щита – раскрытые ладони рук (ладонь обозначает искренность) с книгой как источником знаний, как искреннее, открытое отношение к каждому ученику.

Также нами был выбран девиз: «Человек вырастает по мере того, как растут его цели».

Вот и все секреты нашей педагогической династии. Я думаю, они достойно пополняют огромную копилку секретов особой планеты, которая называется УЧИТЕЛЬСТВО, где живут люди особой профессии – святой и вечной, и я решила присоединиться к ним, выбрав профессию педагога.

Историография экономических и политических процессов в конце XIX – начале XX вв. в Западном Забайкалье

И.С. Рыбаченко
Учитель истории и обществознания
МБОУ «Воробьевская СОШ»

Изучение опыта предыдущих поколений является актуальным на современном этапе и может в будущем помочь в решении проблем современности.. Более века назад в России углублялись и расширялись капиталистические отношения и для того, чтобы глубже понять суть происходящего в современной рыночной Рос-

сии, мы исследуем указанный период развития Западного Забайкалья с исторической и научной позиций.

Первые публикации по Забайкалью появились в конце XIX в. в «Материалах высочайше учреждённой под председательством статс-секретаря Куломзина комиссии для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области». Богатый фактический материал, касающийся многих вопросов экономического быта сельского населения края, нашел отражение в работах официального направления – статьях, очерках, обзорах служивших в Сибири чиновников, ревизоров, посещавших самые отдаленные районы края, сочинениях местной интеллигенции. В материалах комиссии содержатся обобщённые статистические сведения, данные о состоянии производительных сил, результаты исследований земельных отношений и сельского управления в Забайкалье, аграрной политике царизма. Также имеются сведения об отводе земель русским переселенцам в начале XIX в., о возникновении населенных пунктов «по памяти населения», однако ряд статистических данных, относящихся ко второй половине XIX в. не отличаются точностью. Недостатки собранных комиссией сведений подробно рассмотрены в работе И.А. Асалханова «Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в.» [1]

Официальное направление в историографии особенно оживилось на рубеже XIX и XX столетий в связи началом массового переселения и землеустройства в Сибири, при этом представители официального направления явно идеализировали политику царизма, условия жизни и взаимоотношения русского и коренного населения региона. В целом следует отметить, что сочинения официального направления, авторы которых часто не выходили за рамки литературы описательного характера, являются скорее источниками, нежели серьезными научными работами. Основная ценность этих трудов заключается в том, что они содержат конкретный фактический, цифровой материал, который при известном критическом подходе может быть использован для характеристики экономического и политического развития Западного Забайкалья.

С точки зрения гуманизма и патриотизма, присущих их взглядам, подходили к изучению истории Сибири декабристы. «Близость к населению, умение слиться с образом его жизни и понятий, сделали их наблюдения и выводы одним из самых ценных источников своего времени», – писал В.Г. Мирзоев, автор монографического исследования «Историография Сибири», где рассматривается развитие сибирской историографии в первой половине XIX в. в рамках официального, буржуазного, а также демократического направлений [2]. Весомый вклад в сибиреведение как исследователь внес декабрист Н.А. Бестужев, труды которого представляют большой познавательный интерес. Его статьи «Очерки забайкальского хозяйства», «Бурятское хозяйство», «Гусиное озеро» являются результатом тщательного изучения Южной Бурятии [3]. Экономика края занимает значительное место в работах Н.А. Бестужева, где он сообщает весьма ценные сведения о земледелии, скотоводстве, сопровождая их точными наблюдениями по природе края, обычаям жителей, а также анализирует процессы социального расслоения в среде местного населения. Важное значение для рассматриваемой темы имеет сочинение М.К. Кюхельбекера «Краткий очерк Забайкальского края», в котором автор описывает естественно-географические условия Забайкалья, а также дает характеристику основным отраслям хозяйства края [4]. Эти статьи и очерки занимают центральное место в изданном в 1975 г. в Улан-Удэ сборнике «Декабристы о Бурятии», в котором также были впервые опубликованы письма декабристов М.К. Кюхельбекера, П.И. Борисова, Е.П. Оболенского, М.А. и Н.А. Бестужевых [5].

Несмотря на то, что работа исследователей была необходима и полезна, история Сибири была для них историей ее русского населения. По мнению П.Л. Словцова, крупнейшего представителя буржуазного направления в сибирской историографии, обращавшегося уже к изучению внутренних процессов развития общества, поискам его закономерностей, сибирские народы – это «соотчичи», а не чужие «инородцы», у них нет своей истории и они имеют свое будущее только в содружестве с Россией под её гегемонией. Вопрос о характере социально-экономического развития сибирской деревни затрагивался в историко-этнографических

работах А.П. Шапова. Из всего комплекса вопросов его наиболее привлекала история местной сельской общины. С именем А.П.Шапова связано первое серьезное исследование общественных отношений у бурят в XIX в. В своей работе «Сельская осёдлоинородческая и русско-крестьянская община» историк отмечал далеко зашедший процесс ее разложения [6]. Однако причины этого ошибочно объяснял природными факторами.

Особое место в истории изучения Сибири занимает областническая теория. Идеологи сибирского областничества Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин высказывали мысль о самобытном развитии Сибири после ее присоединения к России, считали, что Сибирь минует стадию капиталистического развития, утверждали, что здесь развивается общинное крестьянское хозяйство, представляющее «народные формы производства». Выдвигая идею сепаратизма, областники полагали, что отсутствие в Сибири помещичьего землевладения и крепостного права создаёт условия для особого, демократического пути развития края, отрицали общие закономерности в развитии Европейской России и Сибири. В методологическом отношении областники находились на позиции отрицания исторической закономерности и не понимали определяющей роли экономического фактора в социально-политических процессах, а на первое место выдвигали исторический и географический факторы.

В работах П.М. Ядринцева «Сибирь как колония в географо-этнографическом и историческом отношениях», «Сибирские инородцы, их быт и современное положение», содержащих интересный фактический материал о жизни и быте сибирского крестьянства, рассматриваются такие проблемы, как колониальная политика царского правительства в Сибири, влияние колонизации на состояние и хозяйство коренных народов, пути и перспективы их культурного развития [7]. Он критиковал существующую систему управления аборигенами.

Сибирские областники были сторонниками демократического пути решения «инородческого вопроса», выступая с защитой прав аборигенов на самостоятельное существование. В отличие от официального направления областники в целом внесли существенный вклад в изучение политики самодержавия по отноше-

нию к народам Сибири, ввели в научный оборот ряд новых данных преимущественно обобщающего характера.

Важное место занимает и кадетское направление, представляющее либеральную буржуазию. Особый интерес буржуазные исследователи проявляли к проблеме землеустройства сибирских народностей. Видный деятель кадетской партии Л.Л. Кауфман в своих работах «Переселение и колонизация», «Земельный вопрос и переселение» предостерегал правительство от соблазна видеть в переселении возможность решения аграрного вопроса, защищал многоземелье аборигенов, однако критиковал лишь крайности переселенческой политики [8].

Видное место занимало в исследуемый период и народническое течение, представленное по преимуществу ссыльными, которые непосредственно наблюдали события и процессы, но в котором участвовали и многие представители бурятского народа, разделяя и пропагандируя её идеи. Это мелкобуржуазное направление сохраняло в основе методологические положения своей доктрины, а в конкретных условиях сибирской ссылки переплеталось с демократическими и революционными началами других общественных течений, что обусловило противоречивость народнической концепции истории народов Сибири.

В исследуемый период абсолютное большинство населения (около 95%) было крестьянским. Этому вопросу посвящена книга агронома П.Л. Крюкова «Западное Забайкалье в сельскохозяйственном отношении» [9]. Работа содержит ценные сведения о производительных силах края, даётся описание сельского хозяйства, описание почв, климата, виды возделываемых культур и породы скота, приводятся статистические данные, касающиеся хозяйства бурят. П.Л. Крюков указывал, что неразмежёванность земель и общинное землепользование в Западном Забайкалье являются двумя важными тормозами на пути прогресса сельского хозяйства «устранением которых будет расчищен путь к правильному его развитию».

Одной из лучших работ дореволюционной историографии по истории промышленности является двухтомное исследование В.И. Семевского «Рабочие на сибирских золотых промыслах», основанное на богатейшей источниковой базе и опубликованное

в 1898 г. В.И. Семевский объективно охарактеризовал тяжелое положение приисковых рабочих, показал жесточайшую эксплуатацию их золотопромышленниками.

Ратую за ликвидацию пороков современной ему системы отношений между рабочими и работодателями, В.И.Семевский выступал за всемерное развитие мелкого производства, замену крупных предприятий артелями старателей. Несмотря на ошибочность позиций автора в решении рабочего вопроса, его исследование, написанное с демократических позиций и на основе обширного фактического материала, сохраняет большую научную ценность.

В 1883 г. вышел в свет «Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032-1882 г.г.» Автор работы И.В. Щеглов приводит статистические сведения о городах и других поселениях, уделяет внимание истории местных административных учреждений, промышленности и торговле Сибири, вопросам внешней политики и др.

Первым опытом сравнительного анализа уровня экономических отношений в районах Забайкалья явилась работа В.Н. Соколова «Забайкальское хозяйство и рынок. Проект распределения Забайкальской области на экономические районы» [12]. В работе на материалах обследования 1897 г. переписи 1916 г. показан более высокий темп развития рынка в районах вдоль железной дороги, чем находившихся в отдалении.

В целом историческая литература конца XIX в. содержит немало интересных выводов и наблюдений. Ценность большинства работ заключается в привлечении и описании многих конкретных данных, вводе в научный оборот новых материалов, однако, они не дают серьезного комплексного анализа экономических и политических процессов, происходивших в крае в рассматриваемый период. Исследователи, представляя разные направления в общественной мысли и историографии, содействовали главным образом накоплению источникового материала по истории региона.

Отечественная историография Западного Забайкалья второй половины XIX – начала XX вв. делится на несколько периодов. Первый, дореволюционный период: вторая половина XIX в. – октябрь 1917 г.; второй период: ноябрь 1917 – первая половина 1930-х г.г.; третий период: вторая половина 1930-х г.г. – первая

половина 1950-х гг., четвёртый период: вторая половина 1950-х гг. по настоящее время.

Первые два периода характеризуются накоплением фактического материала, публикацией документов, брошюр, научных статей. Большинство исследований этого периода представляло собой не монографии, а научные работы «малых форм» – статьи, очерки. Значительную работу по изучению истории Западного Забайкалья провела кафедра Прибайкаловедения Прибайкальского народного университета в 1920-х г.г. К этому времени относятся работы В.П. Гирченко «Из прошлого промышленности Прибайкалья», «Прибайкалье. Краткий исторический очерк», статьи Ф.А. Кудрявцева по истории золотопромышленности в Западном Забайкалье, основанные на архивных материалах фонда окружного инженера Западно-Забайкальского горного округа, хранящегося в Государственном архиве Республики Бурятия. В 1926 г. вышла в свет книга М.Н. Богданова «Очерки истории бурят-монгольского народа», явившаяся первой крупной работой по истории Бурятии дооктябрьского периода. Особый интерес представляет очерк «Черты общественного развития бурятского народа». М.Н. Богданов, по всей видимости, полагал, что первобытнообщинные отношения у бурят сменялись капиталистическими.

По вопросу о характере общественных отношений в дореволюционной Бурятии среди исследователей не было общепринятой точки зрения. Эта проблема стала одной из центральных тем обсуждения на совещании по спорным вопросам истории Бурятии, проведенном Государственным институтом культуры БМАССР в 1934 г. В ходе дискуссии выявились различные точки зрения. С основным докладом выступил П.Т. Хаптаев, который доказывал, что «Бурятия прошла через стадию неразвернутого феодализма со всеми особенностями, свойственными феодализму скотоводческих районов». Другую, точку зрения высказал В. Косоков, он полагал, что в Бурятии «не было и нет феодализма, она миновала стадию развития феодальных отношений и в силу исторических условий оказалась непосредственно вовлеченной и орбиту товарных отношений». Однако большинство участников дискуссии Н.Н. Козьмин, Ф.А. Кудрявцев, О. Дашидондобэ, М. Гудошников,

Б. Барадийн и др. поддержало основной тезис докладчика о существовании в прошлом в Бурятии феодальных отношений.

С середины 1930-х гг. начинается новый этап развития историографии, на котором продолжалось изучение истории края. Здесь стоит отметить, что наряду с благоприятными условиями для экономического развития края (отсутствие помещичьего землевладения, крепостного права, огромный земельный фонд), действовали факторы, тормозившие развитие производительных сил – колониальное положение Сибири, малолюдность, слабая освоенность края, суровые природные условия.

Первой по времени работой этого этапа явилась книга Ф.А. Кудрявцева «1905 год в Бурят-Монголии», опубликованная в 1936 г. [15]. В работе была дана расстановка классовых сил в Западном Забайкалье в период революции 1905 г., освещены её особенности и значение, отмечено острое недовольство коренного населения социально-экономическим и национально-политическим угнетением царизма, их противодействие земельным и административным реформам.

В 1938 г. было издано серьёзное исследование П.Т. Хаптаева «Национальное движение в Бурятии в период первой русской революции», основанной на документальном материале, однако в работе не были учтены два разных этапа развития страны: период назревания революционного кризиса и период первой русской революции.

В статье В.П. Гирченко «Революция 1905-1907 г.г. в Сибири и на Дальнем Востоке», опубликованной в книге «Революция 1905-1907 г.г. в национальных районах» указаны характер и причины национального движения бурят перед революцией 1905 г.

В 1951 г. вышло первое издание I тома «Истории Бурят-Монгольской АССР», где история Бурятии впервые была освещена с древних времен до 1917 г. Однако, работа имела существенные недостатки, связанные с периодизацией истории Бурят-Монгольской АССР, вопросом о происхождении бурятского народа, проблемами развития капиталистических отношений в улусе, политикой царизма на Востоке в конце XIX – начале XX вв., которые были обсуждены в октябре 1952 г. на совещании историков в Отделении истории и философии Академии наук СССР в Москве.

В 1954 г. вышло в свет исправленное и дополненное издание I тома «Истории Бурят-Монгольской АССР». История Бурятии рассматривалась в широком плане, как историческое прошлое всего населения Юго-Восточной Сибири. Однако и это издание страдало многими недостатками. На историографии рассматриваемого периода отрицательно сказались идеологизация и политизация исторической науки. Творческих дискуссий и обсуждений важных проблем истории края почти не проводилось. Все это затрудняло исследовательскую работу, хотя и не могло полностью ее остановить.

С середины 1950-х гг. начинается следующий этап в изучении проблемы, характеризующийся общим подъемом исторической науки. Активизируется научно-исследовательская деятельность ученых, разворачивается работа по созданию 5-томной «Истории Сибири». Внимание советской историографии к кардинальным вопросам истории проявилось в этот период в проведении научно-теоретических дискуссий. В начале 1960-х гг. в Новосибирске, Томске, Иркутске состоялась научная конференция историков, где обсуждался широкий круг вопросов. В ходе обмена мнениями о состоянии изучения истории Сибири и Дальнего Востока развернулась дискуссия о типе аграрной эволюции Сибири в период капитализма. Ученые-историки Л.Ф. Скляров, П.И. Малахинов, Л.П. Бородавкин и др. считали, что развитие капитализма в сельском хозяйстве Сибири шло прусским путем, В.Г. Тюкавкин, В.И. Дулов, Ф.А. Кудрявцев – американским. В 1962 г. в Улан-Удэ была опубликована работа П.И. Малахинова «О двух типах аграрной эволюции в России». Автор в монографии пишет «о формально – юридическом нраве собственности», обосновывая свою концепцию о том, что собственность государства на земли Сибири была простой юридической фикцией, лишенной экономической основы. Однако нельзя не признать тот факт, что с самого начала царское правительство объявило себя верховным собственником земель Сибири с их природными богатствами и со всех, кто пользовался землёй, взималась в пользу казны феодальная рента.

Истории торгово-экономических отношений народов России с Китаем до 1917 г. была посвящена солидная работа М.И. Слад-

ковского «История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.)».

Огромное значение имеют труды, выполненные на материалах всей Сибири. Основные проблемы истории края за рассматриваемый период освещены в 3 томе «Истории Сибири», являющейся итоговым исследованием для советской историографии Сибири. Авторский коллектив, включавший известных специалистов, исходил из принципиальных положений о решающей роли вольнонародной колонизации в деле освоения Сибири, о важном значении сибирского земледелия, истории края, как неотъемлемой части общерусского исторического процесса, о взаимном обогащении материальных культур пришлого и местного населения. В «Истории Сибири» отмечается важная роль постройки Сибирской железной дороги, как следствие, ускоренному развитию рыночных отношений, в ходе которых капитализм проникал во все стороны жизни Западного Забайкалья, формированию рабочего класса и его активизации в политической жизни Забайкальской области.

Основные итоги изучения крестьянства Сибири в период феодализма были подведены в коллективной монографии «Крестьянство Сибири в эпоху феодализма». В комплексном исследовании рассматриваются формирование, основные этапы и закономерности развития крестьянства, раскрывается вклад крестьянства в освоение и развитие огромного края, широко освещается социально-экономическое положение крестьянства, его социальная структура, общественно-политическая жизнь, общественное сознание, культура и быт. Основное внимание уделяется русскому крестьянству края. В то же время исследуются основные черты крестьянства коренных народов.

Эти фундаментальные работы обобщающего характера создают ту необходимую основу, без которой невозможно целостное и масштабное представление об основных направлениях и тенденциях экономического и политического развития Сибири в конце XIX – начале XX вв.

Значительную ценность представляют труды Л.М. Дамешек, посвященные малоизученным проблемам истории Сибири. В монографии «Ясачная политика царизма в Сибири в XIX – начале

XX в.», отличающейся солидной документальной базой, он анализирует цели и задачи ясачной политики, методы и средства ее осуществления. Именно ясак являлся основной формой эксплуатации населения Сибири. Автор убедительно показал, что ясачная политика во многом проводилась без учета уровня платежеспособности коренных жителей, что приводило к росту недоимок, а стремление Кабинета к сбору ясака пушниной тормозило «появление новых видов хозяйственной деятельности народов края» и сдерживало развитие товарно-денежных отношений в Сибири.

В монографии «Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX в.)» на основе анализа обширного круга источников Л.М. Дамешек делает принципиально важный вывод о том, что колониальная политика царизма, преследовавшая прежде всего фискальные цели, объективно способствовала сближению русского и коренных народов Сибири, что имело прогрессивное значение.

В монографии «Историография и источниковедение истории народов Сибири эпохи капитализма (1861-1917)» Л.М. Дамешек освещает процессы формирования, развития и смены основных концепций истории народов Сибири в отечественной и зарубежной историографии, определяемые классовыми позициями историков. В работе даётся классификация и характеристика наиболее важных источников по истории народов Сибири периода капитализма. Преимущественное внимание уделяется анализу социально-политических проблем скотоводческо-земледельческого населения региона, как составляющего абсолютное большинство населения помимо малых народностей Севера, у которых в значительной степени сохранились пережитки патриархально-родового строя.

И.А. Асалханову принадлежат весьма ценные работы, посвященные вопросам социально-экономического развития бурят во второй половине XIX в. Значительным вкладом в изучение социально-экономического развития Юго-Восточной Сибири второй половины XIX – начала XX вв. являются его труды «Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в.», «Сельское хозяйство Сибири в конце

XIX – начале XX в.», «Об аграрной политике царизма в России в конце 19 века».

На основе огромного фактического материала – архивных и опубликованных данных, автор рассмотрел широкий круг вопросов: развитие сельского хозяйства, землепользование, разложение крестьянства, степень развития капиталистических отношений в деревне, образование и рост торгового земледелия, развитие промышленности, торговли и путей сообщения. Общим итогом исследования И.А. Асалханова стал вывод о том, что социально-экономические процессы, происходившие в русских деревнях и бурятских улусах, все более развивающиеся торговля, средства связи и передвижения свидетельствовали о том, что в конце XIX в. капиталистический способ производства в сельском хозяйстве Юго-Восточной Сибири, в том числе в Бурятии, занял господствующие позиции.

Работы Н.П. Егунова «Колониальная политика царизма и I этап национального движения в Бурятии в эпоху империализма», «Первая русская революция и II этап национального движения в Бурятии», «К вопросу о причинах и характере национального движения в Бурятии накануне революции 1905 – 1907 гг.» и др., посвященные национальному движению в Бурятии, охватывают вопросы социально-экономического развития региона конца XIX – начала XX вв. Рассматривая предпосылки национального движения, автор одной из глав назвал нерешенность земельного вопроса. Неравенство в распределении земель между различными категориями населения, колониальная политика грабежа и хищения, политика национального гнёта царского правительства в Забайкалье приводили к революционным выступлениям русских крестьян, казаков, бурят и эвенков. Автор выявил противоречие в политике царского правительства: передача земель в собственность Кабинета не соответствовала колониальным планам правительства, а укрепление казачества наталкивалось на аграрные интересы Кабинета и считает, что национальное движение бурят и эвенков в 1902-1904 г.г. было вызвано главным образом усилением и углублением национально-колониального гнёта в эпоху империализма.

В работе «К вопросу о причинах и характере национального движения в Бурятии накануне революции 1905-1907 гг.», опубликованной в 1960 г. Н.П. Егунов указывает на то, что основной причиной движения бурятского и эвенкийского крестьянства в 1902-1904 гг. явилось наступление царизма на землевладение бурят и эвенков, концентрация лучших земельных угодий в руках зажиточной верхушки, изъятие земель коренного населения в колониальный фонд, и тем самым подрыв самой основы его скотоводческого хозяйства.

На втором этапе оно поднялось на более высокую организационную ступень и охватило уже всё крестьянское население Прибайкалья. Н.П. Егунов рассмотрел революционно-демократическое и буржуазно-националистическое направления на данном этапе, политические группировки, отражавшие интересы разных социальных слоев бурятского общества и подчеркнул, что только вместе с русскими рабочими и крестьянами, под руководством русского рабочего класса буряты и эвенки могли ликвидировать режим национально- колониального гнёта.

История черной металлургии Восточной Сибири дооктябрьского периода исследовалась в работах И.И. Комогорцева и Н. Тарасова. Не вызывают сомнений выводы авторов о том, что подневольный и малопроизводительный труд, использовавшийся на металлургических заводах Восточной Сибири, препятствовал проникновению более прогрессивного по сравнению с феодальным капиталистического способа производства.

Первый обобщающий труд по истории золотодобывающей промышленности Сибири с момента зарождения до 1917 г. представляет собой монография С.Ф. Хроленка «Золотопромышленность Сибири (1832-1917)», обогатившая историю золотопромышленности Забайкалья новыми фактами и теоретическими выводами. Автор отмечал, что в дореформенной Сибири в основе развития золотопромышленности лежали две различные системы: феодально-крепостническая и капиталистическая. В Алтайском и Нерчинском округах, принадлежащих Кабинету, золото добывалось подневольными мастеровыми, приписными крестьянами и трудом каторжан. На казенных же землях Сибири и Дальнего

Востока на основе эксплуатации вольнонаемного труда развивалась капиталистическая золотопромышленность.

Внимание историков привлекал процесс развития городов Забайкалья как экономических и культурных центров.

Содержательная статья Б.Р. Буянтуева и В.В. Воробьева «Городские поселения Бурятии» представляет опыт историко-географического анализа этапов формирования городской сети края. Авторы справедливо отмечали, что в XVIII-XIX вв. доминирующим фактором экономического развития городов Бурятии была торговля.

Скотоводческому хозяйству бурят в XVII-начале XX в. посвящены статьи И.Б. Батуевой: «Типы скотоводческого хозяйства у бурят (XVII -начало XX в.)», «Скотоводство в системе традиционного хозяйства бурят».

В 1993 г. выходит работа Ч.Г. Андреева и Л.А. Зайцевой «Очерки аграрной истории Бурятии», в которой авторы рассматривают земельную политику царизма, дореволюционное и послереволюционное землеустройство, анализируют экономическое и социальное развитие доколхозной деревни. Землевладение на территории Забайкалья рассматривается по категориям населения. При этом авторы указывают на то, что земледельческое хозяйство в условиях Западного Забайкалья сильно отличалось от того, которое существовало в центральной части России. «Это было не чистое земледельческое хозяйство, а своего рода хозяйство, объединяющее земледелие, скотоводство и промыслы..., что требовало особого внимания при землеустройстве и определении земельных норм».

В 1994 г. был опубликован «Очерк истории селенгинских бурят» Б.Б. Батуева и И.Б. Батуевой, хронологически охватывающий период со второй половины XVII до XX в. На основе архивных и опубликованных материалов авторы рассмотрели состояние хозяйства селенгинских бурят в XVIII – XIX вв., распространение ламаизма, организацию народного образования, а также получили освещение годы революции и гражданской войны.

Период с середины 90-х г.г. XIX в. является наиболее предпочтительным в изучении истории Западного Забайкалья. Этот этап отличается возросшим уровнем научных исследований, стремле-

нием специалистов к более глубокому теоретическому осмыслению изучаемых проблем. Значительно расширилась проблематика исследований, историография этого периода вышла за рамки литературы малых форм и обогатилась серьезными трудами монографического характера, основанными на углубленной разработке – источниковой базы. В научный оборот активно вводились многие архивные материалы.

В конце XX – начале XXI в.в. учёными Бурятии были защищены несколько диссертаций.

Вопросы землепользования русского крестьянского населения Забайкалья анализирует в исследовательской работе «Землеустроительная политика царизма в Забайкалье в конце 19-начале 20 в.в. (1896-1917 г.г.)» Ч.Г. Андреев. В своем исследовании «Сельское хозяйство Забайкальской области в конце 19 – начале 20 вв.» Ю.Б. Санданов рассматривает условия сельскохозяйственного производства и темпы его развития. Изучив проблему классового расслоения забайкальского крестьянства, автор встает на позиции сибирских историков, утверждая, что развитие капитализма в Забайкалье шло фермерским (американским) путем. В работе «Русская деревня Западного Забайкалья на рубеже 19-20 в.в.: население, экономика, культура» П.В. Пыкин исследовал ряд проблем, связанных с численностью и размещением крестьянского населения, земельными отношениями русских крестьян, значением скотоводства и промыслов в хозяйстве крестьян Западного Забайкалья на рубеже XIX-XX вв.

Таким образом, можно отметить, что имеющаяся литература создает необходимую теоретическую базу, на которой могут основываться исторические исследования. По истории экономического, социального и политического развития Западного Забайкалья в конце XIX – начале XX в.в. накоплен определенный материал, отдельные стороны проблемы рассматривались историками – сибиреведами в тех территориальных и хронологических рамках, которые определялись избранными темами: историей присоединения Бурятии к России и её влиянием на хозяйственное и общественное развитие края, общественным строем бурят в XVIII и XIX в.в., социально-экономическим развитием Юго-Восточной Сибири, вопросами хозяйственной жизни и социальных отно-

шений в среде русского крестьянства, историей сибирской золотопромышленности, черной металлургии, городов, русско-китайской торговли, политикой царизма в Сибири и др., однако проблемы экономического и политического развития Западного Забайкалья в конце XIX – начале XX в.в. ни разу не была рассмотрены в комплексе, в их тесной взаимосвязи и взаимном влиянии, что и определило обращение к данной теме.

Вопросы, которые уже рассматривались в исторической литературе, нуждаются в дальнейшем всестороннем изучении, в глубоком осмыслении и переосмыслении с учетом новых документальных источников.

Распространение буддизма на территории Прибайкалья

Е.Н. Самсонова
учитель истории и обществознания
МБОУ «Середкинская СОШ»

За последние два десятилетия у людей, живущих в нашей стране, в связи с произошедшими политическими и социальными изменениями на рубеже 90-х гг. прошлого века, появилось желание к исповедованию или просто изучению различных религиозных учений. Чаще всего происходило приобщение к религии, которую исповедовали предки данной семьи или она была традиционна для данной местности. Так, например, для татар был характерен ислам, для русских, украинцев, белорусов – православие, для северных народов Сибири – шаманизм, для южных – буддизм.

В Восточной Сибири, у народов Алтая, Калмыкии наряду с шаманизмом получило широкое распространение одна из форм буддизма – ламаизм, который пришел к этим народам из Монголии [4].

В Приангарье буддизм активно восстанавливает утраченные позиции. Особенно это заметно в столице Усть-Ордынского округа, а

также в Алари и Нукутах. Там, где работает Буддийская традиционная сангха России.

Существует расхожее мнение о том, что иркутские буряты никакого отношения к буддизму не имеют, что они шаманисты испокон веков. Однако многочисленные исторические документы свидетельствуют о том, что в прошлом бурятские племена хонгодоры, эхирит-булагаты и другие, проживающие на территории Прибайкалья, с далеких времен исповедовали буддизм.

Строительство Аларского дацана в начале XIX в. является доказательством, подтверждающим распространение буддизма на территории иркутских бурят. У аларцев и нукутцев, помимо Аларского дацана, были построены Алятский и Унгинский дуганы. До 30-х годов XX в. в Усть-Орде был свой дацан. Он находился возле деревни Олужино. По рассказам старожилов Даши, Гомбо и других, которые получили свои имена в этом дацане, это был большой дацан. Между тем, согласно «Положению 1853...», строительство новых дацанов в Восточной Сибири было категорически запрещено правительством, за исключением ремонтных работ. И только в начале XX в. ситуация меняется в лучшую сторону. В период с 1909 по 1919 гг. в Иркутской губернии были построены шесть дацанов [1].

В 1912 г. был построен Кырменский дуган. У боханских бурят был Бильчирский дуган. В 1919 г. под нынешней Усть-Ордой был построен Муринский дуган. В 1918 г. у ольхонских бурят в улусе Харанца на личные средства Агвана Доржиева построен Харанцинский дуган.

Так за последние четыре столетия на формирование духовной культуры бурятского народа оказали сильное влияние две противоборствующие конфессии: ламаизм и христианство. С середины XVII в. священники соперничающих миссий стали интенсивно воздействовать на бурятских единоверцев. Те, будучи шаманистами, оказались под неустанным двойным нажимом миссионеров, обладавших стройными религиозными учениями, признанными на государственном уровне [1]. По существу, шаманствующим бурятам нечего было противопоставить пришлым религиозным учениям, кроме древнейших универсальных традиций. В этой связи буряты вынужденно потянулись к новым для себя чудодейственным ликам и образам, отлаженной методике священных знаков и символов.

История засвидетельствовала массовое метание в рядах родоплеменного сообщества, когда нужно было сделать выбор в сторону то русской православной, то тибето-монгольской ламаистской церкви. Нередко неосознанное принятие незнакомого вероучения вело к массовому оттоку от него назад к первобытному анимизму. Случались казусные ситуации, такие как неоднократные перемещения одних и тех же бурят от шаманства к христианству и наоборот. Если сопоставить в этом плане бурят с якутами, то можно увидеть, что преобладающая часть аборигенного населения Саха (Якутии) приняла православие. Правда, там сохранилось шаманство и туда, к северу от Байкала, не был допущен ламаизм.

С принятием бурятскими шаманистами ламаизма и христианства у них не стало единой веры, единых обычаев, напротив, произошло духовное разобщение и даже территориальное этническое разграничение. Распад некогда общих религиозных традиций на разные составляющие породил духовный раскол бурят на всем их этнокультурном пространстве. Последствия такого духовного раскола или искусственного разделения всего бурятского этноса по религиозным и территориальным признакам особенно заметны ныне.

Следует отметить, что процесс вытеснения шаманства ламаизмом был длительным и не доведенным до конца. Успешнее ламаизм насаждался в Хоринском, Нерчинском, Селенгинском ведомствах. В Тункинском и Баргузинском ведомствах он стал распространяться лишь с наступлением XIX в. Не менее двух веков не прекращались страсти по выстраиванию иерархической структуры ламаистской власти в Забайкалье. В утверждении права управлять дацанами помимо лам были заинтересованы главы родоплеменных и территориальных групп, в чьих владениях размещались культовые центры. Споры и разногласия улеглись к середине XIX в. при вынужденном участии в них государственных губернских чиновников. В начале же XIX в. ламы стали распространять свою веру в Прибайкалье среди западных бурят. Однако здесь они натолкнулись на осязаемое сопротивление шаманистов, да и православная церковь всячески препятствовала активизации лам в этом крае. Хотя ламаизм официально был разрешен, все же он оставался под постоянным контролем гражданской власти, призванной совместно с христианской церковью беречь и укреплять главную религию Российской импе-

рии – православие. Для этого сначала на законодательном уровне было разработано специальное «Положение о ламайском духовенстве в Восточной Сибири» 1853 г., давшее право ограничивать распространение буддизма в сибирском крае, а затем, десятилетиями позже, вышла «Временная инструкция об управлении делами ламайского духовенства в Иркутской области», высочайше утвержденная в 1889 г. и вступившая в силу в 1890 г. Она еще более подчиняла губернатору деятельность лам в Прибайкалье. Но все же эти ограничения не были безысходными, особенно если сопоставить их с богоборческими порядками советского периода, сопровождавшимися разрушением храмов и религиозными гонениями. Поэтому допустимо думать, что принятые к исполнению документы были вполне либеральными. Иначе к концу существования Российской империи число бурятских буддийских центров вряд ли возросло бы до 47, а количество штатных и нештатных ламских монахов, состоявших при них, не исчислялось бы тысячами [3].

В дореволюционной России буддийские дацаны были не только центрами духовной культуры бурят, официально проводивших тайлганы, цамхоралы и прочие религиозные культы, часто традиционно переходившие в массовые гулянья. При дацанах также имелись школы, где обучали грамоте, языкам, учили ремеслам и книгопечатанию. Все изменилось в XX в., когда редко какому дацану суждено было уцелеть. Суровая участь постигла и ближайший к Иркутску Аларский дацан. Его история началась вскоре после 1809 г., когда ламаизм стал распространяться в Аларском ведомстве [5].

С одной стороны, посредством обращения к желтой вере буряты в мировоззренческом отношении соединились с буддийским миром Азии. С другой стороны, православная Россия дала им возможность интеграции с русской культурой.

В последние годы постепенно стали восстанавливать ламаистские храмы, существовавшие на территории Иркутской области и соседних регионах, поэтому интерес к ламаистской культуре очень вырос. Примером возрождения буддийских духовных ценностей на иркутской земле является открытие в 2012 г. дацана «Тубдэн Даржилинг» в поселке Усть-Ордынский. В 2014 г. исполнится 200 лет со дня образования Аларского дацана. На том месте, где он стоял, установлена ступа и близится к завершению строительство дугана.

Строительство дацана даст импульс духовной жизни и развитию связей иркутских бурят со всем остальным монголоязычным миром, так как Монголия является политическим и экономическим партнером Иркутской области. Поэтому знание культуры, которая была традиционна в нашем регионе на протяжении последних столетий, просто необходимо.

Примечания

1. Берзин А. История буддизма. – М., 2002
2. Жуковская Н.Л. Ламаизм и ранние формы религии. – М., 1977.
3. Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. – СПб: Записки русского географического общества по отделению этнографии, 1887.. – Т.ХVI
4. Монталевиц В.М. О символике ламаистских субурганов – Центральная Азия и Тибет. Новосибирск, 1972. – История и культура Востока Азии. Т.1
5. Символы. Знаки. Эмблемы /Сост. В.М. Рошаль. – М., 2005.

Культурное развитие народов Боханского района (на примере свадебных традиций)

Н.К. Ткач, В.В. Хасанова
МБОУ «Буретская СОШ»

У каждого народа есть свои определённые традиции, которые украшают жизнь, объединяют и укрепляют национальное самосознание, оберегают и сохраняют опыт, накопленный поколениями, питают корни молодого и нового, передаются из поколения в поколение и обогащаются в соответствии с требованиями времени. Так было в старину. Но время не стоит на месте. Традиции и обычаи уходят на второй план. Проводятся не все обряды, одежда не та, как в старину и смысл уже другой. Происходит процесс взаимного культурного проникновения, через который личности и группы приходят к общей культуре разделяемой всеми участниками процесса. Это всегда двусторонний процесс, в котором каждая группа имеет возможности для проникновения своей культуры в другие группы пропорционально

размеру, престижу и другим факторам. Современные бурятские, татарские, русские свадьбы теперь не особо похожи на традиционные. В Боханском районе Иркутской области они становятся похожими друг на друга, но в тоже время имеют национальные черты, которые является важным моментом в проведении свадьбы.

Кратко из истории этнического наследия Боханского района. В середине XVII в. Прибайкалье было присоединено России. В конце XIX – начале XX вв. в результате земельных реформ в колонизационный фонд отошли 53% бурятских земель и на них основаны десятки русских, украинских поселений. Вследствие войн, коллективизации и индустриализации, массовых репрессий численность бурят уменьшилась до 225 тысяч. Это коснулось и жителей Предбайкалья. С конца 1930-х гг. Усть-Ордынский Букрятский национальный округ стал заселяться «плановыми» переселенцами из центральной части России – Татарии, Курской, Саратовской областей. Подъем целинных и залежных земель, объединение колхозов и совхозов в крупные хозяйства, урбанизация жизни, осуществление политики интернационализации резко изменили взаимоотношения людей, усилили внутреннюю и внешнюю миграцию, деэтнизацию национальной культуры, ассимиляцию аборигенов, привели к уменьшению коренных жителей в общем составе населения [3]. На территории Боханского района проживают 27 871 чел., из них русские составляют 70,3%, буряты – 21,5 %, татары и другие народы – 3,7%. [1].

Старинные свадебные обряды народов Боханского района

Проведение свадьбы у русского народа в старину

Немаловажную роль в нравственном развитии человека играет история и культура его народа. Культура любого народа, определяет его духовную уникальность. И эту уникальность нам хотелось бы выразить в традициях свадебных обрядов, которые были в старину у русских, бурят и татар. Свадьба — ярчайшее событие в жизни человека, это торжественная церемония, посвященная заключению брака. Со свадьбой у всех народов связано множество поверий, примет и обрядов.

Начнем с русского народа. На Руси свадьбе предшествовали специальные ритуалы, подготавливавшие молодых и их родственников к этому ответственному событию: смотрины, сватовство, прощание невесты с девической жизнью под родительским кровом. Подразумевалось, что свадьба играет один раз в жизни. Девушки с давних времен одевали белые платья, но белый цвет означал «скорбь», она «умерла» для своего рода. Фатой считался плотный платок, которым наглухо закрывали невесте лицо. И с момента согласия на брак, ее считали «умершей», а жители Мира мертвых, как правило, невидимы для живых. Невесте никому нельзя было видеть, а нарушение запрета – к всевозможным несчастьям. На русской свадьбе звучало много песен, притом большей частью – печальных. Тяжелая фата невесты понемногу набухала от искренних слез. Ведь она покидала свой род и переходила в другой. А свадебный выкуп назывался в Древней Руси «вено», и это слово родственное словам «венки», «венец» – девичий головной убор [5]. В 1812 г. в «Дамском календаре» был выделен каждый месяц со значением, что может ожидать молодую пару в будущем, если сыграют свадьбу именно в этот месяц.

В январе – рано овдоветь.

В феврале – жить в согласии с мужем.

В марте – жить на чужой стороне.

В апреле – пользоваться перелетным счастьем.

В мае – увидеть измену в собственном доме.

В июне – медовый месяц будет продолжаться всю жизнь.

В июле – сохранить о своей жизни кисло-сладкие воспоминания.

В августе – муж будет и возлюбленным и другом.

В сентябре – тихая и спокойная жизнь.

В октябре – жизнь будет трудной и тяжелой.

В ноябре – очень богатая жизнь.

В декабре – звезды любви с каждым годом будут сиять все ярче.

Проведение свадьбы у бурят в старину

У бурят создание семьи выражается в стремление человека в необходимости продолжении рода, чтобы он не оборвался, не

угас, чтобы в очаге всегда горел огонь, не развеялось пепелище предков – вот главный мотив брака бурят в прошлом.

Свадебные обряды составляли комплекс различных представлений, обрядов, ритуалов, касающихся этики, религии, искусства и физической культуры: сговор, сватовство, назначение дня свадьбы, поездка жениха с родственниками к невесте и уплата калыма, девичник (басаганай наадан – девичья игра), разыскивание невесты и отправление свадебного поезда, ожидание свадьбы в доме жениха, бракосочетание, освящение новой юрты.

Сватовство и свадьба сопровождалась религиозным освящением, целой системой культурно-этических, увеселительных, спортивных и других действий и обрядов. Обязательно произносились благопожелания – юроолы [3]. Когда родственники встречаются и договариваются о свадьбе, между сватами идет обмен кушаками-поясами и трубками мира. Сваты — самые главные люди на свадьбе, почетные гости [2].

Перед самой свадьбой назначали девичник (наадан) — свадьбу среди родных невесты. Родственники девушки провожают свою дочь, вручают подарки, дают напутствия и едут назавтра на сторону жениха (хурим), везут приданое.

Проведение свадьбы у татар в старину

Информацию о свадебных обрядах у татар мы нашли в журнале «Идэль», где автор, ученый толкователь основ шариата Фарид Дяхин, пересказывает главы Корана. Более точного описания обряда мы нигде не найдем, ведь Коран является главной священной книгой мусульман, собрание проповедей, обрядовых и юридических установлений, заклинаний и молитв, назидательных рассказов и притч, произнесённых Мухаммедом в форме «пророческих откровений» в Мекке и Медине между 610—632 гг. и положивших начало религиозному учению ислама [6].

Перед свадьбой проходит «никах» (венчание), где жених и невеста предстают перед муллой, который даёт им духовные и практические наставления оставаться верными другу к другу. До прохождения этого обряда жених не имеет права оставаться с невестой наедине. Смысл никаха – достижение не богатства,

а счастья. Читаются молитвы «аяк» из Корана, никах закрепляется калымом (выкупом). Размер до 100 рублей, но не меньше 10 рублей. В старые времена калым забыт, вместо этого играют «куплю невесты», но в основе игры лежит забытый обычай давать калым. Уплата калыма обязательна. Никах заканчивается свадьбой. На свадьбе всем нужно веселиться, никаких поводов для огорчений не должно быть. Свадьба, хоть и скромная, но должна быть. Женитьбу без свадьбы шариат не одобряет. Кухня может быть разнообразная. Перед брачной ночью жених должен помыть невесте ноги [4].

Как мы уже заметили, каждый свадебный обряд определенного народа имеет свои характерные черты, свою культуру проведения. На современном этапе можно заметить сходные особенности свадеб разных этносов.

Свадьбы на современном этапе.

Свадебные церемонии не являются консервативными, они постоянно развиваются, впитывают в себя черты современного общества, появляются новые традиции, но также испытали влияние, как исторических событий, так и культур проживающих рядом народов. Данное течение можно увидеть и у народов нашего района. Все свадьбы в большинстве своем похожи. Ведь любая свадьба проходит в атмосфере всеобщего веселья и счастья, за праздничным столом. Рассмотрев и проанализировав все традиции и обычаи свадеб у русских, татар, бурят, мы покажем те черты, которые стали общими. Любые свадебные хлопоты начинаются с момента выбора благоприятных дней свадьбы. И первое, с чего хотелось бы начать, это сватовство. Здесь можно проследить общую тенденцию самостоятельности молодоженов. «Обычно девушка первая привозит суженого к себе домой: парень приезжает на сторону невесты и знакомится с родственниками. Затем он показывает невесту своим родным. Это перед свадьбой. Далее объявляют о помолвке и делают как бы собрание, посылают сватов — со стороны жениха и со стороны невесты, и все обговаривают: день свадьбы, сколько гостей будет с разных сторон, где она состоится, совместно или отдельно» [2].

Другая традиция – выкуп невесты. В отличие от символического русского – самый настоящий, по-татарски называемый «калым», как и бурят. На выкупе у этих народов идет конкурсно-зрелищные развлечения. Жених проходит ряд препятствий, приготовленные свидетельницей и подружками невесты.

На свадьбах обязательно совмещают обряды, с караваем встречают молодоженов по русскому обычаю: на рушнике преподносят хлеб-соль.

В последние годы идет процесс формирования новых черт свадеб. На наш взгляд, знание культуры даёт возможность понять национальные, духовные и материальные ценности, которые формируют национальное достояние страны.

Литература

1. Боханский район: Вехи истории: [О знатных людях нашего района] // Выпуск 1. – Иркутск: Издание ООО «Аргиздат», 2010. – 216 с.: ил.
2. Бурятские свадьбы. // «Копейка». – № 24- 2010. – 23 июня.
3. «Земля Гэсэра». – Иркутск: Изд-во СВЯТ, 1995.
4. Никах. Свадьба. // «Идэль». Главы Корана (пересказ законов шариата) – № 9-10. – Казань: Издательство «Идэль», 1992 г. – 80 с.
5. Свадьба. //«Очаг» – № 5/6. – Москва: Изд-во Пресса, 1993.
6. Wikipedia.

Н.К. Петрова: певица и педагог

А.И. Турусова
учитель
математики и информатики
МБОУ «Дундайская СОШ»

Надежда Казаковна Петрова родилась 15 июня 1919 г. в семье крестьянина-бедняка в улусе Шаралдай Боханского района Иркутской области на берегу р. Иды, полной серебряных рыбок – жирных налимов и пескарей, омываемом звеняще хрустальными струями. Летом, дурманя шелестящими волнами, тянутся здесь к небу зелёные стрелы высоченных трав.

Надя – старшая в семье из четырёх девочек и двух мальчиков. Жили они с родителями в небольшом доме пять на шесть с подобной кораблю большой русской печью, согревавшей домоладцев в лютые зимы и осеннюю слякоть. На учёбу детей принимают с девяти лет, но уже к шести годам девочка настойчиво просится в школу, беря в руки для остротки палку.

В 1930 г. в районе образуются колхозы. С рассветом первый петух, а затем и бригадир призывают народ на утреннюю дойку. За высокие показатели в работе маму премируют вначале гитарой, затем балалайкой и, наконец, патефоном с несколькими пластинками – диковинкой для любой сельской семьи. Музыкальное увлечение заводили улусных посиделок Нади Петровой начинается с сопровождения под гитару собственного пения, а потом – участие в художественной самодеятельности. Драматический кружок в Шаралдайском ДК, поступление на театральное отделение Улан-Удэнского ТМУ (1936 г.), открывшее ей широкую дорогу в искусстве с ролями Катерины в «Грозе», Пелагеи Егоровны – «Бедность не порок» А. Островского, Поповой – водевиль «Медведь» А.П. Чехова.

Судьбоносным для неё стало выступление в октябре 1940 г. на I декаде бурятской литературы и искусства в Москве. Бурятия представила свои музыкально-театральные достижения силами вчерашних колхозников и рабочих, которые, пройдя через сито жёсткого отбора в 12 смотрах художественной самодеятельности, из около 5 тысяч его участников, составили в будущем костяк оперной труппы.

Во время декады Надя Петрова выдержала колоссальную нагрузку: она исполнила партию Арюн-Гоохон в опере М.П. Фролова «Энхэ Булат-батор» и партию Булган в музыкальной драме «Баир» П. Берлинского и Б. Ямпилова (эти партии написаны в расчёте на её исполнение). Ей аплодировали семь дней подряд.

Во время представления «Энхэ-Булат батора» на площадке филиала ГАБТа присутствовала отборная публика во главе с самим И.В. Сталиным. Её успех на оперной сцене был огромен. Так, в газете «Театральная неделя» писали: «Надя Петрова – одна из талантливейших молодых певиц нашего театра... У неё великолепное лирическое сопрано большой звучности. Го-

лос сулит ей прекрасное будущее оперной певицы-актрисы», в «Правде»: «У Нади Петровой звучный, чистый голос, которым актриса владеет легко и свободно. Выразительное пение она сочетает с проникновенной сценической игрой». Портрет певицы напечатали на первой странице газеты «Правда» и на всю первую полосу газеты для иностранцев «The Moscow News».

Перед отъездом бурят-монгольской труппы домой правительство устроило большой банкет в Георгиевском зале Кремля в честь артистов. Главной «звездой» была Надежда Петрова. Своим вниманием её удостоил сам И.В. Сталин.

После триумфального выступления труппы в конце октября 1940 г. 20-летнюю девушку как почётную гостью оставляют на празднование очередной годовщины Великого Октября в числе делегаций союзных республик, иностранных государств и просто знаменитостей страны. В статусной гостинице «Москва» орденоносная ученица проживает под опекой Ольги Алексеевны Стреловой и продолжает заниматься под её руководством музыкой...

В 1972 г. один из руководителей декады И. Туманов возобновил постановку «Энхэ». На встрече с республиканским активом в конференц-зале Бурятского ОК КПСС он делился былыми впечатлениями: «Чудес на свете не бывает. Но I декада национального искусства была настоящим чудом! Она ошеломила театральную Москву. Первые полосы центральных газет украшали портреты Н. Петровой и Б. Балдакова, которые мгновенно полюбили зритель и удостоились по итогам декады орденов Трудового Красного Знамени»...

В годы Великой Отечественной войны Н.К. Петрова в составе концертной бригады из ведущих артистов театра и филармонии выступала в частях действующей армии на Белорусском фронте, на Тихоокеанском флоте и в Дальневосточном округе. Бригада была сформирована из 8 человек: это народный артист СССР Г. Цыдынжапов, художественный руководитель бригады, сильный и волевой человек; народная артистка России Н.К. Петрова, заслуженные артисты России В.Д. Лыгденова, Т.Е. Гергесова, народный артист РСФСР Б.М. Балдаков, танцовщики: Цыден-Еши

Бадмаев, М.С. Шалтыкова и концертмейстер, замечательный баянист И.А. Дворников.

Первое крещение артисты из Бурятии приняли под освобождённым Брянском, в тесной теплушке, перед прославленными миномётчиками, хозяевами знаменитых «катюш». Артисты много пели, бойцы с удовольствием подхватывали знакомые мелодии. Надежда Казаковна вспоминала: «Сначала в Московском доме офицеров нас прослушали и, как одну из сильнейших бригад, отправили в действующую армию. Три месяца, в самые морозы, в декабре 1942 г., в январе и феврале 43-го мы выступали на Брянщине. Концерты давали в лесу, на огневой позиции... Открывали их бурятскими песнями, закрывали современными тогда «В землянке», «Тёмная ночь», «Синий платочек», был огромный репертуар фронтовых песен. И так по три концерта в день, за один мне приходилось петь 12-15 песен. Утром выступаешь перед ротой, а после боя она уменьшилась наполовину...»

Вместе с 1-м Белорусским фронтом вперёд продвигалась и фронтовая бригада из Бурятии. Три месяца живут артисты в землянках приблизительно в километре от передовой линии фронта, где, не прекращаясь, гудит канонада. Лёд на реке Березине весь красный от окровавленных трупов лошадей и человеческих тел. Но в короткие минуты перерыва между боями и дорогами постоянно выступали юные артисты, каждый концерт завершая песней «Широка страна моя родная». Выступали в снегу, иногда на машинах, в тяжелейших условиях, стремясь дать хороший концерт воинам, поднять настроение бойцам-защитникам Родины. «Это трудное время, встречи с людьми героическими, мужественными, для нас, актёров были школой жизни и сценического мастерства», – так вспоминает те далёкие, озарённые пламенем войны дни Надежда Казаковна. Много она гастролировала и в воинских частях Улан-Удэ, городах Забайкалья и Дальнего Востока.

Капитуляция фашистской Германии застаёт театр в Уссурийске, вызвав неописуемую радость со смехом, плачем и стрельбой. Все смешалось в тот счастливый день, когда незнакомые

люди, высыпав на улицу, обнимались друг с другом и целовались.

В 1943 г. проходят гастроли оперного на протяжении почти месяца в МНР с «Энхэ-Булат батором», «Баиром» и множеством концертов по стране. Как бурят и как представителей Советского Союза, ведшего тяжелейшую войну, всюду с большим уважением принимают актёров. На память о тех знаменательных событиях остаётся у Надежды Казаковны серебряная чаша, заячий полушубок от Юмжагийн Цеденбала и деревянная пиала с серебряным окаймлением от маршала Х. Чойбалсана.

В том же 1943 г. в Улан-Удэ приехал джазовый ансамбль, который чуть не увёз Надежду Казаковну. Дирижёр Эдди Рознер, известный как «белый Луи Армстронг», предложил спеть несколько партий, на что певица с удовольствием согласилась. Эдди был потрясён её данными и хотел включить её в состав своего ансамбля, но она отказалась, – опера была важнее всего.

С 1946 г. Надежда Казаковна училась на подготовительном курсе МГК – в классе преподавателя В.Ф. Рождественской; в Ленинградской консерватории с 1948 по 1954 г. – у профессора Т.А. Докукиной – профессиональной внучки Камилло Эверарди.

В 1948 г. художники Г. Рублёв и Б. Иорданский, расписывавшие плафон (потолочное панно) зрительного зала строящегося здания театра, запечатлевают на нём наряду с другими достопримечательностями для искусства республики особами Надеждой Казаковну. В том же году театральное руководство в ознаменование 25-летия БМАССР направляет на вокальный факультет Ленинградской консерватории плеяду перспективных вокалистов из оперных солистов и выпускников музыкального училища, составившую бурят-монгольскую оперную студию. Теоретические предметы в группе ведёт доцент ЛГК Г.М. Римский-Корсаков – внук великого композитора.

В 1951 г. Бурятская филармония направляет студентку ЛГК Н. Петрову с гастролями ансамбля «Байкал» по Средней Азии. Выступления артистов в Киргизии и Туркмении проходят успешно, а знаменитая исполнительница узбекских народных танцев Тамара Ханум даёт Надежде Казаковне имя Раджаны, с которым она выступает некоторое время.

В 1952 г. ведущий писатель республики Хоца Намсараев и певица Надежда Петрова включаются в правительственную делегацию наряду с москвичами для поездки в МНР. На заключительном торжестве бурятская артистка по совету беременной на большом сроке супруги вальсирует с монгольским лидером. Танцевал Ю. Цеденбал просто здорово, считает Надежда Казаковна, а в местной прессе выходит статья «Дочь бурятского народа».

Услышав, как эстонский студент исполняет классический романс на родном языке, Надежда Казаковна заказывает поэту Цэдэну Галсанову перевод романса Н.Римского-Корсакова «Не ветер, вея с высоты» на бурятский, премьера которого состоялась в Большом зале Московской консерватории под аплодисменты и крики «Браво!» В одном из сборных концертов в столице она участвует в одной программе с прославленными деятелями искусства Г. Нейгаузом и С. Лемешевым. Дипломным спектаклем после шести лет обучения – оперой Н.Римского-Корсакова «Царская невеста» открывается театральный сезон в Улан-Удэ 1954-1955 гг., где партию Марфы, отмеченную мелодичностью, простотой и красотой, исполняет Н. Петрова, купавшаяся, как ей самой казалось, в музыке.

Очень высоко было оценено выступление Н. Петровой в «коронной» партии лирического сопрано – партии Татьяны в опере «Евгений Онегин» П. Чайковского. «Удивительно пушкинский» (так отмечалось в рецензии) внешний облик, поэтичность пения, мечтательная углубленность заставляли вспомнить известные строки: «задумчивость – ее подруга от самых колыбельных дней».

В классическом репертуаре одной из вершин творчества Н. Петровой явилась партия Иоланты в одноименной опере Чайковского. «Я понимала эту оперу, – вспоминала певица, – как музыкальную драму. В ней все можно почувствовать без слов, обо всем говорит сама музыка». Певица сумела показать развитие характера героини от почти детской наивности к пробуждению чувства любви и желанию прозреть, увидеть красоту мира.

Типаж Н. Петровой выражает национально-ориентальный колорит в обаятельных по своей незатейливости женских об-

разах. Её сценический шарм определялся особой грацией и женственностью в сочетании с изюминками проявления народного характера: Булган в народной драме П. Берлинского «Баир», Арюун-Гоохон – в опере М. Фролова «Энхэ-Булат Батор», Наи – «На Байкале» Л. Книппера, Номин – «Побратимы», Маши – «Братья» Д. Дюшеева, Нансалмы – «У истока родника» Б. Ямпилова, китайка Си Эр – «Дитя радости» К. Корчмарёва по мотивам народной музыкальной драмы «Седая девушка», из концертного репертуара – в «Казахском вальсе» Л. Хамиди – С. Муканова, бурятских песнях «Тумэртэргэ», «Милый друг на машине», «Голубеет вдали» и т.д.

О музыке Б. Ямпилова певица говорила: «Бау Базарович Ямпиллов – мой любимый композитор. Я люблю его чудесные романсы и душевную, мелодичную оперную музыку. Она в прелести наших народных бурятских напевов, близка им по духу». Партия Нансалмы в опере «У истока родника» – одна из творческих удач Петровой. Слушателям особенно запомнилась песня Нансалмы с хором, в которой героиня выражает свои душевные переживания по поводу мнимой «измены» её возлюбленного. Скорбно лился по прихотливым изгибам мелодии голос Нансалмы, словно стоны были слышны в сопровождении хора.

Надежда Казаковна своеобразно выступала и в камерном репертуаре, её интерпретации были свойственны простота, тонкость и проникновенность. Она пела русскую и зарубежную романсовую классику, советскую музыку, вокальные миниатюры композиторов Бурятии. Те, кто слышал пение Надежды Казаковны, вспоминают экспрессивное звучание её голоса в ариях и канцонах старых мастеров бельканто, передачу славянской мягкости музыки А. Дворжака, подчеркнутую патетику в сочинениях Д. Мейербера. Она смогла подчеркнуть драматизм и мудрую простоту в песнях Ф. Шуберта и особенно впечатлила своих слушателей вокалом при исполнении романсов и песен современного бразильского композитора Э. Вилла Лобоса.

В национальный камерный репертуар певицы вошли сочинения всех профессиональных композиторов республики и многих композиторов — песенников. Всегда Надежда Казаковна с увлечением пела романс «Тебе» Д. Аюшева, «Песню о любви»

Б. Ямпилова, «Колыбельную» Ж. Батуева, песни Ч. Павлова, Б. Цырендашиева, Д. Яхунаева.

Новый виток славы приходит к Надежде Казаковне, начиная с 1970-х гг., когда вокальный мир восхищается одарённостью и мастерством выпускниц Улан-Удэнского музыкального училища: Галины и Татьяны Шойдагбаевых, Ольги Аюровой, Валентины Цыдыповой, Туяны Дамдинжаповой, Эржены Базарсадаевой, Марины Коробенковой, Билигмы Ринчиновой – учениц Н.К. Петровой. Став персональным пенсионером республиканского значения, Надежда Казаковна была приглашена директором З. Тогочиевой на преподавательскую работу в Улан-Удэнское музыкальное училище им. П.И. Чайковского. Педагогическое мастерство пришло не сразу. Сколько было прочитано методической литературы, воспоминаний знаменитых русских, зарубежных певцов и педагогов. Кропотливый и иногда нудный труд шел постепенно. Оттачивалось умение педагога, и в конце концов из-под рук Надежды Петровой начали выходить бриллианты. Немногим это дано – будучи великим мастером в прошлом, стать великим учителем в будущем. Надежда Казаковна подчёркивала: «Шаляпин, Собинов, Нежданова – великие певцы, равных которым нет, но они не создали своей вокальной школы».

Готовность к преподаванию у Н.К. Петровой объясняется пониманием специфики певческого аппарата своих воспитанниц и умением выстраивать его совместными усилиями в динамике. Богатый творческий опыт и заслуги перед республикой давали ей прерогативу в выборе женских голосов – сопрано и меццо-сопрано, воспитание которых зиждилось на сохранении природного естества. Абитуриентки обладали, как правило, ограниченным диапазоном, но в процессе обучения преподаватель постепенно развивала их тембр, облагораживая и приспособлявая его к академической манере. Ею была разработана собственная система подготовки певцов, она создала, по существу, свою вокальную школу. «Я всегда добивалась округлого звука, полётности звучания», – поясняла она. Профессор Олег Куницын подчёркивал, что «ученики особенно ценили в ней тёплое, до-

брожелательное отношение, умение просто разъяснить сложные вопросы вокальной техники».

Долгие годы она возглавляла вокальное отделение музыкального училища. С её деятельностью вокальная педагогика республики выходит на новый качественный уровень, не уступающий общероссийским, так и международным стандартам и становится объектом пристального внимания специалистов и широких кругов любителей оперного искусства.

За 33 года педагогической деятельности Н.К. Петрова вырастила не одно поколение вокалистов, принесших славу бурятскому искусству. Более чем тридцати выпускницам своего класса она открыла дорогу в большое искусство: Оксана Андреева солирует в оперном театре Ростова-на-Дону; заслуженная артистка России Валентина Цыдыпова («божественное сопрано», обладательница приза выдающейся певицы современности «Бронзовая Жар-птица») украшала своим пением сцены Новосибирского оперного театра, Мариинского театра г. Санкт-Петербург, ей аплодировали во многих странах мира. Звания лауреата престижного Всесоюзного конкурса им. М. Глинки была удостоена заслуженная артистка России Ольга Аюрова. На сценах Бурятского оперного театра и Бурятской филармонии звучат голоса народной артистки РБ Татьяны Шойдагбаевой, народной артистки РБ Билигмы Ринчиновой, заслуженной артистки РБ Эржены Базарсадаевой, заслуженной артистки РБ Туяны Дамдинжаповой, заслуженной артистки РБ Веры Васильевой, заслуженной артистки РБ Марины Коробенковой, заслуженной артистки РБ Татьяны Пастуховой, Татьяны Галсановой, Марины Ханхалаевой. Мировой славы достигла выпускница Н. К. Петровой народная артистка СССР Галина Шойдогбаева, признанный мастера *foe*santo. Окончив Ленинградскую консерваторию им. Н. А. Римского-Корсакова, она прошла стажировку в знаменитом театре «Ла Скала» (Милан, 1982-1983), стала дипломантом Всесоюзного конкурса им. М. Глинки (1981), лауреатом премии Ронкорони XXIII Международного конкурса вокалистов «Вердиевские голоса» (Буссето, 1983), обладателем Гран-при Международного конкурса вокалистов (серебряный Гран-При, Тулуза, 1985), лауреатом Международного конкурса «Мадам

Баттерфляй» (Токио, 1986), лауреатом премии Ленинского комсомола (1991), ныне является профессором кафедры сольного пения ВСГАКИ.

Вырастившая блестящую плеяду вокалистов мирового уровня, Н.К. Петрова по праву считается одной из основоположниц вокального искусства республики Бурятия.

За время трудовой деятельности в театре оперы и балета и музыкальном училище Н.К. Петрова не раз отмечалась правительственными наградами, званиями, грамотами, премиями, благодарностями. Вся её долгая и плодотворная творческая жизнь является примером самоотверженного, беззаветного служения делу, образцом высокого гражданского и трудового героизма.

За выдающиеся заслуги в деле развития музыкального искусства Надежда Казаковна в 2006 г. была включена в Книгу Почёта Министерства культуры и массовых коммуникаций РБ; в 2007 г. за личный вклад в развитие Бурятии удостоена звания «Почётный гражданин республики Бурятия»; в 2008 г. в конкурсе ИД «Буряад унэн» «Лучшие люди Бурятии» она была признана лауреатом в номинации «Гау сэсэн хатан» – «Женщина года».

Жизнь Надежды Казаковны можно назвать счастливой. Простая бурятская девочка из семьи скотоводов из улуса Дундай. Девочки могло и не быть: когда ей было 10 лет, её сбили всадники. Виноватые наездники закололи барана и завернули её в шкуру, приложив внутренности животного к её телу – сердце к сердцу, печень к печени, кишки к животу... Девочка выжила. Теперь она – легенда...

Для музыкального мира Надежда Казаковна – певица, обогатившая образы Чайковского, Римского-Корсакова, придав им чистоту, наивность, искренность героинь и силу их любви; певица, которая смогла передать своеобразие музыки разных времён, композиторов разной национальности. Это не только актриса, прожившая долгую, насыщенную жизнь на оперной сцене, но и величайший педагог, сумевший передать ученикам всё своё мастерство и вырастивший несколько поколений талантливых певцов. Её имя – одно из самых ярких имён в истории бурятской музыкальной культуры.

Примечания

1. Байкал. Новости региона. – «Жизнь как песня» от 10.06.2009г – www.zabaykal.net
2. Байкал. Новости региона. – «И вновь молось своей звездой...» jп 05.02.2009 -www.zabaykal.net
3. Байкал. Новости региона. «Надежде Петровой посвящается» от 10.06.2009г – www.zabaykal.net
4. ВСП. RU – «Мастерство и вдохновенье» от 10.03.1997г – www.vsp.ru
5. Республиканская газета «Традиция» №24 (107) от 25.06.2009г
6. Сайт национальной библиотеки республики Бурятия – «Деятели культуры Бурятии в годы Великой Отечественной войны» от 20.04.2010г – www.nbrb.ru/nb/news/detail.php
7. Сайт телерадиокомпания «Ариг Ус» – Награда «с доставкой на дом» от 20.06.2007г – www.arigus-tv.ru/news/detail.php
8. Сайт Бурятского государственного академического театра оперы и балета – www.uopera.ru
9. Buryat-Monqolia. info – «Вехи звезды бурятской оперы» от 06.06.2009г – buryat-monqolia.info

Из истории становления образования на территории Боханского района

С.М. Убугунова
администрация МО «Боханский район»

Народное просвещение на территории Боханского района прошло достаточно долгий и интересный путь. История образования насчитывает три столетия. С начала XIX в. началось просвещение бурятского населения. Открытие Балаганского инородческого училища в 1804 г. можно считать началом систематического просвещения. Первое учебное заведение – двухклассное Идинское приходское училище было открыто в 1816 году и содержалось на средства населения. Первые бурятские учителя Болдоновы из Нукутов, И. Пирожков из Бохана, сделали немало для европейского образования бурят Иркутской губернии в середине и во второй половине XIX в.

В это время усилилось внимание общественности к бурятам, их обычаям, культуре, богатейшему фольклору, что имело су-

шественное значение для развития просвещения. Открываются инородческие училища, наблюдается тяга к образованию среди зажиточной части бурят. К этому периоду относится учеба в городских училищах и духовных семинариях, Казанском и Петербургских университетах тех, кто впоследствии составил ядро бурятской интеллигенции, которые с горячим энтузиазмом взялись за просвещение своего народа. Интеллектуальный потенциал бурятского населения Иркутской губернии в период первой русской революции позволил провести первые съезды иркутских бурят. М. Богданов, С. Пирожков, Н. Амагаев, А. Александров, А. Михайлов, М. Хангалов, П. Баторов сыграли большую роль в работе этих съездов. Были сформулированы принципы бурятского просвещения и автономии. Многие из них занимались серьезной исследовательской работой по истории, этнографии и фольклору бурятского народа. В 1908 г. в Иркутске было образовано «Общество помощи учащимся-бурятам» куда вошли все известные в то время бурятские деятели, которые материально и морально поддерживали учащуюся молодежь. К началу 1914 г. только в иркутских учебных заведениях обучалось 83 бурята, 17 человек бурятской национальности из Иркутской губернии учились в Центральной России.

Боханская школа была открыта в 1862 г. Тогда впервые за школьные парты село около 30 мальчиков бурят. Боханская школа, называвшаяся Идинским инородческим училищем, была не единственной у западных бурят. В 1825 г. из-за недостатка средств училище было закрыто. Примерно в это же время открылись школы в Хоготе, Алари, Капсале и других местах. Открытие училища было по тем временам большим событием в культурной жизни бурят.

Первым учителем Идинского инородческого училища был Иван Иннокентьевич Пирожков – житель улуса Бохан, выходец из богатой семьи. Он окончил философский факультет Санкт-Петербургского университета и был человеком прогрессивных идей. До конца своей жизни – более десяти лет работал он учителем в родном улусе. Благодарные ученики дали ему имя «Бешеше Ахай».

Вновь открыть Идинское приходское училище в 1862 г. помог Иван Иннокентьевич Пирожков, отдав под нее свой дом. Школа, которую основал И.И. Пирожков, получила широкую поддержку населения, укрепилась духовно и материально и дала свои ростки. Уже в 1872 г. в Бохане была открыта женская школа, что по тем временам явилось большим достижением. Данное училище имело «полукучевой» характер. Через 11 месяцев оно было переведено в улус Харагун, через 4 месяца в улус Дундай. Одной из характерных черт работы школы в дореволюционный период была ее просвещенская направленность. Выпускники становились учителями и несли свет знаний другим людям. 32 учителя дала в этот период Боханская школа местному населению.

Быстрый рост школы, укрепление ее авторитета во многом объясняется удачным подбором учителей, которые, как правило, были носителями прогрессивных взглядов и обладали большой личной инициативой. Вот некоторые из них – Маньков Дмитрий Петрович долгие годы работал в Бохане и приложил много усилий для продвижения выпускников школы в учебные заведения высшей ступени (семинарии, сельхозшколы и т.д.), где дети крестьян содержались за казенный счет. Мария Александровна Мейерович работала в женском отделении более десяти лет. За это время она не только обучила девочек грамоте, но и привила им любовь к рукоделию (вязанию, кройке и шитью, кулинарии), что пользовалось большим спросом населения.

Первоначально Идинское училище обслуживало Идинскую степную думу, куда входили буряты, населяющие Тарасинскую, Идинскую, Осинскую, Кахинскую, Улейскую, Обусинскую речные долины и Мольку близ Балаганска. Но ко времени открытия двухклассного училища зона действия школы уже сократилась за счет открытия новых школ на территории нынешнего Осинского района. С каждым годом росло количество учащихся и в 1899 г. училище стало двухклассным, с шестигодичным сроком обучения. В 1900 г. в улусе Бохан грамотных было 40 человек.

Первая школа в Олонках была основана декабристом В.Ф. Раевским в 1830-е гг. По рассказам местной старожилки Ружицкой, в Олонках до этого не было постоянной школы, «учились немногие у случайных учителей, странствовавших по дерев-

ням». Раевский нанял на собственные средства помещение под школу, пригласил учителей и предложил крестьянам учиться. Предложение его в начале не имело никакого успеха: «Народ тогда темный был» – вспоминает Ружицкая. Представление об учении было тогда, как о чем-то трудном, «но некоторые поумнее стали учиться, даже женатые начали ходить»...

В журнале «Восточно-Сибирский календарь» за 1875 г. в числе учебных заведений значится «Олонское училище Идинской волости», которое содержал местный купец Кудрявцев. В 1874 г. в нем обучалось 24 мальчика и 16 девочек.

Одна из старейших Александровская школа была основана в 1847 г.

В 1890 г. было открыто Укырское училище. В истории этого учебного заведения большую роль сыграл Кирилл Николаевич Богданов, который стал инициатором открытия школ в ряде улусов Боханского района. Так, Дундайская (1899 г.), Верхне-Идинская (1905 г.), Хоргилокская и Маньковская школы обязаны своим появлением этому замечательному педагогу-просветителю. К.Н. Богданов старался, чтобы по окончании училища, учащиеся учились дальше. Благодаря его деятельности Укырская школа, как до революции, так и в советское время считалась одной из лучших национальных школ в Бурятии. Выпускник Укырского училища Михаил Николаевич Богданов (младший брат К.Н. Богданова) учился в пяти университетах, в т.ч. в Германии и Швейцарии. Впоследствии он стал лидером национального движения бурят, автором концепции автономии бурят. По данным переписи первых годов советской власти население бывшей Укырской волости занимало по грамотности одно из первых мест по Иркутской области.

В 1873 г. в селе Бурети в небольшом доме крестьянина была открыта школа. Основным предметом был «Закон Божий», который вёл местный батюшка.

В 1884 г. на берегу реки Ангары в сибирском селе Евсеево была открыта церковно-приходская школа, которая располагалась в здании, принадлежащем сельскому обществу. Почетным блюстителем школы был крестьянин Петр Михайлович Сысоев, православного вероисповедания. Первым учителем школы

стал его сын, окончивший курс Иркутской духовной семинарии, Сысоев Иннокентий Петрович. За свою работу он получал жалование в 360 рублей в квартал. Слово Божие преподавал законоучитель Михаил Копылов, окончивший Иркутскую духовную семинарию. В 1900-1901 учебном году в школе обучалось 72 ученика, из них 57 мальчиков и 15 девочек. Курс обучения закончили только 3 мальчика, так как в условиях нищеты не все имели возможность учиться. Возникшая в середине 90-х гг. XIX в., школа была единственным действительным центром культуры села Евсеево и окружающих деревень.

До революции село Тихоновка подчинялось Осинской волости Балаганского уезда Иркутской губернии. Первоначально село располагалось на левом берегу Иды и называлось Тальяны. Как и во всех славянских поселениях в Тальянах имелась церковь, где службу правил священник Мальцев. Около церкви был большой дом с двумя входами, в нем располагалась церковно-приходская школа. Преподавание ограничивалось несколькими предметами: Законом Божьим, чтением по-славянски, церковным пением, а так же грамматике, арифметике. В начале в ней обучалось всего 15 детей.

В 1910 г. по проекту тальянского архитектора Филимонова построили начальную школу. Она стояла на базарной площади, крыша была сделана из красного железа, поэтому появилось второе название «красная школа». Первым учителем с 1918-1920 гг. работал Вильгельм Гарицарчик.

Во времена «ликбезов» здесь обучалось и взрослое население. В конце 1929 г. была открыта семилетняя школа под руководством Няголова Георгия Тархановича, с которым работали такие учителя как Быченко Андрей Петрович, Суселовская Галина Сергеевна, Соловьева Степанида Георгиевна.

В начале XX в. были основаны: Шунтинская начальная школа (1910 г.), Харатиргенская начальная школа (1905 г.), Тымьрейская начальная школа (1910 г.), Грехневская начальная школа, Логановская начальная школа (1902 г.), Харагунская начальная школа (1915 г.).

Открытие многих начальных школ официально нигде не подтверждено. Но интересен тот факт, что многие первые миссио-

нерские школы на территории Боханского района существовали еще с 1898 г. Так, например в д. Харатирген (по словам Улаханова Василия Максимовича и других старожилов) родители уже в 1898 г. имели возможность отправить ребенка в школу постигать азы учебной науки. Официально Харатиргенская начальная школа открыта в годы Великой Отечественной войны в 1943 г.

Решение о строительстве школы в д. Вершина датируется сходом жителей от 1911 г., где присутствовало 48 участников и заверяется протокол подписью «Вершининского сельского старосты» Петра Пыжа. Обучение в школе велось в 3-х группах – классах на польском языке.

Здание Шунтинской начальной школы было построено зажиточной жительницей д. Шунта А. Трубачевой в 1910 г. В 1920-е годы школа называлась Шунтинская начальная школа 1 ступени. Обучение велось на бурятском языке. Принимали детей в школу с 8 лет с деревень Херетина, заимки Мудай, Харатиргена.

Многие начальные общеобразовательные учреждения были открыты на территории Боханского района в 1920-х гг. После революции и раскулачивания просторные, добротные дома стали школами для безграмотных жителей деревень. Были открыты Красно-Буретская начальная школа (1920 г.), Хандагайская начальная школа (1930 г.), Быргазовская начальная школа (1936 г.), Захаровская (Падь-Качигская школа)- 1936 г., Черниговская начальная школа (1928 г.).

Советская власть занялась ликвидацией неграмотности всего населения. В школу стали приходили учиться все – и стар, и млад. Обучались в школах в одну смену, по 30-35 учеников, а учил всех один учитель.

В истории бурятского народа XX в. ознаменован подъемом и развитием. Перепись населения, проведенная в СССР через сто лет после первой всеобщей переписи Российской империи 1897 г., демонстрирует факты, которые трудно с чем-то сопоставить, чтобы определить размах перемен. В 1989 г. бурятское население в Иркутской области составляло 77330 чел. Если в 1897 г. инородцев в Иркутске проживало 326 человек, то в 1989 г. из общей численности бурят в области 27043 человека были городскими жителями, т.е. 28,6 % .

Значительные изменения произошли в уровне грамотности бурятского населения. В 1897 г. грамотные среди лиц обоего пола составляли 4,82 %, в т.ч. среди мужчин 8,56%, а среди женщин – 0,76 %. Эти данные подтверждают низкий уровень образования коренного населения губернии и почти полную безграмотность бурятских женщин. В 1989 г. итоги переписи определили что, 19 % бурят имели высшее и 19,9 % среднее специальное образование. Многие продолжали учиться в высших и средних специальных учебных заведениях. В 1994 г. проводилась в области микроперепись, которая выявила следующие показатели: 47% бурятского населения имело высшее и среднее специальное образование.

Примечания

1. Рабецкая З.И. Традиционная культура коренных народов Иркутской области: Курс лекций. – Иркутск: Изд-во Иркут. Гос. Пед. Ун-та, 2002. – С. 6.
2. Народы и культуры Сибири. Взаимодействие как фактор формирования и развития. Под редакцией д.и.н. А.Г. Генералова. – Вып.3.- Иркутск, 2004.
3. Идинские буряты. Документы и родословные. – Улан-Удэ, 2009.

В.А. Сахьянов – общественный деятель Бурятии

С.Е. Урбанова
учитель истории и обществознания
МБОУ «Ново-Идинская СОШ»

Народ без прошлого не имеет будущего, он должен знать и помнить героические и трагические события прошлого через изучение судеб конкретных личностей, внесших достойный вклад в развитие своей нации и всего человечества. Проблема пробуждения национального самосознания, стремление возрождения языка и традиционной культуры, определение реального статуса нации в современном мире пробуждают интерес к историческим знаниям, поэтому изучение деятельности ярких представителей прошлого остается актуальным и в наши дни. Исторические знания воспитывают в

каждом из нас чувство причастности к судьбе своего народа. Из судеб отдельных людей складывается судьба страны, изучая биографию нашего земляка мы изучаем свою историю.

Много слов сказано в адрес военных комиссаров гражданской войны. Заслуженной славой пользовались те, кто шел по их стопам в годы Великой Отечественной войны. Именно о таком комиссаре, участнике Отечественной войны, хочется рассказать.

Владимир Афанасьевич Сахьянов родился в октябре 1918 г. в семье бурята-бедняка улуса Бугутуй Боханского района Иркутской губернии (в 1950-х гг. улус Бугутуй из-за «бесперспективности» ликвидировали), рано узнал соленый вкус рабочего пота. Когда в улусе организовался колхоз, Володя пришел туда уже бывалым работником. Трудился он с неумной юношеской энергией и энтузиазмом. Знал, что принимает участие в строительстве новой прекрасной жизни.

В 1931 г. осуществляется самая заветная мечта Володи, учеником 4 класса вступает в комсомол и вскоре он был избран секретарем комсомольской организации Боханской средней школы. По семейным обстоятельствам школу закончить ему не удалось. Юноша снова стал работать в колхозе «Скороход». В его руках любое дело вершилось: он был учеником, машинистом конной косилки и тракторной сноповязки и лесозаготовителем. Трудолюбие и добросовестность были стержнем его характера.

Но безграничный мир учебы неудержимо влечет юношу. В 1936 г. Боханский райком комсомола как одного из активных комсомольцев колхоза направляет его на учебу в высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу в Улан-Удэ. После окончания этой школы В. Сахьянов был направлен в Мухоршибирский район, где работал заведующим отделом пропаганды райкома комсомола. Так началась его трудовая деятельность. Спустя два года в 1938 г. его избирают первым секретарем Еравнинского райкома ВЛКСМ, через год выдвигают первым секретарем Бурятского обкома комсомола. Здесь раскрывается его организаторская способность, он пользуется большим авторитетом среди молодежи.

23 июня 1941 г. на второй день войны ЦК ВЛКСМ принял Постановление «О мероприятиях по военной работе с комсомолом». Из Бурятии на фронт ушло более 12 тыс. комсомольцев. В их числе

был и Владимир Сахьянов. В ноябре 1941 г., он стал воином, с этого времени начинается новая его биография, Защитника Родины. О его делах рассказывается в книгах, он участник боевых сражений, которые вошли в историю. В рядах Красной Армии служил до конца войны. Воевал он на многих фронтах. Личный пример воинской доблести был его главным оружием. Вначале работал заместителем начальника политотдела 32-й стрелковой дивизии по комсомольской работе, которая входила в составе Третьей ударной армии. Боевое крещение получил под Великими Луками. В бою за деревню Подберезье старший лейтенант Сахьянов показал личный пример храбрости и бесстрашия, за что награжден орденом Красной Звезды.

Участвовал в боях за освобождение Калининской, Псковской, Смоленской, Витебской областей. В 100-й дивизии 60-й армии 1-го Украинского фронта был заместителем командира полка по политической части, освобождал Львовщину, Польшу, воевал в Германии и закончил войну в Чехословакии 9 мая 1945 г.

Хочется рассказать об одном эпизоде его фронтовой биографии. Это было на территории Германии. Враг упорно сопротивлялся, не хотел сдавать населенный пункт Крир. Здесь получил тяжелое ранение командир одной из рот полка и тогда майор Сахьянов принял командование подразделения на себя. Схватка была жестокой. Бойцы увидели, как бросился вперед замполит Сахьянов и вся рота устремилась за ним. Прошли считанные минуты, бойцы во главе с майором Сахьяновым действовали уже на позициях противника, уничтожили огневые точки. В наградном листе об этом потом напишут: «Поднял роту в атаку и обеспечил выполнение боевого приказа». Трудно сказать, сколько раз за войну вот так, поборов страх, поднимался коммунист Сахьянов первым в атаку. Сколько раз, преодолевая боль, усталость, а порой и отчаяние, держался из последних сил, подбадривая ослабевших. В наступлении ли, в обороне ли он был там, где решался успех боя. Личный пример воинской доблести был его главным оружием.

В Освенцимском музее Польши создан раздел экспозиции – «Освободители узников», где показаны мужество, отвага, высокое воинское мастерство многих советских воинов и том числе сына Бурятии В.А. Сахьянова. Он участвовал в освобождении узников

лагеря смерти. На одном из стендов рассказывается о его подвиге. Подразделению было приказано осуществить переправу через реку Вислу и развить наступление. Сделать это было не легко, т.к. тонкий лед и полыньи создали серьезные препятствия. В.А. Сахьянов не стал ждать, когда саперы наведут через реку мост, он выбрал участок переправы южнее городка Менткув и с небольшой группой бойцов захватил плацдарм, обеспечив саперам надежное прикрытие для наведения моста и переправы артиллерии. Не дожидаясь подхода главных сил дивизии, майор отдал команду атаковать противника и ворвался на северо-восточную окраину Освенцима. Фашисты отчаянно сопротивлялись, комендант лагеря получил приказ о ликвидации всех заключенных, не способных передвигаться. Поступил приказ: «Взрыв крематория предотвратить». В.А. Сахьянов понимал, что бойцы готовы выполнить поставленную задачу: они рвались в бой, чтобы быстрее вызволить узников Освенцима. В итоге операции было вызволено 17 тыс. узников лагерей, своим избавлением от смерти они были во многом обязаны В.А. Сахьянову.

После войны В.А. Сахьянов снял военную форму и вернулся в отчий дом. С первых дней работал на многих руководящих партийных должностях, трудился так же самоотверженно, как на фронте, отдавая всего себя делу мирного труда. В июне 1946 г. его избирают секретарем Окинского райкома партии, позднее первым секретарем Кижингинского, Хоринского райкома партии, председателем Бичурского аймисполкома.

Имея большой жизненный опыт, он закончил заочно педагогический институт, партийную школу. Учился сам и создавал условия для учебы жителям республики. В личной характеристике отмечено: «Находясь на партийной и советской работе, товарищ Сахьянов проявляет творческую инициативу, партийную принципиальность в решении вопросов хозяйственного и культурного строительства. За 15 лет работы заместителем председателя Совета министров республики с 1961 по 1976 гг. почти на сто тысяч единиц увеличилось количество ученических мест в общеобразовательных школах республики, в 1,8 раз увеличилась коечная сеть лечебных учреждений, открыто более 250 клубов, домов культуры, кинотеатров, библиотек». Любовь и преданность родине, высокая ответственность за порученное дело, внимательное чуткое отношение и доброже-

лательность к людям снискали к нему заслуженный авторитет и уважение среди трудящихся республики. С 1976-84 гг. проработал уполномоченным по делам религии при Совете министров ССР по Бурятской АССР. В 1984 г. выйдя на заслуженный отдых, подполковник в отставке Владимир Афанасьевич Сахьянов не покинул строй, долгое время возглавлял совет ветеранов войны и труда республики. Много сделал, чтобы Совет стал авторитетной общественной организацией. В 1992 г. Владимир Афанасьевич ушел из жизни.

За боевые заслуги на фронтах Великой Отечественной войны и самоотверженный труд в народном хозяйстве В.А. Сахьянов награжден орденами Ленина, Боевого Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, тремя орденами «Знак Почета», орденом Отечественной войны, двумя орденами Красной Звезды, многими боевыми и трудовыми медалями, медалью МНР, почетными грамотами Верховного Совета Бурятской АССР. В г. Улан-Удэ на Проспекте Победы была открыта мемориальная доска с именем В.А. Сахьянова.

Одним из самых дорогих слов является – Родина. Для меня и моих земляков нет дороже Идинской земли, где живут прекрасные люди, которые своим трудом прославили «малую Родину» далеко за ее пределами. Подобно тому, как время отразилось в делах наших земляков, так и земляки наши достойно и ярко отразили свою историю. Очень отраднo, что к числу таких людей можно отнести Владимира Афанасьевича Сахьянова.

Примечания

1. Дегтярев И. Увидели солнце свободы./ Правда.
2. Коротаяева А. От благодарного народа./ Патриот, 2001г.
3. Коротаяева А. Открыта мемориальная доска./ Бурятия, 2001 г.
4. Коротаяева А. Из эпохи особой./ Правда Бурятии.
5. Кожевин В.Е. и др. Партией мобилизованные. – Улан-Удэ, 1975г.
6. Степанов П. Комиссар Сахьянов. /Знамя Ленина. – Усть-Орда, 1988 г.
7. Танкаев М.Т. Шли с боями. – Улан-Удэ
8. Хандажапов С. По стопам военных комиссаров. /Молодежь Бурятии, 1988 г.
9. Хандажапов С. Комиссар Сахьянов./На боевом посту. 1987 г.

Бурятские народные музыкальные инструменты: история и современность

А. Фарков
ученик 8 «б» класса,
МБОУ «Боханская СОШ №1»
С.М. Убугунова
учитель истории
МБОУ «Боханская СОШ №1»

Истоки бурятской народной музыкальной культуры уходят в глубокую древность. На протяжении многих веков бурятский народ создавал, совершенствовал и бережно хранил свое музыкальное богатство: древний героический эпос, протяжные лирические песни, обрядовые речитативы, плясовые напевы, инструментальные наигрыши и свои народные музыкальные инструменты.

Многочисленные народы, издревле населявшие громадный Центрально-азиатский регион, при всём различии происхождения, языка, истории имеют общие традиции во многих сферах жизни и быта, сложившиеся вследствие неизбежного общения между собой. Недалеко от земель, населённых бурятами, проходили великие караванные пути, связывавшие страны Азии и Европы, что способствовало не только развитию торговли, но и интенсивному культурному обмену между ними. Неудивительно, что среди бурят распространялись музыкальные инструменты, широко известные в других странах, прежде всего, в Монголии. Фольклорист Б. Сальмонт, изучавший музыкальный фольклор Бурятии, отмечал: «В области <...> инструментов становится фактом, что среди бурят своих инструментов нет, и они пользуются монгольского и китайского происхождения инструментами». Действительно, все музыкальные инструменты, которые встречаются в быту бурят, исследователь монгольской народной музыки Г. Бадрах описывает в качестве монгольских, к тому же, указывает: «Истоки монгольской музыки берут

свое начало в китайской культуре. Объясняется это тесными историческими контактами древних монголов с китайцами, кроме того, китайские музыкальные традиции вообще оказали значительное влияние на музыку многих азиатских государств».

Таким образом, родство тех или иных музыкальных инструментов разных народов – явление закономерное. Но нельзя забывать, что и заимствованные инструменты за долгие века бытования в народной практике приобретают новые, специфические национальные черты. Так, у бурятского хура, монгольского моринхура, тувинского игила, хакасского хомуса, русского гудка, узбекского комуза и инструментов того же рода многих других народов есть общие черты в конструкции, способе держать инструмент, манере звукоизвлечения. Вместе с тем, каждый из них имеет ясно выраженные национальные особенности, обусловленные локальными бытовыми, религиозными, эстетическими и иными традициями.

С древних времен в бурятском народе окружались любовью и уважением народные сказители – улигершины (ульгэршэн), рассказывавшие народные эпические сказания – улигеры и музыканты – хурчи (хуурша), исполнявшие песни под собственный аккомпанемент на хуре или хучире, струнно-смычковых инструментах.

В каждой юрте, по свидетельству путешественников, обязательно был хур или другой инструмент. Сложилась и известная пословица: «Тот не бурят, кто не поёт и не играет». Возникает немало профессиональных народных музыкантов и певцов, восхищавших слушателей. Сведения о некоторых из них собрал и сохранил известный бурятский фольклорист Сергей Петрович Балдаев.

С приходом советской власти, когда «отношение к народному творчеству всех без исключения народов со стороны государства и общества было уважительным и заинтересованным, в ранг государственной политики была возведена забота о сохранении и изучении фольклора». Во всех национальных республиках стали собираться и изучаться народные инструменты.

В 1939 г был создан первый Оркестр бурятских народных инструментов Государственной филармонии Бурят-Монгольской АССР, и, как мы видим, его открытие явилось событием закономерным и отразившим общую тенденцию развития музыкального искусства в СССР.

С целью определения знаний населения п. Бохан о народных инструментах, об оркестре автором был проведен социологический опрос. Опрошенные были определены в 3 группы:

1-я возрастная гр. – учащиеся 5-11 классов МОУ «Боханская СОШ № 1»;

2-я возрастная гр. – население среднего возраста (25 -45 лет);

3-я возрастная гр. – население старшего возраста (от 45 лет и старше).

Опрошено было 145 человек.

На вопрос: *«Знаете ли вы бурятские народные музыкальные инструменты?»*, более половины учащихся БСОШ №1 и людей среднего возраста ответили отрицательно (72%). Население старшего возраста смогли назвать несколько инструментов, самыми «называемыми» были чанза и домра. А название таких инструментов как моринхур, йочин, хучир, шанз, лимба, ятага вызывало удивление, 80% опрошенных впервые слышали о них, 20% слышали о некоторых из них.

На вопрос: *«Хотели бы вы узнать об этих инструментах, услышать их звучание?»*, большинство опрошенных ответили положительно (84%).

На вопрос *«Знаете ли вы что в п.Бохан есть любительский ОБНИ, бывали ли вы на его выступлениях?»* опрошенные ответили следующим образом: 58% население среднего и старшего возраста ответили положительно; а среди учащихся положительно на данный вопрос ответили лишь 28 % опрошенных школьников.

Проведенный опрос населения позволяет сделать ряд выводов:

– разные возрастные категории жителей п. Бохан практически не знают традиционную бурятскую народную музыкально-инструментальную культуру. 84% опрошенных считают необходимым внедрение современного национального музыкального инструментария среди населения района;

– все категории опрошенных с явной заинтересованностью высказывали желание узнать о бурятских народных инструментах, побывать на выступлении ОБНИ, были и такие, кто говорил, что мечтает научиться играть на народных инструментах (24 %).

Сур (суур) – деревянный духовой инструмент типа продольной свистковой флейты. Г. Бадрах упоминает подобный инструмент, на-

зывавшийся в Китае бишгуур. В Бурятии он распространён, главным образом, в западных районах и Усть-Ордынском округе Иркутской области. Музыкальный мастер Н. Халбаев рассказывал, что в прошлом суры изготавливались из тростника, который назывался «медвежья дудка» – срезанные стебли высушивали, в нижней части проделывали 3-4 отверстия, в верхний конец вдувался воздух. Конечно, такие инструменты не отличались прочностью, поэтому музыканты запасали несколько инструментов: «10-15 трубок вполне хватало одному на год игры, до нового «урожая» инструментов». Мастера – суристы не только воспроизводили народные напевы и наигрыши, но и блестяще подражали пению птиц, завыванию ветра.

В наше время распространены суры, изготовленные из дерева (сосны или ели). Полено раскалывается вдоль волокон, в каждой из половинок выдалбливается углубление, затем половинки склеиваются и скрепляются обручами, а целому придаётся форма, сужающаяся к обоим концам. Свистковое устройство инструмента располагается в 200-250 мм от вдувного конца трубки.

В начале 1930-х гг. мастер Н. Халбаев приступил к работе по усовершенствованию сура: впервые установил на вдувном отверстии мундштук, отшлифовал наружную поверхность инструмента, стал покрывать её тёмным лаком. В период формирования Оркестра Бурят-Монгольской филармонии в Экспериментальной мастерской Управления по делам искусств при Совете Народных комиссаров (СНК) РСФСР были изготовлены две оркестровые разновидности инструмента – большой сур и сур пикколо. Руководитель оркестра И. Рык так охарактеризовал их: «Сур напоминает украинскую сопилку. Усовершенствованный сур имеет диапазон от ля первой октавы до ми третьей. Извлекается хроматическая гамма. Суры имеют небольшой звук, по характеру несколько сходный с кларнетом». В довоенном оркестре суры дублировали другие инструменты (лимбы), выступали и с сольными партиями. В современном ОБНИ сур обычно заменяется кларнетом.

Бишхур (бишхуур) – деревянный духовой (язычковый) инструмент, по типу и характеру звучания близкий к гобою в его альтовой разновидности (английскому рожку). Судя по описаниям Г. Бадраха, термин «бишхур» (бишгуур) применялся ко многим духовым ин-

струментам и не обозначал именно бишхур, пришедший в оркестр бурятских народных инструментов из дацанского оркестра. Инструмент состоит из конического или цилиндрического деревянного корпуса, скреплённого металлическими кольцами, с несколькими (4-7) пальцевыми отверстиями, и медного, сильно расширенного раструба. В верхний конец корпуса вставлен пищик из сплюсненной камышовой трубочки.

В дацанском оркестре бишхур был, как упоминалось, единственным инструментом, способным интонировать мелодию, хотя и в пределах пяти звуков ангемитонной гаммы. Корпус инструмента делали из красного дерева, раструбы украшали накладным чеканным орнаментом из меди, а играть на бишхуре полагалось при зажжённых свечах красного воска. Б. Сальмонт в статье о бурят-монгольской музыке так характеризует инструмент: «...бишхур, дающий насыщенный, знойный звук (имеющий в нижнем регистре зловеющий, мрачный оттенок, а в верхнем – меланхолический)».

Два бишхура входили в состав Оркестра Бурят-Монгольской филармонии, восстановленного в послевоенные годы. Но после прекращения деятельности последнего бишхур не звучал в оркестрах до 1967 г., когда началось возрождение бурятского оркестра, в настоящее время известного как ОБНИ им. Ч. Павлова. Тогда известный музыкальный мастер Б. Дугаров, изготовивший инструменты для нового коллектива, сам принял участие в деятельности оркестра в качестве исполнителя на бишхуре. Звучание бишхура, так украшавшего оркестр в целом, в скором времени прекратилось. Б. Дугаров ушёл из коллектива, а другого достойного исполнителя не нашлось, бишхур же был заменён гобоем.

Ухэр-бурэ (ухэр-бурээ) – большой медный духовой инструмент, представляющий собой коническую трубу, напоминающий узбекский (таджикский) карнай, казахский керней, закарпатскую трембиту. Ухэр-бурэ не имеет пальцевых отверстий или клапанов. На аналогичный инструмент у калмыков указывает М. Петухов, называя его «бюра». Узкий конец трубы забит деревянной втулкой, в середину которой вставляется металлический (обычно, медный) мундштук в форме чашечки. Корпус ухэр-бурэ обычно состоит из нескольких колец, которые вытягиваются во время игры, а для хра-

нения вкладываются одно в другое. Из-за большого веса (до 10 кг) раструб инструмента при игре устанавливается на специальную подставку (при исполнении в помещении) или на плечо помощника (при исполнении вне помещения, во время службы). Ухэр-бурэ способен издавать звуки исключительной силы. Недаром традиционно считается, что инструмент предназначен для подражания рёву крупного животного – быка («ухэр-бурэ» на бурятском языке означает «бык-труба»).

С конца 1980-х гг. стала складываться традиция использования ухэр-бурэ в качестве музыкального символа на Сагаалгане – праздновании Нового года по восточному календарю, где ухэр-бурэ возвещал появление артиста в образе «хозяина вод» Байкала: «Мощный, матовый звук ноты До мягко переходил на кварту выше, к ноте Фа, и тянулся по мере затухания звука, как бы отдалённым эхом. И так в количестве трех раз».

Хур (хуур) – струнный смычковый инструмент китайско-монгольского происхождения. Инструмент бытует у бурят с незапамятных времён и наиболее популярен и любим в народе. Хур (как и хучир) – традиционный инструмент улигершинов, хранителей и пропагандистов бурятского народного эпоса – улигеров. По определению П. Берлинского: «...улигеры представляют собой былины или повествования, изложенные в довольно сложной и развитой форме, состоящей из соединения речитатива с инструментальным сопровождением, чистой декламации (без сопровождения), пения и инструментальной музыки иллюстративного характера». В прошлые времена хур был однострунным, а корпус-резонатор, обычно изготавливавшийся самим исполнителем в соответствии с собственными творческими задачами и возможностями, из самых различных подручных материалов. Он мог быть практически любой формы: квадратной, трапециевидной, овальной. Подобные инструменты имели ограниченный диапазон, слабый звук, поэтому в 30-е годы XX в., когда закладывались традиции оркестрового исполнительства на бурятских народных инструментах, закономерным было обращение к их существенной реконструкции.

В результате длительной работы ряда музыкальных мастеров и организаций возник реконструированный хур сопрано, который и используется в концертном и учебном музицировании. Данное на-

звание инструмента установилось в практике ведущего профессионального коллектива республики – ОБНИ им. Ч. Павлова.

Хур (как и хучир) – наиболее певучий бурятский инструмент, способный к убедительному воспроизведению широких кантилен. В народной практике на хуре (хучире) сопровождалось пение в унисон с голосом певца-хурчи. Тембр современного хура отличается в зависимости от размера инструмента. У хура сопрано бывает несколько резковат, тенорового хура напоминает звук академического альты с сурдиной, звучание хура баса характеризуется мягкостью и густотой. Доступны хуру и различные звукоподражания: ржание коня, свист, голоса птиц. В руках опытных хуристов инструмент способен к довольно быстрым и сложным пассажам, напоминающим скрипичные.

Хучир (хучир) – струнный смычковый инструмент китайско-монгольского происхождения. Хучир отчасти сходен с хуром по некоторым характеристикам звучания, однако, конструкция этих двух инструментов существенно различается. Хучир состоит из пустотелого цилиндрического металлического (чаще медного) корпуса резонатора, который при игре располагается горизонтально и к которому перпендикулярно крепится длинная деревянная шейка с большими деревянными колками. Корпус-резонатор со стороны, обращенной к слушателю, затянут кожей (гремучей змеи или козлиной), а с противоположной стороны открыт. Четыре струны хучира попарно, через одну (1-я и 3-я, 2-я и 4-я) настроены в унисон, а данные унисоны отстоят друг от друга на квинту. Шейку и струны охватывает подвижное металлическое (или жильное) кольцо, перемещение которого позволяет изменять длину струн и, соответственно, строй инструмента. Лукообразный смычок необычен тем, что его тетива состоит из двух пучков конского волоса, причём один из них проходит между 1-й и 2-й струнами, а второй – между 3-й и 4-й. Если движущийся смычок отклоняется в плоскости, перпендикулярной шейке, звучит одна из двух пар струн, настроенных в унисон. Тембр хучира отличается от тембра хура большей резкостью, несколько гнусавым (как бы «носовым») оттенком, а при глиссандированном переходе от звука к звуку очень напоминает человеческий голос.

Чанза (чанза) – струнный инструмент китайского (сяньсянь) и монгольского (шанза, шударга) происхождения. В Бурят-Монголию чанза была привезена из Монголии в конце 1930-х гг., когда формировался первый в истории бурятский оркестр. Инструмент, изготовленный в Китае, имел плоский овальный корпус-резонатор красного дерева, а передняя и задняя деки сделаны из кожи гремучей змеи (или удава). По традиции шанзист сидит на половине стула, наклонившись вперёд, и держит инструмент грифом вверх.

Работу по созданию бурятской чанзы начал музыкант А. Зонхоев. В 1944 г. им была сконструирована трёхструнная чанза. К 1959 г. мастером было создано семейство чанз – прима, альт, бас.

В 1960-е гг. работу А. Зонхоева по реконструкции чанзы продолжил музыкальный мастер Б. Дугаров. Фольклорист Д. Дугаров рассказал о том, что представляет новая, бурятская чанза (в отличие от монгольской шанзы): цилиндрический корпус вместо овального, причём изготовленный из местного, гораздо более дешёвого материала – забайкальского ильма. Его древесина обладает красивой текстурой, а естественные узоры напоминают бурятский национальный орнамент. Мембрана (передняя дека) изготавливается из шкуры забайкальской козы (в отличие от кожи гремучей змеи). Струны были сделаны металлическими. В 1964 г. Б. Дугаров изготовил первый такой инструмент.

Исполнительская практика показала, что бурятская чанза получила ряд несомненных конструктивных достоинств: увеличившийся диапазон позволяет исполнять не только национальный репертуар, но и произведения классики.

Иочин (иочин) – струнный ударный инструмент, звук которого извлекается из металлических струн двумя гибкими бамбуковым палочками с утолщениями на концах. Пустотелый трапециевидный деревянный корпус-резонатор иочина ставят на специальную подставку. Иочин напоминает инструменты многих народов Азии, ряда стран Европы – чанг (Узбекистан), цимбалы (Белоруссия), цамбал (Венгрия, Молдова, Румыния), сантур (Армения) и другие.

Иочин в прошлом изредка встречался в Бурят-Монголии. В конце 1930-х гг. два инструмента, привезенные из Монголии, были включены в Оркестр Бурят-Монгольской филармонии. И вновь были отмечены необычные звуковые качества инструмента: «Звук

иочина очень хрупок и нежен. Есть у иочина и важная колористическая функция, которая, по метафорическому выражению Ю. Банеева: «вносит в общее звучание ансамбля яркость, звонкость, создаёт иллюзию хрустальной россыпи». К сожалению, увидеть партию иочина в партитурах современных бурятских композиторов удаётся редко. В основном, неповторимый тембр инструмента можно услышать в учебных оркестрах и ансамблях Бурятии.

Ятага (ятага) – струнный щипковый инструмент китайского происхождения. Г. Бадрах пишет: «Согласно преданию этот музыкальный инструмент изобретён императором древности Фу-си». В дальнейшем «монголы внесли довольно значительные изменения в конструкцию этого инструмента, варьируя количество струн и размеры». Потом инструмент был надолго ими забыт и лишь с 1960-х гг., как отмечает видный монгольский ятагист Б. Наранбатор, началось возрождение исполнительства на ятаге. Известны аналогичные инструменты у других народов – калмыцкая ятага, тувинский чадаган, хакасский чатхан. В Бурятию ятага была привезена из Монголии в 1976 г., стала необычайно популярна и получила быстрое распространение среди населения.

Корпус ятаги представляет собой вытянутый (до 1152 мм) деревянный ящик, полый внутри. Обычно изготавливается из различных пород дерева – верхняя дека из ели, нижняя из сосны, рама инструмента из берёзы. Вдоль всей верхней дека натянуты 13 струн, каждая из которых опирается на отдельную деревянную незакреплённую подставку. Перемещение подставки позволяет подстраивать и перестраивать струну, что обычно делается перед исполнением каждого нового произведения иной тональности. Традиционно играют на ятаге сидя, держа игровой конец инструмента на коленях, а обратный упирая в пол.

Приёмы игры на ятаге: щелчок (ногтем, при помощи большого пальца, одинарный и двойной); щипок – для виртуозных пьес; скольжение (извлечение щипком последующего звука с одновременным глушением предыдущего).

Дударма (дуударма) – комплекс из 9-12 небольших (медных, обычно с добавлением серебра) тарелочек, которые подвешены в отверстиях деревянной рамы с рукояткой внизу для держания. Тарелочки имеют различную высоту звучания и располагаются на раме

так, чтобы удобно было извлекать хроматическую гамму. Звуки извлекаются небольшим молоточком, обтянутым кожей или металлической палочкой и отличаются мелодичностью и красотой тембра.

Оркестр народных инструментов – это всегда олицетворение красоты и богатства художественного творчества того или иного народа. Он как бы аккумулирует все краски тысяч мелодий, сотворенных людьми в течение столетий. Каждый национальный инструмент, будь то щипковый или духовой, – это своеобразие музыкального мышления народа, свидетельство его таланта. Под дружный многоголосый аккомпанемент оркестра оживает даже забытая мелодия, обретая долгую, красивую жизнь.

Бесспорно, что бурятские народные оркестры стали неотъемлемой частью национальной музыкальной культуры Бурятии, округа и района. Значение оркестров бурятских народных инструментов как важной творческой составляющей музыкальной жизни округа и района выдвигает и ряд проблем, из которых главной является проблема нехватки качественных инструментов (инструменты округ и район заказывают в Монголии). Считаю, что необходимо разработать и принять государственную программу по возрождению, сохранению и развитию традиционных бурятских народных инструментов, открыть в Усть-Ордынском Бурятском округе мастерскую по изготовлению и ремонту национальных инструментов. Как отмечалось, в последние десятилетия расширился круг обучения игре на национальных инструментах. Дальнейшей динамике этого процесса мешает дефицит инструментов. Таким образом, организация их массового производства могла бы значительно и качественно повысить уровень национального оркестрового и сольного исполнительства. По данным отдела культуры Усть-Ордынского Бурятского округа в округе есть мастера – изготовители народных инструментов (4 человека). Необходимо изучать и использовать богатые традиции и опыт ведущих бурятских музыкальных мастеров.

В ходе исследования автор в основном опирался на газетные статьи и небольшие публикации в журналах по культуре и искусству. Также использованы были исследовательские работы В.В. Китова, Л.В. Шулуновой, С.В. Шойбоновой – по истории оркестрового исполнительства Бурятии; Д. Нацагдоржа, В.И. Сиуновой – по истории бурятского народного инструментария.

Политические ценности современной студенческой молодежи

А.В. Халбашкеев

Студент 5 курса отделения политологии

Исторического факультета

ФГБОУ ВПО «Бурятский госуниверситет»

Политические ценности непосредственно определяют наше поведение, формируют отношение к тем или иным объектам, акторам политического процесса. Все это доказывает актуальность рассмотрения этой темы.

Ценности являются достаточно устойчивой категорией, передаваясь из поколения в поколение через механизмы политической социализации. Однако специфика и уникальность нынешней политической ситуации состоит в том, что в современной России выросло целое поколение, чья социализация происходила уже в постсоветский период нашей истории, в демократическом государстве. Отсюда вполне логично предположить наличие определенных изменений в структуре политических ценностей.

Особенно наглядно, по нашему мнению, это можно проследить на примере студенческой молодежи. Студенческая молодежь может быть определена как самостоятельная социальная группа, обладающая набором уникальных характеристик. К ним можно отнести включенность в систему общественных отношений, подвижность, восприимчивость ко всему новому, наличие собственных специфических интересов, потребностей и ценностей. Важной отличительной чертой является то, что они получают высшее образование, которое предполагает достаточно высокий уровень общей культуры личности, необходимый для того, чтобы разобраться и сориентироваться в современной социально-политической ситуации.

Для определения современного состояния политических ценностей студенческой молодежи нами в 2011 г. было проведено собственное исследование (анкетный опрос). Для получения сопоставимых данных и дальнейшего сравнения результатов мы исполь-

зовали готовый инструментарий, разработанный Н.В. Шемякиной²¹ (Приложение 1). Данная анкета поможет нам выявить отношение к ключевым ценностям традиционной и современной культуры: этатизму, демократии, традициям политического участия, а также определить насколько изменилось понимание категорий справедливости, терпимости, равенства.

Всего было опрошено 109 студентов ИФ, ФФ, НГИ, ФТФ, БГФ. Из них юношей 28,4%, девушек – 71, 6%; бурят – 64,2%, русских – 27,5%, представителей других национальностей – 8,3%. По месту рождения респонденты распределились следующим образом: город – 33%, село – 53,2%, посёлок городского типа – 13,8%. По специальности: гуманитарная – 51,8%, естественная – 26%, техническая – 22,2%.

По результатам опроса мы получили следующие данные:

При ответе на вопрос «Что на Ваш взгляд является основным в государственном устройстве?» мы получили следующие результаты: вариант демократия отметили 14,6%, законность – 17,4%, справедливость – 32,1%, свобода – 11,9%, равенство – 16,5%, терпимость – 2%, безопасность – 5,5%.

Сравнив их с результатами исследования 2001, получим следующие данные:

Вариант ответа	Материалы исследования 2011г.	Материалы исследования 2001г.
Демократия	14,6%	10%
Законность	17,4%	26%
Справедливость	32,1%	26%
Свобода	11,9%	15%
Равенство	16,5%	9%
Терпимость	2%	1%
Безопасность	5,5%	13%

В первую очередь следует отметить большой разброс мнений. Ни один из вариантов не набрал подавляющего большинства голосов. Однако, анализируя результаты исследования 2011г., следует

21 Шемякина Н.В. Социокультурные ценности современного студенчества различных социально-этнических культур. Бур. гос. ун-т – Улан-Удэ. 2001. С. 161-166.

отметить популярность ответа «справедливость». Также выросло число респондентов высказавшихся за вариант «равенство». Это можно объяснить увеличивающимся разрывом в уровне доходов между самыми богатыми и самыми бедными гражданами России. Относительный прогресс можно констатировать у варианта «демократия» Утратили свои позиции, по сравнению с 2001г., варианты «свобода», «законность» и «безопасность». С одной стороны это свидетельствует о том, что мы живём в более стабильной стране, где требования «законности» и «безопасности» не занимают лидирующие позиции. С другой стороны напрашивается противоречие между тем, что респонденты одновременно выделяя «демократию» как ключевую ценность не поддержали вариант «свобода». В данном случае эти понятия из одного смыслового ряда, и подобный диссонанс свидетельствует в первую очередь о противоречивом характере российской политической культуры. Однако, для того, чтобы сделать окончательные выводы нам необходимо определить, что респонденты понимают под «равенством», «справедливостью», «терпимостью».

Чем для Вас является равенство?

Вариант ответа	Материалы исследования 2011	Материалы исследования 2001
Это когда все равны только перед законом, а во всех других отношениях равенства быть не может	11,9%	13%
Это равные экономические, социальные, политические и культурные условия жизни людей	35,8%	17%
Это возможность для каждого занять любую должность в зависимости от способностей человека и только от них	17,4%	17%
Это равные стартовые возможности для всех (доступность образования, выбора профессии)	32,1%	22%

Полного равенства условий жизни быть не может, но к этому следует стремиться	2,8%	31%

Что для Вас представляет справедливость?

Вариант ответа	Материалы исследования 2011	Материалы исследования 2001
Все люди должны получать общественные блага в зависимости от их способностей	14,8%	18%
Люди должны получать общественные блага в прямой зависимости от их способностей, инициативы, деловых качеств.	36,1%	40%
Люди должны получать общественные блага в прямой зависимости от их способностей, инициативы, деловых качеств, но при этом делиться со слабыми и бедными.	49,1%	42%

Что для Вас представляет собой терпимость?

Вариант ответа	Материалы исследования 2011	Материалы исследования 2001
Надо терпимо относиться ко всем мнениям и взглядам, никакие из них нельзя запрещать для распространения	11%	14%
Надо терпимо относиться ко всем мнениям и взглядам, кроме тех, которые могут вызвать общественный беспорядок	13%	25%
Надо терпимо относиться ко всем мнениям и взглядам, кроме тех, которые противоречат моральным нормам и принципам	25%	32%

Надо терпимо относиться ко всем мнениям и взглядам, кроме тех, которые ведут к ущемлению прав других людей	43%	22%
Надо терпимо относиться ко всем мнениям и взглядам, кроме тех, которые сами отрицают терпимость	8%	7%

Проанализировав результаты, мы можем прийти к мнению, что данные ценности респонденты понимают скорее в традиционном смысле. Особенно это касается трактовки понятия справедливость. Почти половина опрошенных высказалась за необходимость «делиться со слабыми и бедными».

Равенство трактуется здесь в более широком понимании. Если в 2001 г. значительная доля респондентов считала, что достижение абсолютного равенства невозможно, то в 2011 г. этот вариант ответа не пользовался популярностью. Более того, современная молодёжь считает достижение равенства одной из основных задач государства. Здесь мы наглядно можем наблюдать влияние ценностей уравниательства, отсутствие традиций индивидуализма и конкуренции. Либеральная модель, где существует равенство только перед законом, также не пользуется популярностью в среде молодёжи, за этот вариант высказалось лишь 11,9% респондентов. Однако требования равенства всё же не так радикальны: в первую очередь это равные условия жизни людей, во вторую – равные стартовые возможности.

При анализе понимания «терпимости» в первую очередь следует отметить, что значительная доля респондентов по сравнению с 2001 г. высказалась за вариант: «Надо терпимо относиться ко всем мнениям и взглядам, кроме тех, которые ведут к ущемлению прав других людей». Это очень близко к либеральной трактовке прав человека. Остальные варианты ответа пользовались меньшей популярностью, нежели чем в 2001 г.

Практически не изменилось понимание респондентами «справедливости». «Для российского менталитета больше свойственно рассматривать совесть в качестве критерия справедливости... Это создаёт определенную противоречивость российского сознания: с

одной стороны, провозглашение правопорядка и верховенства закона, и в то же время допустимость нарушения законов, установок, правил, если они противоречат собственным представлениям индивидов о справедливости²²» [2].

Также нами были рассмотрены и аспекты политического участия:

Вариант ответа	Материалы исследования 2011	Материалы исследования 2001
Активно интересуюсь	5,5%	10%
Участвую в тех или иных мероприятиях	2,8%	5%
Интересуюсь информацией, но сам(а) активно не участвую	61,5%	50%
К политике равнодушен	16,5%	13%
У меня нет какой-то устойчивой политической ориентации	11%	19%
К политике отношусь отрицательно	2,7%	3%

Вариант ответа	Материалы исследования 2011	Материалы исследования 2001
Программа политических партий	71%	47%
Личная симпатия к лидеру	9,1%	32%
Советах авторитетных людей	11,9%	18%
Другой вариант	8%	-

Следует отметить, что классик политической науки Г. Алмонд считал, что превалирование культуры участия над другими двумя типами есть признак болезни общества, так как рост политической, а, следовательно, и избирательной активности граждан наблюдается, прежде всего, в кризисные периоды. Таким образом, тот факт, что большинство респондентов выбрали вариант – «интересуюсь информацией, но сам(а) активно не участвую» – 61,5%, свидетельствует о сбалансированной структуре политических ценностей. Нужно сказать и об осознанности политического выбора. Большин-

²² Там же. С. 122

ство респондентов здесь опираются на программе политических партий, а не на субъективных факторах. Это можно объяснить тем, что с 2001 г. прошло уже несколько крупных избирательных кампаний. Произошла политическая и правовая институционализация политических партий. Считается, что для стабильного функционирования демократической системы необходимо, чтобы прошло 4-5 избирательных цикла. На данный момент сложилась благоприятная в этом отношении ситуация, которой не было в 2001г.

Наконец, самым общим вопросом был: «Что позволяет, по Вашему мнению, прежде всего, судить о том совершенствуется наше общество или нет?». При ответе на него мы получили следующие ответы:

Вариант ответа	Материалы исследования 2011	Материалы исследования 2001
Рост материального производства	10,5%	26%
Совершенствование нравственности и морали	32,3%	19%
Расширение свободы человека, гарантии его прав	23,8%	19%
Углубление демократии	0,9%	3%
Улучшение экологической обстановки	10,5%	23%
Более справедливое распределение материальных благ	22%	10%

Наиболее популярными стали ответы «Совершенствование нравственности и морали», «Расширение свободы человека, гарантии его прав» и «Более справедливое распределение материальных благ». Все они получили большую поддержку, нежели в 2001 г. И если первый и последний варианты, в целом подтверждают итоги предыдущих вопросов, то во втором случае мы опять наблюдаем противоречие между ценностями «свободы» и «демократии». Данные варианты близки по смыслу, и в разных вопросах респонденты выбирали разные ответы. Это связано со структурой анкеты (разрешалось отметить только один ответ), а также, возможно, с недостаточным пониманием сущности данных ценностей.

Следующей ключевой ценностью для рассмотрения выступил этатизм. Так при ответе на вопрос «На что должна быть направле-

на политика государства?» мы получили следующие результаты: «сохранение порядка в стране» – 25,7%, «предоставление народу возможности больше влиять на важные решения правительства» – 14,2%, «борьба с повышением цен» – 6%, «защита свободы слова» – 6%, «достижение высокого уровня экономического развития» – 16,2%, «обеспечение надёжной обороноспособности страны» – 1,9%, «стабильная экономика» – 9%, «борьба с преступностью» – 6%, «движение в направлении от обезличенного к более гуманному обществу» – 9%, «движение в направлении к обществу, в котором идеи ценятся больше денег» – 6%.

«Чем для Вас является государство?»: «государство интересует меня лишь в той мере, какой служит моим интересам» – 12%, «оно позволяет согласовать мои интересы с интересами других людей, избегать конфликтов» – 13%, «оно обеспечивает единство общества, нации» – 45%, «оно является источником конфликтов и дезорганизации в обществе» – 2,7%, «оно обеспечивает соблюдение демократических норм и принципов» – 11%, «оно не гарантирует соблюдение демократических норм и принципов» – 7,3%, «оно обеспечивает социальную справедливость в обществе» – 9%.

Значительная доля респондентов высказываются за сильное государство, могущее обеспечить порядок и стабильную экономическую ситуацию. Но обеспечение свободы слова и возможность больше влиять на важные решения правительства также играют значимую роль в структуре предпочтений. Значимые позиции занимают и постмодернистские ценности: «движение в направлении от обезличенного к более гуманному обществу», «движение в направлении к обществу, в котором идеи ценятся больше денег».

Государство, по мнению респондентов, должно обеспечивать единство общества и нации. Вариант «оно обеспечивает соблюдение демократических норм и принципов» не получил достаточной поддержки. В целом, следует сказать, что отношение к государству скорее нейтральное, но никак не негативное. Ценности этатизма по-прежнему, занимают значимое место в структуре политической культуры современной студенческой молодёжи.

По итогам проведенного исследования мы можем сделать следующие выводы:

1. Политические ценности отличаются большой консервативностью. Нам не удалось выявить явных свидетельств трансформации политических ценностей студенческой молодёжи в сторону большей демократичности.

2. Однако наряду с консервативными тенденциями нами был выявлен ряд фактов свидетельствующих о трансформационных процессах. Это позволяет нам сделать предположение о том, что в будущем мы увидим движение в сторону современных ценностей. В качестве таковых можно выделить всё большее распространение ценностей постмодерна. Характерным является сокращение числа респондентов отдавших голос за вариант «Рост материального производства» при ответе на вопрос «Что позволяет, по Вашему мнению, прежде всего, судить о том совершенствуется наше общество или нет?» Однако это можно объяснить также стабилизацией экономической ситуации внутри страны. Укреплением государственной власти и стабилизацией обстановки в стране в целом, можно объяснить падение рейтинга популярности ценности «законности». Большее внимание респонденты уделили и либеральным ценностям правам человека, свободе и демократии. Конечно, изменения не так заметны, но позволяют говорить о некоторых тенденциях в сторону трансформации. Это тем более актуально, что студенчество выступает как наиболее открытая к изменениям категория населения.

Примечания

1. Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. – М., 1986.
2. Инглхардт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющееся общество. // Полис – 1997. №4
3. Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян. // СОЦИС. – 1996. – №5.
4. Лапкин В.В. Модернизация, глобализация, идентичность. Общие проблемы и российские особенности // Общественные науки и современность – 2007. №2.
5. Сорокин П.А. Родовая структура социокультурных явлений // Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992.
6. Шемякина Н.В. Социокультурные ценности современного студенчества различных социально – этнических культур: дис. канд. соц. н; Бур.гос.ун-т. Улан-Удэ; 2001.

ПЕДАГОГИКА

Использование этнокультурных традиций в воспитании обучающихся

С.А. Аштуева
учитель истории и обществознания
МБОУ «Хохорская СОШ»

Проблему «Как воспитать правильно человека?» смело можно отнести к разряду вечных вопросов. Каждый родитель, педагог, да и любой человек могут привести множество аргументов в пользу того или иного метода. Каждый будет по своему прав и будет свой метод претворять в жизнь.

На вопрос « Кто должен в большей степени заниматься воспитанием?» ответ однозначен – семья, а уже потом общественные институты. Роль семейного воспитания неоспорима. Семья за долгое время своего существования как социального института доказала свою значимость не столько как средство материальной стабильности, а как основа нравственного благополучия человека, а потом и общества в целом. К сожалению, негативное поведение во многом «заслуга» неправильного семейного воспитания. Как тут не вспомнить пословицу о том, что яблоки падают недалеко от яблони. В то же время семья является неким отражением, мини-срезом общества. Как только случаются проблемы в общественном развитии, тут же начинают говорить о кризисе семейных отношений. Но нельзя во всём винить время, общество. Всегда, во все времена было нелегко. Меняется планка, по которой мы можем судить о материальном благополучии или неблагополучии. Но остаётся та планка, та мера ценностей, которые необходимо заложить в подрастающем человеке, чтобы он мог успешно адаптироваться в современном, сложном мире, чтобы он мог противостоять тому негативному, нежелательному, что может преподнести ему жизнь.

Одним из средств воспитания является обращение к воспитательным традициям народа. Сейчас можно наблюдать любопытную тенденцию. Современный этап развития общества, характери-

зуемое как информационное общество, предполагает некую унификацию процессов, происходящих в экономике, политике и в том числе, в социальных отношениях. На этом фоне трудно объяснить, особенно выразительно проявившиеся во второй половине XX в., черты многообразия, поликультурности современного мира. Оказывается, можно жить в современном мире и придерживаться обычаев предков, можно сменить политическую идеологию на религиозные ценности. Совершенно очевидно, что базовые ценности, нравственные критерии жизни и функционирования общества основаны на тех культурных традициях, которые сформированы в процессе жизнедеятельности народа. Как бы не был «космополитичен» современный человек, чувство причастности к определённой нации, не только с точки зрения национальности, но и как носительства определённой культуры, языка, менталитета даёт человеку точку опоры, помогает понять своё место в жизни. Национальное самосознание, знание языка, культуры, истории своего народа – одни из самых важных моментов в процессе саморазвития личности. Очень тонка грань между национальным самосознанием и национализмом, шовинизмом – её очень легко переступить. Воспитание терпимого отношения к разным взглядам, уважительное отношение к национальной культуре, принятие факта уникальности, ценности каждого человека лежат в основе современной педагогики. Начало этому процессу должно быть заложено в семье. Воспитание в семье с использованием национальных традиций может стать мощным фактором в правильном воспитании молодого поколения. Этнопедагогика – это веками проверенный опыт, где сохраняется лучшее, что есть в воспитательной системе данного народа.

Бурятские традиции семейного воспитания тесно переплетаются с религиозными, культурными традициями. В частности, у бурят культ предков, которых они должны помнить и почитать. Те в свою очередь, играют роль оберега семьи, рода. Культ предков предполагает знание своей родословной. Обязательным считается знание семи поколений своей родни. Из поколения в поколение носителями памяти были бабушки и дедушки, родители. Знание родословной – это явление, которое удовлетворяет не только религиозные запросы, оно многофункционально. Идентификация ребёнка в родословной, сопричастность с родословной эффективна с точки зрения приви-

тия духовно-нравственных ценностей. Это воспитание уважительного отношения к старшему, привитие гордости за своих достойных предков, внушение ребёнку, что он не только отдельно взятый индивид, но также является частью рода, ему нельзя «выбиваться» из общего ряда достойных сородичей, нельзя нарушить заведённый ход времени, порядок. Родословная имеет связь с историей. Изучая родословную, человек как бы пронизывает время, видит жизнь своих предков, участие их в исторических событиях. Собственный педагогический опыт показывает, что подобное изучение исторических событий через изучение истории своей семьи весьма эффективно. Изучение родословной выходит за рамки только семьи, затрагивает при этом историю отношений внутри поселения. В этом отношении примечательны именно деревни. Замечательно сказал в своё время А. Вампилов о своей малой Родине – «похожий на все райцентры, но на всю Россию всё-таки один единственный». Показ уникальности поселения, значимости истории деревни в истории страны делает историю ближе и значимее для ребёнка. В истории села Хохорск прослеживается на протяжении 8-10 поколений родословная основателя села. По преданию, он имел один глаз, за что получил прозвище «слепец». («Хохор») – отсюда название села – Хохорск. Другое название деревни « Абгайтан» – Дядин улус. Рано осиротевшие племянники нашли, по обычаю того времени, приют и воспитание у своего дяди. По легенде, это само собой разумеется и не вызывает никакого удивления. Для наших современников – это урок, как надо поступать в подобных случаях. В легендарной истории бурятских родов, составленной С.П.Балдаевым, история Хохорска представлена от прародителя Буха – ноёна до основателя улуса Дархи (Хохора), продолжена вплоть до XX в. Работу С.П. Балдаева продолжила учитель-краевед Алла Архинчиевна Ванкевич. Тем самым жители Хохорска имеют уникальную возможность проследить свою родословную на 18-20 поколений. История поселения, насчитывающая примерно 270-300 лет, имеет некую точку опоры, некое начало своей деревенской истории. Эта связь: родословная семьи – история села – история региона – история страны – очень логична и эффективна для развития ребёнка.

Пример родословной жителя села Хохорск

Буха-ноён (легендарный прародитель бурят, жил у подножия Саян, в честь него проводятся весной молебны в Тункинской долине, жена его Будан –хаган)

Булгаг (жил в долине реки Куда имел двух сыновей, Булганхара и

Булган –хара (женат на дочери Хадак хана).

Тугалак (имел 7 сыновей и 3 дочери- «Тугалаки долоони тооложи барахабэбэй, тогоониин архи уужа барахабэй» или «Тугалаки долоони тоорогтой» – «потомков Тугалака не пересчитать, их молочное вино не выпить», «Потомки Тугалака счастливы»).

Алагуй («Аха ехэ Алагуй» или «Ама Саган Алагуй» – самый старший Алагуй или белорусый (сладкоголосый) Алагуй).

Готол (переселился в долину р. Ида, поселился в устье р. Тараса. Имел 3 сыновей и дочь. Сыновья стали основателями улусов Боханского района – от Тудэ – Хандагай, Корминский, Кутульский. Дубунский, Бугутуй; от Тургена – Тараса, Готол Аларский и Орлок в Осинском районе; От Тутхэна – улусы Хохорск, Ижелха, Харатирген, Шунта, Заглик, Хондолой; потомки дочери Голохан основали Бохан и Красную Буреть).

Тутхэн (имел одного сына, зато внуками был богат).

Таху (имел 5 сыновей).

Ярбай (имел 7 сыновей, постепенно на родовом поселении становилось тесно).

Дархи (четвёртый сын Ярбая переселился в долину р. Ида, женился на девушке Белен из Бараева рода, кочевавшего недалеко от Балаганска; потерял один глаз на облавной охоте, за что получил прозвище Хохор, имел 8 сыновей, которые стали основателями уруков (родов) Хохорска).

Хайдар (имеет много потомков)

Малахай

Халган

Балдунаг

Баргуй (его имя стало фамильным – Баргуевы)

Семён (имел 2 сыновей и дочь)

Егор (имел одного сына, рано умер, сын воспитывался у дедушки)

Сергей (1936 г. р., знатный комбайнёр, имеет орден Трудового Красного Знамени)

Константин (1966 г. р.)

Владимир (ученик МБОУ «Хохорская СОШ»)

Такая родословная имеется практически у каждого жителя села. Подробная родословная всех жителей села составлена Аллой Архинчеевной Ванкевич и хранится в школьном музее, является очень востребованной как ребятами, так и взрослыми.

Следует отметить, что знание родословной, кроме духовной составляющей, носило и чисто физиологический аспект – недопущение кровосмешения, что в условиях компактного проживания чрезвычайно тяжёлыми последствиями

В воспитательных системах многих народов, в т.ч. бурят есть понятие «табу» (запрет). Начальный этап воспитания сводился к навязыванию ребёнку ограничений, которые должны были стать для него привычными. На последующих этапах воспитания включались всё новые структуры ограничений, запретов: в потребностях, интересах, ритуалах и обрядах, праздниках. Нельзя делать то, что приносит вред окружающим, самому человеку. Устанавливая такие запреты, буряты полагали, что только так можно сохранить потомство, здоровье своё и своих близких, обладать большим количеством скота. Неблаговидные поступки считаются грехом «сээр». Нарушение табу влечёт за собой последствия в виде неудач, несчастья человеку, который преступил запрет, но и, что самое страшное, накладывает отпечаток на детей, потомков, в целом на сородичей. Это воспитывало ответственность за свои поступки.

Данная воспитательная система несколько не подавляет личность, человек не должен стать одним из многих. Всячески приветствовались индивидуальность человека, его личные качества. Воспитание направлено на то, человек полнее раскрыл свои способности, для того чтобы им могли гордиться сородичи, чтобы с него могли брать пример остальные. Большое значение для воспитания имеет понятие «идеал», т.е. то к чему хочется стремиться. В силу возрастных особенностей детей привлекают героические примеры, подвиги, которые могут совершить не все. Богатый пример нам преподносит художественная культура.

Бурятский героический эпос «Гэсэр» тому пример. Концентрированная мудрость народа, изложенная в эпосе, даёт ответы на многие вопросы, в т.ч. затрагивая проблемы воспитания. В самом начале повествования, где речь идёт о небожителях, приводится структура семьи, в которой живут несколько поколений. Здесь мы видим:

Мудрую бабушку Манзан Гурмэ

А сила её – в её уме,

Тысяча телохранителей окружает её

Чаша тонкой работы в руках у неё,

Чаша эта – чистое серебро,

В чаше напиток, под названьем – **Добро**.

(у каждого у нас была такая бабушка – воплощение добра, мудрости, справедливости, вселенского всепрощения)

Отец « сына достойного вырастивший,

Богатыря великого выпестовавший»;

Магушка мальчика «нянчила, пеленала

И поила, и согревала,

Седою ставшая, белее снегов,

Опорю ставшая для Вселенной всей».

Мальчик вырос, обзавёлся своей семьёй. У него родились «три сына статных, три дочери ладных».

Мальчики выросли « Всему хорошему – покровители,

Всего недоброго – истребители»,

«Самые суровые дела выбирали,

Самые трудные подвиги совершали,

Были они мыслью скоры,

были они сердцем чисты. . .»

Дочери были под стать своим братьям. Вот одна из них

«Из всех чувствующих –

самая чувствующая,

Из всех думающих – самая думающая,

Из всех чистых – наичистейшая,

Из всех честных – наичестнейшая,

На всех небесах, во Вселенной всей,

Не было красоты, подобной ей»

Данная структура – образец в плане построения семейных отношений. Сыновья – богатыри и их подвиги – пример для мальчиков, поведение сестёр – подражание для девочек.

К сожалению, мы вынуждены констатировать, что современная бурятская семья во многом утратила эти традиции. Сегодняшние родители росли и воспитывались в тот период истории нашей страны, когда вопросы развития национальной культуры, языка не находили должного места в государственной политике. Проводимая в школе работа по внедрению этнокультурных знаний призвана помочь в возрождении национальных традиций. Работа должна вестись на сегодняшний день, как минимум, по двум направлениям: воспитание обучающихся и просветительская работа среди родителей.

Приведённые примеры лишь часть системы воспитания подрастающего поколения, основанной на национальных традициях. Эта система многообразна и уникальна и отражает опыт, накопленный поколениями, который может при правильном, грамотном использовании, дать ответ на главный вопрос – как воспитать хорошего человека.

Примечания

1. Гэсэр. Бурятский народный героический эпос. – Улан-Удэ, 1986.
2. Балдаев С.П. Родословные предания и легенды бурят. Ч.1. Булагаты. Эхириты. – Улан-Удэ, 2009.

Развитие связной речи младших школьников на уроках бурятского языка

Н.Г. Замбулаева

к.п.н., доц.

Боханский филиал

ФГБОУ ВПО «Бурятский госуниверситет»

Содержание обучения бурятскому языку в начальных классах направлено на практическое овладение навыками родной речи. Важно, чтобы все выученное детьми находило применение в их речевой деятельности, как в устной, так и в письменной форме.

Развитие речи должно быть в центре внимания учителя, обучаются ли учащиеся чтению или письму, изучают ли элементы грамматики, упражняются ли в построении связных рассказов или выполняют задание по правописанию. Эта задача усложняется для учителя, работающего в диалектных условиях, так как материнским языком его учащихся является не литературный язык, а диалект. Обучая детей, учитель не всегда может опираться на навыки их родной речи; ему приходится преодолевать эти навыки, если они противостоят нормам литературного языка. Таким образом, на учителя ложится большая дополнительная задача.

Учитель должен продумать сам, как целесообразно построить изучение той или иной темы в условиях местного говора и какие специальные упражнения использовать для усвоения учащимися диалектоносителями норм литературного языка, развития их устной и письменной речи.

В данной статье мы остановимся на проблеме развития связной речи младших школьников, обучающихся в условиях тункинского говора бурятского языка. В процессе развития письменной речи учителю необходимо опираться на словарный запас каждого ребенка и его жизненный опыт, побуждать детей писать о вещах, отвечающих их потребностям и интересам, и помнить о том, что работы учащихся должны иметь практическую направленность.

Одной из основных задач развития письменной речи учащихся начальных классов, по мнению ученых-методистов, является «грамматикын хэшээлнүүдтэ учебник соохи упражнении дүүргүүлээд үнгэргэхэ бэшэ, харин һанал бодолыень хүдэлгэмөөр, үгэ хэлэлгын баяжуулмаар хүдэлмэри саг үргэлжэ ябуулха, һурагшадай зохохы ажал дээрэ үндэхэлэн һонирхолтой хүдэлмэри ябуулдаг байбал, тэдэнэй хэлэлгэ улам хүгжэхэ болохо» [1, с.123]. Опираясь на вышесказанное, мы считаем, что высшим уровнем развития письменной речи учащихся является творческая работа, предполагающая высокую степень активности. Письменные работы оживляют уроки, увлекают самих учеников мыслеречевой деятельностью, нередко вносят элемент соревнования.

Наиболее эффективным методом включения школьников в творческую деятельность на уроке является самостоятельная работа учащихся, направленная на выполнение различных текстовых

упражнений под руководством учителя, но без его непосредственного участия.

Рассмотрим некоторые виды письменных упражнений, повышающих активность, самостоятельность учащихся, способствующих формированию правильных литературных норм речи учащихся-диалектоносителей тункинского говора.

1. Создание двух текстов из одного псевдотекста по смыслу.

Учитель читает текст, оформленный на доске:

Хилээмэн гээшэ хүн бүхэндэ хүндэтэй эдээн гээшэ. Халуухан хилээмэнэй үнэр хамар өөдэм анхилна. Хилээмэндэ ехэ дуратайб. Баабайн асархан сагаан гурилаар эжын бариһан хилээмье эдихэдэ гое даа. Үндэр наһатай эжымнай аша хүүгэдээ харадаг даа. Эжымнай залуудаа хаалишанаар ажалла юм. Хүшэр хүндэ дайнай үедэ хархис дайсаниие илалсаа гэжэ мэдэнэбди.

Дети пытаются понять смысл текста и приходят к выводу, что это два совершенно разных текстов. Они разбирают текст на две части. Учитель спрашивает: почему вы считаете, что этот текст состоит из двух частей? Дети отвечают:

– В первой части говорится о хлебе, который печет мама, а во второй части – о престарелой матери, которая занимается с внуками.

– Да. Вам надо дописать текст по своему усмотрению, используя слова литературного бурятского языка, не забывайте об этом.

Приводим пример составленных текстов учащихся.

Хилээмэн.

Хилээмэн гээшэ хүн бүхэндэ хүндэтэй эдээн гээшэ. Халуухан хилээмэнэй үнэр хамар өөдэм анхилна. Хилээмэндэ ехэ дуратайб. Баабайн асархан сагаан гурилаар эжын бариһан хилээмье эдихэдэ гое даа. Хилээмэтэй шүлөөшье эдихэш, сайгаашье уухаш, хамаагай. Халуун хилээмээе тоһотой эдихэдэшни үшөө амтатай. Бидэ бурыадууд айлшадаа сагаан эдеэгээр хүндэлдэг заншалтайбди, Харин ород арад зон – хилээмээрээ.

Эжы.

Үндэр наһатай эжымнай аша хүүгэдээ харадаг даа. Эжымнай залуудаа хаалишанаар ажалла юм. Хүшэр хүндэ дайнай үедэ хархис дайсаниие илалсаа гэжэ мэдэнэбди. Дайнай болиходо хандархан

байдалаа бодхоолсоо хэн. Мүнөө эжымнай наһанайнгаа амаралтада гаража, тиигээдшые гэртээ миин һуудаггүй.

Учащиеся при дополнении текста употребили слова, наиболее часто используемые в тункинском говоре и окончания, написали, так как они произносятся на материнском языке: дайнай болиходо (когда закончилась война) – дайнай һүүлдэ; хандархан байдалаа бодхолсоо (помогала поднимать разрушенное хозяйство) – хандархан байдал үргэхэдэ туһалаа, гэртээ миин һуудаггүй (не сидит дома просто так) – ажалгүй гэртээ һуудаггүй, хамаагай (не важно) – хамаагүй.

2. Исправление готовых текстов.

Учащимся предлагается готовый текст с подчеркнутыми словами. Дети сами должны догадаться: почему эти слова подчеркнуты?

Нажартаа байгаали гое болодог. Үхибүүд зунайнгаа амаралтада гаража, сүлөөтэйхэнүүд болоно. Митиин лэ эньшаа, тэньшаагуур сэнгэжэ үдэрөө үнгэргэнэд. Модон соо ошожо алирһа, нэрһэ, зэдэгэнэ, пүсхөөндэй, шалбаандайнуудые түүнэд. Уһан дээрэ ошожо силмааданад. Һөөргэншөө ерэхэдээ, уһанда орожо шунгаад, амараад, гэртээ ерэнэд. Иигээд лэ манай амаралта үнгэрнэ.

Учитель спрашивает:

– Как вы думаете, почему я подчеркнула эти слова?

– Это слова, которые нужно заменить.

– а почему вы должны их заменять?

– это слова, которые употребляются только в нашем тункинском языке.

– Правильно, только не в нашем языке, а в нашем говоре (нотаг хэлэндэ). Постарайтесь подобрать наиболее точные слова, которые нужно использовать при замене.

Приводим пример текста с замененными диалектными словами их литературным эквивалентом.

Зундаа байгаали гое болодог. Үхибүүд зунайнгаа амаралтада гаража, сүлөөтэйхэнүүд болоно. Юумэ хэнгүй эндэ тэндэ сэнгэжэ үдэрөө үнгэргэнэд. Ой ошожо алирһа, нэрһэ, зэдэгэнэ, хуһан модоной хархяаг, нарһан модоной хархяаг суглуулна. Уһанай эрьедэ ошожо загаһашалнад. Бусахадаа уһанда орожо шунгаад, амараад, гэртээ ерэнэд. Иигээд лэ манай амаралта үнгэрнэ.

3. Создание двух текстов из одного, содержащего слова-омонимы.

Предлагается текст с заданием: юн тухай энэ текст соо хэлэгдэнэб гэжэ хэлэхэ, хоер хубида хубааха. Хуби бүхэндэнь нэмэлтэ оруулжа бэшэхэ.

Энэмандагар**гол**дээрэбидэзундаашунгажашье,загаһашалхашье аргатайбди. Ехэ **голнай** хадаһаа эхиеэ абадаг хадаа заримдаа угаа хүйтэн байдаг. Ааяма халуунда дулаан болоходонь бидэ баярладагбди. Энэ **голнай** Харһан гэжэ нэрэтэй. Хэшээлэй үедэ бидэ багшын хэлэһэниие анхаралтайгаар шагнанабди. Хэлэгдэһэнһээ **гол** юумэ хадуужа абаха гэжэ оролдонобди. Харин **гол** юумэ ойлгоогүй һурагша саашадаа номоо муугаар ойлгодог болоно.

– Обратите внимание на выделенные слова в тексте.

– В тексте встречаются слова *гол*, но они имеют два совершенно разных значения. Первое значение «река, которая называется Харһан», второе – «главное в сказанном». Поэтому мы разделили текст на две части.

– Да ребята, слово гол имеет два разных значения, хотя и пишется одинаково. Это слово-омоним (олон удхатай үгэ), т.е. слово, имеющее много значений [2, с.99-101].

Приводим пример текстов, дополненных детьми:

Харһан дээрэ.

Энэмандагар**гол**дээрэбидэзундаашунгажашье,загаһашалхашье аргатайбди. Ехэ **голнай** хадаһаа эхиеэ абадаг хадаа заримдаа угаа хүйтэн байдаг. Ааяма халуунда дулаан болоходонь бидэ баярладагбди. Энэ **голнай** Харһан гэжэ нэрэтэй. Харһаннай урда урдаһаар эрхүү гол руу ородог, тиигээд саашаа Байгал далайн тунгалаг уһые нэмээжэ урдан ороно. Манай ХарСан гол мЯрэн Байгал далайда туһа хүргэнэ гэ бидэ омогорхонобди.

Хэшээлдээ.

Хэшээлэй үедэ бидэ багшын хэлэһэниие анхаралтайгаар шагнанабди. Хэлэгдэһэнһээ **гол** юумэ хадуужа абаха гэжэ оролдонобди. Харин **гол** юумэ ойлгоогүй һурагша саашадаа номоо муугаар ойлгодог болоно. Хэшээлдэ һуһан бидэнэй гол уялга – багшын зааһан юумэ һайнаар ойлгожо, хадуужа абалга болоно. Багшын ажал аргагүй хүндэ гэжэ һананаб, манайһые ажал баһал хүндэ.

4. Создание текста учащимися по кругу.

Класс делится на две-три команды по несколько человек. Учитель объясняет задание, которое должны выполнить все команды:

– Я сейчас прочитаю предложение, его записывают первые номера команд, остальные слушают. После того как запишете, вы передаете листочек бумаги следующему участнику, он дополняет это предложение по смыслу своим предложением и передает другому и так по кругу вы должны составить связный текст. Заканчивает игру первый участник и сдает листочек учителю. Итак, читаю предложение, записывайте первые участники: Үбэл боложо, нуурнууд, гол горхонууд, мүрэнүүд хүрэшэбэ.

Предлагаем варианты полученных рассказов детей.

Үбэл.

1. Үбэл боложо, нуурнууд, гол горхонууд, мүрэнүүд хүрэшэбэ. Үхибүүд энэ сагтаа угаа дуратайнууд. Бидэ мүльһэн дээрэ ошожо конькигаар нааданабди. Зариман шаргада һуужа, үндэрһөө һольжорнод. Саһаа мухарюулжа баабхай хэжэ, бэе бэентгээ урилданабди. Иимэ гоё даа үбэлэй саг.

2. Үбэл боложо, нуурнууд, гол горхонууд, мүрэнүүд хүрэшэбэ. Хүнүүд дулаан хубсаһаа үмдэжэ, хүдһэн бээлэйнүүдээ баринхайнууд. Үхэр мала бидэ һайнаар эдэлүүлнэбди. Шубуудые хайрлажа эдээнэйнгээ үлээдэһэнүүдые, орооһо мүнһэн соо хэжэ газа үндэр дээрэ табинабди. Газар дэлхэй саган хүнжэлөөр хушагдашоо. Үбэлдөө бидэ дуратайбди.

3. Үбэл боложо, нуурнууд, гол горхонууд, мүрэнүүд хүрэшэбэ. Ой модон холоһоо харахада ямар гоёб даа. Ой соо ороходо элдэб һонин юумэнүүдые харахаш, анхархаш. Хажуугааршни һард гээд шандаган гүйгөөд харайжа үгы болохо. Саһан дээрэ амитадай мүрнүүдые хаража, таниха болонобди. Үдэр бүри ойдо сэнгэхээ ошожо байхада гоё.

В работах учащихся начальных классов встречались лексические диалектизмы, которые мы в своей практике не старались исправлять, а помогали подобрать литературные варианты таких слов, которые, несомненно, обогащают речь школьников. Рассмотренные типы творческих упражнений способствуют совершенствованию письменной речи учащихся, которые обучаются в условиях тункинского говора, и могут использоваться в практике учителей начальных классов, работающих в условиях местных диалектов.

Примечание

1. Ошоров Д.Д. и др. Эхин хургуулида буряад хэлэ зааха методико/ Ошоров Д.Д. и др.- Улан-Удэ, 2000.- С. 123.
2. Дондуков У-Ж.Ш. Развитие лексики монгольских языков/Дондуков У-Ж.Ш.- Улан-Удэ, 2004.-Кн. 1.- С. 99-101.
3. Буряад хэлэнэй программа. 1-4 классууд. Буряад хэлэн/Сост. Ошоров Д.Д.и др.- Улан-Удэ, 1993.-50с.
4. Величук А.П. и др. Методика развития речи в начальной школе/ Величук А.П. и др.- Ленинград, 1982.- С.98-124.
5. Замбулаева Н.Г. Обучение младших школьников литературному бурятскому языку в диалектных условиях (на материале тункинского говора): автореф. дисс. на ... канд.пед.наук / Н.Г. Замбулаева.-Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2009.-23с

Современные образовательные технологии

А.Н. Мушкирова

Боханский филиал

ФГБОУ ВПО «Бурятский госуниверситет»

Понятие «технология» прочно утвердилось в научной педагогической литературе и практике. Педагогическая технология определяется как «технология специально организованного процесса взаимодействия (прямого или опосредованного) учителей и учащихся (преподавателей и студентов), направленного на достижение запланированных целей образования, т.е. технологии учебного процесса» [1, 19].

Основной причиной появления технологического подхода в образовательном процессе явилась массовость образования, которая «породила проблемы стандартизации «сырья», стандартизации и унификации процесса, проблемы создания системы контроля качества конечного продукта» [1, 16]. Проведенные исследования Т.С. Назаровой и Е.С. Полат выявили, что: «Внедрение технологий резко изменяет «дидактический ландшафт» современной школы и требует смены ее методической парадигмы. Прежде всего, это касается смены целевых приоритетов: с ориентации на усвоение готовых знаний и опыта на процесс самостоятельного приобретения знаний и формирование механизмов, подходов к их усвоению, чему

в значительной степени способствовало использование новейших информационных технологий, предоставляющих широкие возможности для различных видов коммуникации, индивидуального и группового творчества обучающихся» [2,7].

В русле личностно-ориентированного образования педагогические технологии должны обладать такими характеристиками, как диалогичность, направленность на развитие обучающегося, предоставление ему возможности проявлять избирательность в выборе содержания, способов проработки учебного материала, форм самоконтроля и самооценки [3].

В исследованиях В.В. Горшковой, С.В. Панюковой, Т.И. Шамовой, П.И. Третьякова и др. диалог рассматривается как неотъемлемое органическое звено технологий личностно-ориентированной направленности.

Диалогическое взаимодействие предполагает:

уникальность субъектов и их принципиальное равенство;

различие и вариативность точек зрения каждого из участников диалога;

ориентацию каждого субъекта на восприятие, понимание и адекватную интерпретацию его точки зрения другими субъектами;

взаимную соотнесенность и дополнительность позиций участников диалога;

персональную направленность целей и содержания диалога;

прогнозирование ответа и его предвосхищения в собственном высказывании;

импровизационный характер диалога, предполагающий выражение свободной активности субъекта, порождающий новую информацию;

столкновение имеющихся идей и точек зрения, порождение принципиально новых духовных продуктов в процессе творческого синтеза [4, 125].

Реализация диалогического общения предусматривает готовность субъектов образовательного процесса к диалогу, уровень знаний и кругозор участников; степень сформированности коммуникативных умений и навыков; восприятие и обоснование различных точек зрения; формирование ведущих мотивов, на основе которых развивается личностный смысл изучаемого материала; расстанов-

ка акцентов, создание ситуации затруднения, обострения коллизий, выработка оценочных суждений; конструирование способов взаимодействия субъектов диалога; проектирование различных вариантов сюжетных линий дискуссии, выявление сфер импровизации диалога [5, 58].

Степень эффективности диалогического общения зависит от совокупности следующих факторов:

- рационального соотношения содержательного, деятельностного, мотивационного, коммуникативного, ценностного, оценочного компонентов образовательного процесса;

- равноправного взаимодействия участников диалога, основанного на отношениях доверия и уважения;

- выбора оптимального варианта проблемно-поискового стиля общения;

- способности актуализировать личностный познавательный и практический опыт;

- нацеленности всех «шагов» диалога на выявление и развитие смысловых отношений, ценностно-мировоззренческих оснований [5,59].

Диалог предполагает взаимодействие и взаимоотношение двух сторон – участников образовательного процесса, во время которых происходит взаимообмен информацией, точками зрения на рассматриваемую проблему, оценкой, эмоциями, ценностными основаниями. Диалог как коммуникативный процесс протекает в плоскостях «Я – Я», «Я – Мы», «Мы – Мы» и включает когнитивную и аффективную сферы. Когнитивная сфера подразумевает знание предмета разговора, знание другого субъекта общения, знание себя. Аффективная сфера проявляется в отношении к собеседнику, психологической картине разговора, ценностной оценке мнений и взглядов.

В образовательном процессе реализация диалогического взаимодействия достигается при условии позитивной профессиональной позиции преподавателя, ориентированной на субъект-субъектную взаимосвязь, раскрытие личностных качеств, таких, как открытость, гибкость, широта взглядов и суждений, проявление искреннего интереса к студенту, его личностным смыслам и ценностным отношениям. Акцент в преподавательской деятельности переносит-

ся с преподавателя – транслятора информации, норм и правил на преподавателя – соратника образовательного процесса.

Одним из важнейших средств развития ценностных ориентаций воспитуемых в условиях педагогической системы является проблемное обучение, которое представляет собой особую структуру познавательной деятельности учащихся по овладению научных знаний и способами учебной работы. Проблемное обучение способствует формированию нестандартного мышления, развитию ценностного отношения к окружающему и внутреннему миру личности.

Проблемное мышление, являясь видом творческого мышления, имеет следующую развернутость умственных действий: «видение» проблемы, ее постановка (словесная формулировка), выдвижение предположения (гипотезы) о способе решения проблемы, доказательство или опровержение гипотезы. Указанная структура может быть «свернута» при инсайте, догадке о способах решения.

В образовательном процессе в качестве проблемы выступает учебная задача, для решения которой актуализируются имеющиеся знания, индивидуальный опыт, производится их перенос в новые условия, проводятся связи и отношения между известным и неизвестным. При этом непременным условием применения учебной задачи является ее соответствие познавательным возможностям студентов, опора на имеющиеся знания и умения.

Высокая эффективность характеризует технологию учебного проектирования, активизирующую исследовательскую деятельность студентов. В основе данной технологии лежат гуманистические идеи Дж. Дьюи об обучении, основывающемся на активной целесообразной деятельности обучаемых в соответствии с их личными интересами.

Данный метод обладает развивающим потенциалом, реализующимся на всех ступенях обучения, характеризуется высокой эффективностью при обучении студентов вузов.

Метод проектов обладает образовательным, воспитательным и развивающим потенциалом, формирует рефлекторное (критическое) мышление, способствует определению личностных ориентиров. В процессе использования данной технологии кардинально меняется роль учителя, преподавателя: из ретранслятора информации

он становится организатором учебно-познавательной деятельности студентов, обучаемых.

Современное образование немислимо без информационно-компьютерной поддержки, без информационных технологий обучения, которые все шире внедряются в образовательный процесс, обуславливая эффективные способы организации учебной деятельности, такие, как индивидуализация обучения, выстраивание собственной образовательной траектории, самоуправление студентами своей познавательной деятельностью.

Одним из перспективных видов образовательной технологии является дистанционное («дистантное») обучение.

Дистанционное образование – это форма образования, обеспечивающая использование новейших технических средств и информационных технологий для доставки учебных материалов и информации непосредственно потребителю независимо от его местоположения. Дистанционное образование обладает следующими свойствами: модульность, которая позволяет обучающемуся разработать индивидуальный план обучения; приспособляемость ДО к личному времени обучающихся; возможность получения образования независимо от расстояний; высокая рентабельность.

Данная технология позволяет учитывать индивидуальные способности, потребности и интересы обучающегося, который обладает возможностью варьировать последовательность и темп обучения, актуализирует свою субъектность в образовательном процессе. Применение современных информационных технологий инициирует активность и самостоятельность обучаемых, выступающих важным фактором для лично-ориентированного педагогического процесса.

Примечания

1. Бершадский М.Е., Гузев В.В. Дидактические и психологические основания образовательной технологии – М.: Центр “Педагогический поиск”, 2003.
2. Назарова Т.С., Полаг Е.С. Средства обучения: технология создания и использования. – М.: Изд-во УРАО, 1998.
3. Бондаревская Е.В. Гуманистическая парадигма лично-ориентированного образования // Ученик в структуре лично-ориентированного образования. – Ростов н/Д., 1997. – С. 6-21.

4. Горшкова В.В. Педагогика диалога. Инновационные образовательные технологии. – Комсомольск-на-Амуре: Изд. ГПИ. – 1997. С.125.

5. Ошорова Г.С. Педагогические основы развития ценностно-мировоззренческих ориентаций старшеклассников. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2004.

6. Гузеева, В.В. Исследовательская работа в профильном обучении // Народное образование.- 2010.- №7.-С.192-196

Методы исследования в проектной деятельности (из опыта работы)

В.Н. Убугунова, учитель истории и обществознания
МБОУ «Тарасинская СОШ»

В XXI в. содержание обществоведческого образования в современных условиях России обновляется вместе с преобразованием общества, с глубокими сдвигами в развитии общественных наук. Значимость современных обществоведческих знаний, в том числе и истории, особенно возрастает в связи с влиянием происходящих в стране и мире изменений, оказывающих нередко отрицательное воздействие на самоощущение растущего человека.

Исследователи этого общемирового процесса среди других его характеристик выделяют и следующие:

- переход к информационному обществу должен сопровождаться созданием широкой и глубоко «эшелонированной» системы образования и развития творческих способностей, выработки у индивида высокого интеллектуального потенциала и потенциала самостоятельности;

- исключительное значение в этих условиях приобретает гуманитарное образование, которое позволяет воспитать не узкого специалиста-технократа, а человека думающего, обеспокоенного духовными и нравственными исканиями, с широким социальным кругозором;

- гуманизация всех областей человеческой деятельности, гуманизация всех наук становится насущной потребностью. Наука о человеке, или человековедение, должны одухотворять, наполнять

смыслом, гуманитарными целями не только научные исследования, но и все виды практической деятельности;

Старые историки обычно начинали историю той или иной народности, или народа, с эпохи установления государственных форм жизни. Вовлечение в научный оборот исторических исследований в области народного труда, быта, хозяйства, социально-политических движений совершенно изменило историческую науку. История поддала здесь руку этнографии, и создалась новая научная дисциплина – историческая этнография.

Изучать тот или иной народ, как историческую личность, субъект, действующий на исторической сцене, так стала звучать практическая и методическая задача историка.

Над таким изучением и построением истории народностей принялся работать ряд историков и исследователей, иногда вышедших из среды самой изучаемой народности и кровно с ней связанных.

НИКИФОР ЕГУНОВ (1902-1995) Родом из села Дундай, Боханского района Усть-Ордынского Бурятского округа – наш земляк и мой учитель в институте.

Многое из его методов преподавания, особенно в изучении истории, этнографии нашего многонационального народа актуально и востребовано.

МЕТОД ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО-ТЕКСТУАЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ – один из методов изучения исторической литературы, основанный на ориентировании учащихся в последовательном усвоении необходимой информации. Предлагаемый метод включает реализацию четырех основных ориентиров, составляющих алгоритм действий учащихся. В качестве примера приводим творческую работу «Зэгэтэ – аба или облавная охота» ученицы 9 класса Марины Бускиновой.

Первый ориентир: выделение основополагающих идей и положений, формулирование продуктивно-познавательных вопросов на уяснение их сущности, составление и запись ответов на них.

Цель работы:

- *дать общее представление об истории «эпохи зэгэтэ – аба» и провести сравнительный анализ с современной облавной охотой;*
- *оценить значение данного занятия – хобби в социальном процессе нашего села, общества;*

• *расширить общие знания об охоте – как средстве добывания пропитания, прожизвания.*

Второй ориентир: работа над вопросами, поставленными самими авторами источников, и выработка на них ответов.

Название «зэгэтэ-аба», по мнению М.Н. Хангалова, составляется из следующих слов: зэгэн – росомаха и аба — облава; зэгэтэ-аба, таким образом, могло означать сначала лишь облаву на росомах. Впоследствии значение слова «зэгэтэ-аба» расширилось и им стали называть охоту общими силами на всяких зверей. Зэгэтэ-аба, это не только артель охотников, но и военный отряд. Власть руководителей и главарей охотничьей артели сливалась с властью военачальников. Черты военной организации общества сохранялись и в мирное время.

Третий ориентир. Анализ упоминаемых автором фактов, событий, личностей.

Монах Рубрук дает краткое, но выразительное описание общественной охоты, облавы. «Когда они хотят, – говорит он, – охотиться на зверей, то собираются в большом числе, окружают местность, про которую знают, что там находятся звери и мало помалу приближаются друг к другу, пока не замкнут зверей друг с другом, как бы в круге и тогда пускают стрелы».

Четвертый ориентир. Соотнесение идей и положений источников с событиями, преобразованиями в жизни нашего общества, то есть попытки использования исторического опыта России в наше время.

Но современная история показывает, что «эпоха зэгэтэ – абы» реальна и сейчас. И сегодня охотники продолжают славную историю этого занятия. На данный момент облавная охота для мужчин – хобби, которая длится с ноября по январь каждого года. Такая охота требует коллективных, договорных отношений – наличие команды. В одной из таких команд принимает участие и мой отец – Бускинов Николай Петрович, он – атаман.

Атаман руководит коллективной охотой и также обеспечивает правила безопасности на охоте и других правил связанных с охотой, и несет за это ответственность. Перед началом охоты атаман проверяет охотничьи документы охотников. Проводит инструктаж. Знакомит с планом организации охоты (маршрут, последовательность загонов). Атаман проводит жеребьевку стрелковых номеров,

устанавливает порядок выделения загонщиков из числа охотников по номерам и после окончания загона дает сигнал к сбору – свист. Мясо добытое на охоте делится поровну между всеми участниками охоты.

Использование исторического опыта представляется в виде двустороннего движения: с одной стороны, прослеживание важного опыта предков, получившего зарождение в далекие годы, до сегодняшнего дня; с другой – изучение современной истории до уровня соотнесения его с опытом прошлого.

Успех завершающего этапа обработки источника в значительной мере зависит от умелого преодоления двух трудностей:

- подбор нужных примеров для анализа;
- соотнесение их друг с другом.

Без дополнительной ориентировки со стороны учителя учащимся эти трудности не преодолеть.

МЕТОД ПОЭТАПНОГО ИЗУЧЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ – один из методов изучения исторической литературы, основанный на ориентировании учащихся в самостоятельном изучении необходимой информации посредством трехэтапного алгоритма действий.

Следующий пример – работа «Народная медицина» ученика 7 класса Владимира Коняева.

I. Подготовительный этап.

Он предназначен для того, чтобы подвести учащихся к максимально эффективному восприятию основного содержания источника, в первую очередь его идей и положений.

Проблема исследования: великое наследие народной мудрости должно изучаться и оставаться в практике; ценности национальной культуры служить людям, обществу.

II. Усвоение содержания источника.

На первом этапе работы с источником учащиеся уже сумели выработать некоторые представления о главном – идеях и положениях, заложенных в нем. Однако основная работа в этом направлении осуществляется на втором этапе.

Манжиханов Вячеслав Маслянович – или по домашнему «дед Манжян» живёт в деревне Красная Буреть Боханского района Иркутской области. Он не шаман, не лама, он лекарь, по-бурятски «адһа барьнай» – лечит животных. Своим учителем считает Ман-

духонова Игнатия, которому начал помогать в проведении обряда – лечения в конце 50-х гг. XX в.

В своей практике для лечения использовал таких домашних животных: ухэр – бык, хонин – баран, гахай – свинья, яман – козёл. Ещё используют в лечении и собаку – нохой, но дед ни разу этого не делал. Причин много, вот некоторые:

- животное для лечения выбирает шаман или сам больной, знающий о своей болезни;
- собака использовалась для лечения туберкулёза, а сейчас эта болезнь лечится с помощью вакцинации;
- процесс проведения лечения с помощью собаки очень опасен – может сильно покусать, ранить;
- отношения с собакой – друг человека, заложено в подсознании и снимать шкуру с живой собаки, это как скальпировать человека, хотя в прошлом это использовалось.

III. Выполнение обобщающих и практических заданий.

По воспоминаниям тех, кто принимал данное лечение есть особые правила, советы:

1. Надо верить в лечение и выполнять все предписания обряда.
2. Надо хорошо знать свой организм и его реакции на новшества.

Народная медицина – одна из методов здоровьесбережения. Газета «Аргументы и факты» №19 от 11 мая 2011 года, №16 от 18 апреля 2012 года описывают необычную, но очень эффективную, безопасную методику профилактики рака и рецидивов опухолей, применяемой сибирскими учёными – гипетермии: способ искусственного согревания человека выше 42-43⁰С. Хотя такую температуру в обычных условиях человек перенести не может, авторы статьи предлагают раз в год проходить теплолечение, как страховку от онкозаболеваний.

Таким образом, есть определённая связь между традиционной и нетрадиционной медициной, а многие тайны национальной культуры нужно сохранить, изучить и использовать во благо людей и общества.

Приобщая обучающихся к выполнению практических заданий, учителя тем самым учат их использовать богатейший исторический опыт наших народов.

История как наука наполнена тремя измерениями: прошлым, настоящим и будущим.

- Главная составляющая – прошлое. Оно несказанно богато, поучительно, следовательно, интересно и полезно.

- Настоящее. Оно перед нами, творцами новейшей истории. Настоящее изучается в связи с прошлым с целью использования исторического опыта в современных условиях.

- Будущее. Его отражение в истории возможно на уровне прогнозирования, на опыте прошлого и реалий настоящего.

Таким образом, изучение истории дает возможность понять прошлое, тем самым усилить его влияние на настоящее, что позволит идти более уверенными шагами в будущее.

Примечания

1. Степанищев А.Т. Методический справочник учителя истории.
2. Выдающиеся бурятские деятели. Т. 1. – Улан-Удэ,
3. Интернет – Ресурс
4. Методика преподавания обществознания в школе. – М.,
5. Богданов М.Н. Очерки истории бурят-монгольского народа. Изд. 2-ое.– Улан-Удэ, 2009.
6. Творческие работы учащихся.

Изучение народного бурятского эпоса «Гэсэр» на уроках изобразительного искусства

В.П. Урбанова,
преподаватель
изобразительного искусства
ОГБОУ СПО
«Боханский педагогический колледж им. Д. Банзарова»

Развитие культуры современного подрастающего поколения – проблема, которая требует поиска оптимальных и эффективных путей её решения в образовательном процессе. В образовательном процессе недостаточно внимания уделяется нравственно-этическим вопросам воспитания, крайне мало представлены художественно-эстетические занятия. Вместе с тем, именно за-

нения художественно-эстетического цикла, обладают большими воспитательными возможностями для становления культуры человека. На это обращали внимание в своих трудах многие великие педагоги: Я.А. Коменский, К.Д. Ушинский, В.А. Сухомлинский и др. Классики педагогики указывали на необходимость приобщения детей к народной культуре, народному фольклору.

Через фольклор ребенок может развиваться, может проявлять свои умения, фантазию, показывать себя. В народных эпосах, сказках есть все для развития эстетических чувств учащихся, для расширения их кругозора и повышения культурного уровня.

К сожалению, в современной школьной практике знакомство с народными культурными традициями обычно происходит эпизодически. Отсутствие систематического изучения культурных традиций своего народа является причиной того, что дети не испытывают к ним достаточного интереса.

Обнаруженное противоречие позволяет выделить проблему: каковы возможности народных традиций для ознакомления детей с народной культурой? Данная проблема определила тему статьи.

Современные школьники плохо знают свою историю, мало интересуются народным искусством и часто считают изобразительное искусство скучным и ненужным. Перед учителем стоит сложная задача обратить взор ребенка к искусству, созданному его предками, к самым корням чудесного древа. Ребенок должен понять, что без корней не может существовать крона, так же как человек не может существовать без памяти о прошлом человечества, прошлом своего народа.

Героический эпос «Гэсэр» является уникальным памятником духовной культуры бурятского народа. Этот эпос считают своим не только буряты, но и многие другие народы Центральной Азии. Эпос распространен у тибетцев, монголов, тувинцев, алтайцев, калмыков, северотибетских уйгуров. Гэсэр стал как бы символом центральноазиатской общности различных культур и традиций. Эпическое сказание о Гэсэре сохраняется в живой народной памяти до нашего времени. Если записанные тысячи лет назад «Илиада» и «Одиссея» перестали исполняться сказителями, передаваться из уст в уста, то «Гэсэр» дошел до нас и в литературной, и фольклорной традиции.

Гэсэр – сын небожителя – тэнгри Хурмасты.

Необычна завязка сюжета: болезнь и смерть Наран Гоохон, дочери Наран Дулаан-тэнгрия, подчинение западных тэнгриев восточным. Бухэ Бэлигтэ (будущий Гэсэр) ловит жаворонка для излечения Наран Гоохон. Спор между главами двух враждующих небесных лагерей ведется из-за обладания Сэгээн Сэбдэг-тэнгрием. Побежденные и сброшенные на землю сыновья Атай Улаан-тэнгрия превращаются в трех шараблинских ханов, сам Атай Улаан в злого демона Гал Нурман хана.

Из гниющих частей тела Атай Улаана на земле образуются чудовища. Так мифологически объясняется появление зла, ядовитых туманов, болезней, засухи, заморозков, чудовищ, пожирающих зверей и людей, злых шараблинских ханов на земле. Уничтожить эти конкретные злые силы и посылают Бухэ Бэлигтэ небожители.

Вступив в пределы земли, и став обитателем среднего мира, заново рождается на земле от земных родителей. Миссия Гэсэра – вмешательство в устройство земных дел. Смысл спуска и второго рождения его в том, что, по представлениям создателей эпоса, небесному жителю не дано вмешиваться в земные дела. Чтобы получить право участвовать в делах людей, эпический герой должен сделаться земным по происхождению, т.е. приобрести новую жизнь, земную.

Гэсэр родился на земле с определенной, четко выраженной миссией: он – искоренитель зла. Он уничтожает чудовищных мангадхаев, сеющих на земле болезни, зло, несчастья, пожирающих людей и скот. Уничтожив мангадхаев, коварных ханов и злых шаманов, Гэсэр устанавливает на земле мир и благоденствие. Все его действия направлены на защиту родной земли, своего племени и рода от чужеродцев-врагов, от иноземных вторжений.

В поэме воспеваются верность долгу, клеймится позором измена и предательство. «Гэсэр» – гимн любви к своей земле. «Не допускай врага к родной земле, не жди его, но выходи навстречу, там-то он будет побежден» вот один из важнейших мотивов этого эпического сказания.

У любого народа существует свой неизбывный национальный эпос, который будоражит сознание, душу, дух. Мир эпоса «Гэсэр», населяющие его образы, сам главный герой, его три царицы

жены, все они настолько выразительны и зримы, что дает возможность использовать этот материал на уроках изобразительного искусства. В процессе изучения тем дети имеют возможность создавать собственные фантазии.

Приобщение к замечательным памятникам искусства позволяет детям соприкоснуться с особым складом мышления современных художников, с особым складом познания и освоения ими окружающего мира через созидательно-творческую деятельность. Очень важно раскрыть природу искусства через отношения художника с миром в живых, значимых для ребят взаимосвязях. «Лишь личностно значимые знания остаются в долговечном запасе личности и образуют тот фундамент, на основе которого протекает последующее совершенствование в различных сферах...» (Э. Н. Фаустова).

Художники Бурятии (Г.Е. Павлов, Ф.И. Балдаев, Р.С. Мэрдыгеев, Ц.С. Сампилов, А.Н. Сахаровская, Ч.Б. Шенхоров, С.В. Ханхаров) на протяжении всего XX в. обращались к эпосу и каждый создавал свой образ, отражающий определенный уровень художественного мышления.

Великий художник-академик – Н.К. Рерих на своих знаменитых гималайских картинах изобразил центрально-азиатские легенды о Гэсэре. В картине «Меч Гэсэра» Рерих обращается к образу героя монголо-тибетского эпоса XI в., богатыря Гэсэр-хана, знаки которого – меч или фигуру лучника – высекали на горных камнях пастухи-кочевники. В бурятской графической школе изобразительные вариации на тему эпоса «Гэсэр» стали пробным камнем для всех художников. Следует отметить, что древний эпос, волнующий и вдохновляющий художников Бурятии, шагнув в третье тысячелетие, остается современным, молодым, вечным.

В данной статье мы коснулись вопросов об использовании данного материала на уроках изобразительного искусства.

Разработали задания в изучении художественных образов:

1. Рисунок необычного дерева.
2. Изображение фантастического.
3. Образ Богини – матери.
4. Образ героя-богатыря.

Важным педагогическим условием художественно-творческого развития становится освоение детьми способов извлечения из

своего личного опыта исторически сложившихся культурных моделей и первообразов в качестве строительного материала для собственного творчества. В качестве примера приведем содержание одного урока:

Тема: Изображение фантастического героя

Задача урока: Фантазии и реальности. Фантазия всегда опирается на реальность.

Согласно буддийской мифологии, мир разрушают три стихии – воздух, вода и огонь. И тогда наступает «период разрушения». После разрушения наступает «период пустой», затем наступает период возникновения мира – «период становления», и, наконец, период появления обитателей вселенной – «период населения». Все три стихии участвуют во всех периодах. В «Гэсэре» – это период становления. Фантастические герои эпоса – это дьявол Архан, Гал Нурман хан, Шэрэм Минаата, Лойр Лобсоголдой, три шарайдайских хана.

Образ дьявола Архаана олицетворяет ветер (смерч) и воду, у которого при виде покоя и порядка на земле тысячами рождаются злые помыслы – уничтожение всего живого на земле: «Готов Солнце и Луну поглотить...».

Гал Нурман хан олицетворяет стихию Огня. В эпосе он представлен дьяволом с десятью тысячами глазами и одним большим на темени.

В огромное чудовище Орголи воплотились явления энергетического влияния трещин-провалов на поверхности земли, землетрясения. В эпосе он описывается как огромный зверь-тигр, пожирающий все живое вокруг, засасывающий все, что находится рядом.

Шэрэм Минаата олицетворяет эпидемии. Это большое и грозное чудовище о двух ногах, неподвластен огню и помыслы его черны: огнем даже не сжечь. Долго длится битва Абай Гэсэра с Шэрэм Минаата дьяволом, нет уже сил... И идет Абай Гэсэр к почтенной Манзан Гурмэн за советом. Она, заглянув в свою книгу судьбы, достает и передает Абай Гэсэру шерстобитную палочку (прутик), которой он должен будет стегать Шэрэм Мината дьявола, и тогда сможет противостоять ему в бою.

Лойр Лобсоголдой олицетворяет человеческие пороки: зависть, ревность, гнев, злость и коварство. Вначале небольшой

чертенюк, а затем коварное и большое существо. Гэсэр бьется как бы сам с собой, так как обнаруживает в себе те же пороки, какие он видел у своих соперников. Собственное отражение, которого ему не победить, ибо себя победить нельзя. Бился бы с самим собой Гэсэр, истязал бы себя еще долго в лице Лойр Лобсогодоя, но на помощь к нему пришли его богатыри. Но и они убить Лобсогодоя не смогли.

«Положили его в подземную яму
И поставили сторожей
С коваными телами,
С пронизывающими стрелами...»

Три шарайдайских хана означали беспечность. Гэсэр, упоенный счастьем охотника, позабыл о бдительности, стал беспечным, что привело к новой беде – к войне с тремя ханами Шаралдаями – Сагаан Гэрэл, Шара Гэрэл, Хара Гэрэл. Гэрэл, что значит – зеркало, поэтому три хана похожи друг на друга, как отражение в зеркале.

Изображая добро и зло, детям необходимо представить на кого похожи злые герои эпоса. Выявить пространственное положение героев в мифологической вселенной, отношение к стихиям, к категориям времени, к животному миру и т.д. Так, например, Архан как туча, Гал Нурман хан – огонь, Шэрэм Минаата, что-то лохматое и неопрятное, Орголи в образе белого тигра, а Лойр Лобсогодой – это чертенюк-черт-человек (сам Гэсэр).

Богатырь встречается и вступает в единоборство последовательно с несколькими противниками. При этом сила и коварство его врагов возрастают с каждым разом, от встречи к встрече. Эпос верен правде жизни в главном: в мире сталкиваются и бьются добрые и злые силы, есть друзья и враги – все переплелось в тугой узел и нужны большое мужество и твердость воли, чтобы не дрогнуть в час испытаний и с достоинством преодолеть все препятствия.

Начав свой путь с обращения к истокам народного искусства, учащиеся постепенно овладевают опытом мироощущения, мировосприятия предков-бурят. Здесь точкой отсчета становится знакомство с архаическими памятниками старины, изобразительно-символические элементы, которых выражают поэтические воззрения древних на мир. В этом поможет зрительный ряд, выстро-

енный из произведений художников, иллюстрирующих эпос: Ц. Сампилов, А. Окладников, Р. Мэрдыеев, Г. Павлов, Ф. Балдаев, А. Сахаровская, Д. Пурбуев, Т. Манжеев, Ч. Шенхоров.

Эпический герой, именно он способен совершить героический подвиг и поэтому народ наделил его силой. Как создание народной фантазии образ Гэсэра является крупным художественным обобщением. Он воплощает в себе идеальные черты народного богатыря, вобрав в себя этические, эстетические и философские представления народа. Это – герой, вставший на путь борьбы и ратных подвигов не ради личной славы и власти, а во имя осуществления благородной цели: избавить людей от бед и несчастий и дать им свободу и мирную жизнь.

Народные, классические и современные формы искусства — все это единые следы человечества, оставляемые на пути его исторического, культурного, духовного развития. И лишь движение по этому пути в единстве мысли и чувства может дать детям широкий спектр понимания различных проявлений искусства как части духовной культуры человечества.

Творчество учащихся на тему эпоса дает возможность сопоставить два склада мышления — народный, основанный на традиции, и профессиональный, связанный с максимальным проявлением творческой индивидуальности художника, с поиском новых форм, пластического языка, созвучного времени, с широкими возможностями экспериментирования в том или ином материале.

Примечания

1. Гэсэр. Бурятский народный героический эпос. – Улан-Удэ: Бурят.кн.изд-во, 1986.
2. Уланов А.И. Бурятский героический эпос. – Улан-Удэ: Бурят.кн.изд-во, 1968.
3. Шаракшинова Н.О. Героический эпос о Гэсэре. – Иркутск, 1969.
4. Шаракшинова Н.О. Героико-эпическая поэзия бурят.- Иркутск: Изд-во Иркут.ун-га, 1987.
5. Эпос «Сказание о Гэсэре» // Историко-культурный атлас Бурятии. – М., 2001.

Научное издание

**Прибайкалье в микроисторическом срезе:
методология и проблемы
(Егуновские чтения – V)**

Материалы межрегиональной научно-практической конференции,
посвященной 110-летию со дня рождения первого профессора
БГПИ/БГУ доктора исторических наук
Никифора Петровича Егунова.

4 июня 2012 г.

Г. Улан-Удэ, БГУ

8 июня 2012 г.

П. Бохан, Боханский район Иркутская область
Боханский филиал БГУ

В авторской редакции

Издательство «Оттиск»

Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.

Подписано в печать 01.11.2013. Формат 60X84/16.

Усл. печ. 13,2 л. Уч.-изд. 14,6 л.

Бумага офсетная. Печать трафаретная.

Тираж 300. Заказ № 0181.

Отпечатано в типографии «Оттиск»

664025, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 28.

Тел. 8(3952) 34-32-34, 241-242.

E-mail: ottisk@irmail.ru

www.ottisk-irk.ru